Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

6557
V

МЕТАФИЗИКА

ХР. БАУМЕЙСТЕРА.

МЕТАФИЗИКА

Baumeister, F. C. B.

ХР. БАУМЕЙСТЕРА,

Переведенная съ Латинскаго языка

Tolmachev

Яковомъ Толмачевымъ.

Изданіе второе, вновь исправленное.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1830 ГОДА.

ВП 10
.В347

Печатать позволяется

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Октября 11 дня 1828 года.

Цензоръ И. Втьтринскій.

104837
164

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предувѣдомленіе о свойствѣ и сущности Мешафизики . . . . . 1.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Онтологія.

Предувѣдомленіе . . . . . 4.

Глава I. О первыхъ началахъ познанія человѣческаго . . . . . 6.

—— II. Понятіе о сущемъ и несущемъ. . 11.

—— III. О сущности . . . . . 18.

—— IV. О главныхъ принадлежностяхъ сущаго . . . . . 22.

—— V. О тожественномъ и различномъ . 25.

—— VI. О томъ, что называется опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ . . . . 31.

—— VII. О цѣломъ и частяхъ . . . . . 35.

—— VIII. О необходимомъ и случайномъ . . 37.

—— IX. О порядкѣ, Мешафизической истинѣ и совершенствѣ . . . . . 42.

—— X. О существѣ сложномъ . . . . 54.

—— XI. О существѣ простомъ . . . . 64.

—— XII. О существѣ самостоятельномъ и принадлежностяхъ . . . . . 68.

—— XIII. О существѣ конечномъ и безконечномъ . . . . . 73.

Стр.
Глава XIV. О началахъ и причинахъ . . . . 76.
—— XV. О знакахъ и значимомъ . . . . 87.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Общая Космологія.

Глава I. О Космологіи вообще. . . . . 89.
—— II. Поняшіе о мірѣ . . . . . 90.
—— III. О тѣлахъ . . . . . 102.
—— IV. О законахъ движенія . . . . . 103.
—— V. О стихіяхъ тѣлъ . . . . . 105.
—— VI. О естественномъ и сверхъестественномъ, или чудесномъ . . . . . 106.
—— VII. О совершенствѣ міра . . . . . 113.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Пневматологія и Психологія.

Глава I. О духѣ вообще . . . . . 116.
—— II. О душѣ человѣческой. . . . . 118.
—— III. О способности познавать и низшихъ дѣйствіяхъ оной . . . . . 120.
—— IV. О способности чувствовать. . . 121.
—— V. О способности воображенія . . . 124.
—— VI. О памяти и воспоминаніи . . . 133.
—— VII. О высшихъ дѣйствіяхъ познавательной способности, или о вниманіи и размышленіи . . . . . 136.
—— VIII. О умѣ, остроуміи и разумѣ. . . 138.

Стр.

Глава IX. О способности желать и о низшихъ дѣйствіяхъ оной . . . . . 149.
—— X. О страстяхъ . . . . . 158.
—— XI. О разумномъ желаніи, или о волѣ и свободѣ оной. . . . . 185.
—— XII. О связи души съ тѣломъ . . . 189.
—— XIII. О безсмертіи души . . . . . 194.
—— XIV. О душахъ животныхъ безсловесныхъ. 198.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Естественное Богословіе.

Глава I. О бытіи божіемъ . . . . . 204.
—— II. О сущности и свойствахъ Божіихъ. 212.
—— III. О разумѣ Божіемъ . . . . . 216.
—— IV. О волѣ Божіей . . . . . 218.
—— V. О дѣйствіяхъ Божіяхъ . . . . 228.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

О свойствѣ и сущности Метафизики.

§ 1. Нѣкоторые утверждаютъ, что юноши, обучающіеся свободнымъ наукамъ, не должны заниматься Метафизикою, которая содержитъ въ себѣ многіе спорные и неудоборѣшимые вопросы; но по моему мнѣнію, они тѣмъ болѣе должны упражняться въ оной, чѣмъ нужнѣе для нихъ благовременно образовать способность ясно понимать вещи: къ чему весьма много сія наука способствуетъ.

Метафизика подвергалась презрѣнію многихъ по той причинѣ, что Схоластики, преподававшіе сію науку, наполняли оную однимъ пустословіемъ. Но когда ученые мужи оставили грубый схоластическій способъ преподавать Метафизику и начали возвращать ей прежнее достоинство; тогда сія наука перемѣнила свой видъ, и любители просвѣщенія почувствовали неизъяснимую пользу оной.

§ 2. Желая дать правильное понятіе *о Метафизикѣ*, я предложу прежде нѣкоторыя положенія, изъ кото-

рыхъ всякъ увидитъ, чѣмъ сія наука различается отъ прочихъ.

§ 3. Всѣ познанія наши основываются на чувствахъ. Все, постигаемое чувствами, относится къ вещамъ *нераздѣльнымъ*, которыя представляются намъ съ многоразличными своими принадлежностями и обстоятельствами мѣста, времени, и пр.—О чемъ пространнѣе сказано въ § 44 Логики.

§ 4. Хотя многія нераздѣльныя, чувствами постигаемыя, по причинѣ безчисленныхъ обстоятельствъ и принадлежностей, имѣютъ столь великое различіе между собою, что никогда одна вещь не бываетъ похожа на другую во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ: однако при всемъ различіи, они имѣютъ нѣкоторыя свойства и признаки общіе, въ которыхъ они всегда сходствуютъ. (§ 46 Лог.). На прим. Юлій Цезарь, Цицеронъ, Помпей суть нераздѣльныя, и весьма много различаются между собою; но въ нѣкоторыхъ принадлежностяхъ они сходствуютъ, какъ на прим. всѣ они живутъ и чувствуютъ.

§ 5. Когда сіи свойства и признаки, общіе многимъ предметамъ, представляемъ въ умѣ: тогда понятія, о сихъ общихъ принадлежностяхъ составляемыя, обыкновенно называются общими, или *отвлеченными*. Наука о сихъ общихъ, или отвлеченныхъ понятіяхъ называется *Метафизикою*. Слѣдовательно Метафизика должна подробно объяснять общія и главныя (generaliores) понятія вещей, показать различія оныхъ, утвердить положенія и аксіомы, принимаемыя вмѣсто основанія въ

другихъ наукахъ, какъ-то въ нравственной Философіи, въ Физикѣ и пр. на такихъ незыблемыхъ началахъ, чтобы доказательства, основанныя на оныхъ, были непоколебимы.

§ 6. Новѣйшіе Философы раздѣляютъ Метафизику на четыре слѣдующія науки: 1) на *Онтологію* (Существословіе), въ которой подробно объясняются всеобщія понятія и самыя первыя начала человѣческаго познанія; 2) на *Космологію* (Мірословіе), или науку о мірѣ вообще; 3) на *Психологію* (Душесловіе), въ которой предлагаются понятія о душѣ человѣческой, пріобрѣтаемыя помощію опыта и размышленія; 4) на *Естественное Богословіе*, въ которомъ говорится о бытіи Бога, о его свойствахъ и дѣйствіяхъ.

По содержанію сихъ наукъ, составляющихъ Метафизику, нѣкоторые Философы съ Туммигіемъ опредѣляютъ ее *Наукою о существѣ, о мірѣ вообще и о предметахъ невещественныхъ.*

Я намѣренъ предложить сію Науку слѣдующимъ порядкомъ: 1) въ *Онтологіи* объясню главныя начала человѣческаго познанія и общія понятія; 2) въ *Космологіи* предложу то, что относится къ понятію о мірѣ вообще; 3) *въ Психологіи* и *Естественномъ Богословіи* буду говорить о свойствахъ и дѣйствіяхъ души человѣческой и Существа Высочайшаго.—

ОНТОЛОГІЯ,

или

Первая Философія.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

§ 7. Онтологія имѣетъ цѣлію подробно объяснить отвлеченныя и самыя общія понятія [§ 6]. Но какъ мы представляемъ всѣ вещи сходными въ томъ, что они называются существами; то, показавъ первыя начала человѣческаго познанія, начну объясненіемъ: что значитъ *существо*. И такъ справедливо опредѣлить можно *Онтологію* наукою о существѣ вообще.

Онтологія называется еще *первою Философіею* по той причинѣ, что въ оной объясняются первыя начала всѣхъ истинъ и первыя понятія, необходимыя въ другихъ наукахъ и полезныя въ сужденіяхъ.

§ 8. Важнѣйшія положенія, объясняющія Онтологію, ея свойство и пользу, суть слѣдующія:

1. Онтологія есть наука [§ 7.]; а всѣ предложенія науки должны быть доказаны, [по опредѣленію науки]: слѣдовательно несправедливо нѣко-

шорые почитаютъ Онтологію Философскимъ Лексикономъ.

Равнымъ образомъ несправедливо и тѣ думаютъ, которые утверждаютъ, что Онтологія ничего не содержитъ въ себѣ, кромѣ собранія словъ варварскихъ.

II. Истины прочихъ наукъ заимствуютъ свою силу и твердость изъ Онтологіи: посему не удивительно, когда нѣкоторые называютъ *оную основою знаній.*—

Въ Онтологіи полагаются основанія наукъ естественныхъ и нравственныхъ.

III. Изъ сказаннаго явствуетъ, почему знаніе ума человѣческаго безъ Онтологіи не можетъ быть твердымъ.

Наше познаніе не можетъ быть твердымъ, естьли не будутъ намъ извѣстны первыя начала онаго и первыя истины, составляющія основаніе всѣхъ заключеній. Откудаже они могутъ быть извѣстны, естьли не изъ Онтологіи? —

IV. Употребленіе Онтологіи многоразлично; она простирается на всѣ науки, которыя заключаются въ кругѣ Философіи. —

На прим. Безъ началъ и понятій Онтологическихъ не можно доказать бытія Божія въ Естественномъ Богословіи. Также въ Психологіи не можно доказать безсмертія души человѣческой, естьли изъ Онтологіи не узнаешь свойствъ существа простаго.

ГЛАВА I.

О

первыхъ началахъ познанія человѣческаго.

§ 9. Онтологія изъясняетъ общія начала человѣческаго познанія [§ 6]; но познанія человѣческаго два начала: одно, *начало Противорѣчія*; другое, *начало довольной Причины.*—

Всѣ истины, которыя мы познаемъ, суть двоякаго рода: однѣ *необходимыя*, или такія, кои иначе быть не могутъ; а другія *случайныя*. Необходимыя истины основываются на началѣ *Противорѣчія*; а случайныя утверждаются на началѣ *довольной Причины.*

§ 10. Я начну говорить о началѣ Противорѣчія. Дабы имѣть правильнѣйшее понятіе о семъ, я объясню прежде, что есть Противорѣчіе, и что есть Начало. Мы *противорѣчимъ* себѣ, когда что нибудь и утверждаемъ и отрицаемъ вмѣстѣ объ одной и тойже вещи. Слѣдовательно противорѣчіемъ можно назвать такую рѣчь, которая и утверждаетъ и отрицаетъ вмѣстѣ тоже самое, и въ одно время, о какой нибудь вещи. *Начало* же есть такое предложеніе, которое въ ряду истинъ есть первое, и изъ котораго выводятся и постигаются прочія истины. —

На прим. Когда говоримъ: *Кай Философъ и Кай не Философъ*, тогда себѣ противорѣчимъ; ибо объ одномъ и томъже человѣкѣ и утверждаемъ, что онъ *Философъ*, и вмѣстѣ отрицаемъ, что онъ *не Философъ*.

Сіе предложеніе: *душа есть существо простое*, есть начало слѣдующаго предложенія: *душа безсмертна*.

§ 11. Изъ всѣхъ понятій, пріобрѣтаемыхъ нами, самое первое есть познаніе *собственнаго бытія нашего* (quod existamus). Когда мы увѣрены въ своемъ существованіи; то никакъ не можемъ думать, чтобы мы въ тоже самое время не существовали. Но что говорится о познаніи собственнаго существованія нашего; тоже самое можно сказать и о бытіи прочихъ вещей. Слѣдовательно самый опытъ доказываетъ справедливость сего неоспоримаго предложенія: *Не можетъ быть, чтобы одна и таже вещь, въ одно и тоже время, и существовала и не существовала.*—

Сіе предложеніе обыкновенно называется *началомъ Противорѣчія.*—

§ 12. Замѣчанія, касающіяся да сего начала, предложу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Сіе начало есть начало самое первое, коего первѣе и нѣтъ и быть не можетъ.

Не можно представить въ мысляхъ себѣ никакого предложенія первѣйшаго, изъ котораго бы можно было доказать истину сего начала. Ибо какое предложеніе ни возмешь, всегда долженъ будешь предположить сіе начало; иначе другое предложеніе, полагаемое вмѣсто основанія, можетъ быть и справедливо и ложно.

II. Слѣдовательно начало Прошиворѣчія по справедливости называется *не требующимъ доказательства;* поелику оно не можетъ доказано быть

другими очевиднѣйшими предложеніями, или началами.

III. Начало Противорѣчія есть всеобщее; ибо нѣтъ и быть не можетъ такого случая, въ которомъ бы одна и таже вещь и существовала и не существовала вмѣстѣ.

IV. Начало Противорѣчія есть источникъ всякой достовѣрности; ибо изъ сего предложенія: *Не можетъ быть, чтобы какая нибудь вещь и существовала и не существовала вмѣстѣ*, происходитъ слѣдующее: *Всякая вещь, когда существуетъ, достовѣрно сказать можно, что она существуетъ.*

Впрочемъ сіе предложеніе, называемое *началомъ Противорѣчія*, изъ самыхъ словъ такъ ясно, что никого нѣтъ и не было, кто бы въ самомъ дѣлѣ или сомнѣвался объ ономъ, или отрицать оное осмѣлился.—

§ 13. Другое начало познанія человѣческаго есть *начало довольной Причины.* Для лучшаго понятія о семъ, я намѣренъ изъяснить, что есть *довольная Причина.*—

§ 14. *Довольная Причина* есть то, изъ чего объяснить можно: по чему другое что либо бываетъ.

Напр. Когда Кай, рѣшившійся посвятить труды и время свое ученію Священнаго писанія, вдругъ перемѣняетъ свое намѣреніе и начинаетъ заниматься Правовѣденіемъ, надѣясь чрезъ то скорѣе достигнуть величайшихъ почестей: тогда *надежда* скоро достиг-

нуть почестей есть *довольная Причина*: почему Кай, оставивъ учиться Богословію, началъ заниматься Правовѣденіемъ; ибо сія *надежда*, которою Кай питается, объясняетъ: почему онъ, оставивъ Богословіе, занялся Правовѣденіемъ.

§ 15. Что нужно замѣтить о довольной Причинѣ, предложу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Все, что бываетъ, имѣетъ довольную Причину, объясняющую: почему оно бываетъ, и почему бываетъ такимъ, а не инымъ образомъ.

Естьли бы какая нибудь вещь существовала безъ довольной Причины; то *ничто* произвело бы оную на свѣтъ, и потому существовало бы *ничто* [ибо не существуя не можетъ оно произвесть на свѣтъ вещи]; и вмѣстѣ не существовало бы [ибо въ противномъ случаѣ не было бы оно *ничто*]: что, по силѣ начала Противорѣчія, нелѣпо.

Сіе предложеніе: *Нѣтъ ничего безъ довольной Причины*, отъ Лейбница и Волфія названо началомъ *довольной Причины*. Не принимающіе сего предложенія или не понимаютъ значенія онаго, или съ умысломъ хотятъ разрушить первыя начала человѣческаго познанія.

II. Нѣтъ и быть не можетъ ни одной вещи, которая бы не имѣла довольной Причины.

Мы не можемъ постигнуть довольной Причины весьма многихъ вещей, по ограниченности ума нашего; но никакъ не льзя заключить изъ того, что сіи вещи не имѣютъ оной.

III. Всякая вещь, имѣя довольную причину бытія своего, должна имѣть оную или въ самой себѣ, или въ другомъ какомъ нибудь существѣ, находящемся внѣ оной.

IV. Сіе предложеніе: *Нѣтъ ничего безъ довольной Причины*, заимствуетъ свою твердость и силу отъ начала Противорѣчія [пол. I]: слѣдовательно начало довольной Причины не можетъ почесться совершенно первымъ началомъ.

V. Начало довольной причины ко всѣмъ вещамъ относится [пол. I.]; и потому оно можетъ назваться всеобщимъ.

Не только тѣло, но и духъ имѣетъ довольную Причину своихъ движеній и дѣйствій; въ чемъ увѣрить могутъ каждаго собственное чувствованіе и опытъ.

VI. Начало довольной Причины приноситъ великую пользу во всѣхъ наукахъ и въ теченіи всей жизни.—

Безъ сего начала многія истины, преподаваемыя Философіею, потеряютъ силу; и самое бытіе Бога трудно будетъ доказать надлежащимъ образомъ; безъ онаго въ самомъ Богословіи спасительнѣйшія наставленія откровенной вѣры будутъ поколеблены, естьли уничтожится начало довольной Причины.

ГЛАВА II.

Понятіе о сущемъ и несущемъ.

§ 16. Желающій надлежащимъ образомъ понять, что значитъ *сущее* и *несущее*, долженъ прежде узнать: что есть *возможное* и *невозможное*.

Итакъ я прежде объясню понятіе *о возможномъ* и *невозможномъ*, и опредѣлю такимъ образомъ сіи слова, чтобы можно было видѣть погрѣшности, происшедшія въ Философіи отъ неправильнаго опредѣленія сихъ словъ.

§ 17. *Возможнымъ*, въ обширномъ смыслѣ, называется все то, что не имѣетъ, или не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія.

Возможное принимается въ двоякомъ смыслѣ: a] *возможнымъ* весьма часто называется то, чего хотя нѣтъ, однако быть можетъ; b] въ обширнѣйшемъ смыслѣ именуется еще то *возможнымъ*, что уже существуетъ и существовать можетъ. Для лучшаго объясненія предложу примѣръ: Я знаю, что нѣтъ *золотой горы*, но ничто не препятствуетъ быть оной: вотъ примѣръ возможнаго въ первомъ смыслѣ!—*Ученый человѣкъ* есть нѣчто возможное; ибо понятіе объ ученомъ не противно понятію о человѣкѣ, и одно съ другимъ соединено быть можетъ. Краткій и вмѣстѣ темный слогъ есть также нѣчто возможное. Ибо *краткость* и *темнота* могутъ случиться въ одномъ и томъ же сочиненіи, какъ и Горацій говоритъ: Ко-

гда стараюсь о краткости, дѣлаюсь темнымъ. Сіе очень хорошо можно доказать слогомъ Лисія. Возможное также дѣло,—быть одному и тому же человѣку тонкимъ Софистомъ и вмѣстѣ пріятнымъ витіею: таковъ, по свидѣтельству Цицерона, былъ Димитрій Фалерейскій [Кн. I. О долж. гл. I.]; поелику понятіе о тонкомъ Софистѣ не исключаетъ понятія о пріятномъ Витіи.

§ 18. *Невозможнымъ* называется то, что заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. —

На прим. Безчестіе и истинная польза суть такія понятія, изъ которыхъ одно исключаетъ другое. Итакъ должно почесть невозможнымъ дѣло вмѣстѣ и безчестное и полезное. Весьма хорошо говоритъ о семъ Цицеронъ: *Какимъ образомъ постыдное дѣло не можетъ быть никакъ честнымъ, хотя бы оно тайно учинено было; равнымъ образомъ безчестное не можетъ быть полезнымъ въ противность законамъ природы.* [О долж. кн. III. гл. 19].

§ 19. Два рода невозможныхъ вещей. Естьли что нибудь заключаетъ въ самомъ себѣ, по своему свойству, противорѣчіе: то сіе обыкновенно называется отъ Философовъ *совершенно невозможнымъ.* Естьли же что нибудь не можетъ быть только подъ нѣкоторыми условіями и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ: то сіе невозможное называется *условно невозможнымъ.* Для поясненія я предложу примѣръ:

Быть человѣку существомъ безпредѣльнымъ никакъ не можно: ибо противно природѣ человѣка не имѣть ни-

какихъ предѣловъ; и сіе называется *совершенно невозможнымъ*. Но быть мужественнымъ тому, кто почитаетъ боль величайшимъ зломъ, или быть воздержнымъ тому, кто полагаетъ въ плѣсныхъ удовольствіяхъ величайшее добро, есть *условно невозможное*. Цицеронъ говоритъ о семъ предметѣ въ кн. I. О долж. гл. 2. *Я почитаю условно невозможнымъ то, чтобы среди дня наступила ночь и покрыла мракомъ землю.*

§ 20. *Нравственно-невозможнымъ* называется то, что хотя не заключаетъ никакого противорѣчія въ самомъ себѣ; однако, будучи соединено съ какимъ нибудь подлежащимъ, дѣлается невозможнымъ по причинѣ нравственныхъ совершенствъ, содержащихся въ подлежащемъ.

На прим. Лгать и обманывать другаго не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія, и потому само по себѣ сіе дѣйствіе есть возможное; но для добродѣтельнаго мужа оно есть невозможное. *Прилично ли*, говоритъ Цицеронъ, *честному человѣку лгать для своей корысти, клеветать, похищать, обманывать? Поступать такимъ образомъ нѣтъ ничего противнѣе его добродѣтели.* Дѣло возможное перемѣнить и поддѣлать ложную духовную, для полученія богатаго наслѣдія; но честный человѣкъ рѣшится на сіе не можетъ. *Хотябы*, говоритъ Цицеронъ, *добродѣтельный человѣкъ имѣлъ такую волшебную силу, чтобы, по его желанію, имя его само собою могло вписываться въ духовныхъ завѣщаніяхъ богачей: однако онъ не пожелаетъ никогда пользоваться симъ волшеб-*

ствомъ, не боясь даже никакого подозрѣнія. О долж. кн. III. гл. 19.

§ 21. Изъяснивъ подробно понятія о возможномъ и невозможномъ, легко уже можемъ понять слѣдующія положенія, изъ которыхъ каждое много способствуетъ къ познанію важнѣйшихъ истинъ.

I. Что по своему свойству совершенно невозможно; то не можетъ никогда сдѣлаться возможнымъ.

II. Условно невозможное можетъ быть возможнымъ само по себѣ и по своей натурѣ.

На прим. Невозможное дѣло, чтобы добродѣтельный человѣкъ, пронырствами или притѣсненіями другихъ, захотѣлъ искать наслѣдія, или подписывать ложныя завѣщанія: однакожъ само по себѣ сіе дѣйствіе есть возможное. *Естьли бы,* говоритъ Цицеронъ, *дать Крассу такую волшебную силу, чтобы онъ движеніемъ перста могъ себя вписывать въ духовныхъ завѣщаніяхъ наслѣдникомъ, не имѣя никакого на то права: то повѣрь мнѣ, что онъ на торжищѣ передъ народомъ началъ бы прыгать отъ радости.*

§ 22. Ишакъ теперь ясно понимать можно, что значитъ бытіе (existentia). Дабы вещь какая нибудь имѣла бытіе, для того недовольно одной возможности; недовольно, чтобы не было никакого противорѣчія и препятствія къ существованію оной; но необходимо требуется *выполненіе возможности* (com-

plementum poſſibilitatis): что самое и составляетъ бышіе вещи.

Нѣкоторымъ не нравится сіе Философское выраженіе: *выполненіе возможности*, потому что прежде Волфія никто не употреблялъ онаго; и сверьхъ того оно весьма темно и затруднительно къ поясненію. Но никто не долженъ оскорбляться словами, когда означаемый ими предметъ справедливъ. И такъ дабы понять сіе опредѣленіе *бытія*, прежде покажу, что Философы разумѣютъ подъ словами: *выполненіе возможности*; а потомъ предложу примѣры, объясняющіе опредѣленіе.

Прежде нежели вещь какая нибудь начинаетъ существовать, она бываетъ возможна, т. е. можетъ имѣть бышіе свое. То состояніе, въ которомъ вещь бываетъ послѣ сей возможности, называется *выполненіемъ возможности*.

На прим. Когда міръ еще не существовалъ; тогда онъ почитался *возможнымъ*. Но въ ту самую минуту, когда онъ получилъ бышіе, послѣдовало *выполненіе возможности*. Можно еще назвать бышіе вещи такимъ состояніемъ, въ которомъ она дѣлается способною къ дѣйствію, или страданію.

§ 23. Изъ предъидущаго происшекаютъ слѣдующія положенія:

I. Что дѣйствительно существуетъ, то должно быть и возможнымъ.

Древніе Философы выражали сіе предложеніе такимъ образомъ: *Отъ бытія вещи можно заключить къ*

возможности оной. На прим. міръ существуетъ; слѣдовательно можетъ существовать.

II. Не все то существуетъ, что есть возможное.

Схоластики выражаются такимъ образомъ: *Отъ возможности къ бытію вещи заключать не можно.* Можно ли на прим. дѣлать такое заключеніе: *душа можетъ быть уничтожена Богомъ; слѣдовательно уничтожается?*

III. Невозможное не можетъ существовать, или: *отъ невозможности можно заключить къ несуществованію вещи.* На прим. не можетъ быть, чтобы вещество имѣло мысли: слѣдовательно оно не мыслитъ и не будетъ мыслить.

IV. Не должно почитать невозможнымъ того, что не существуетъ, или: *отъ несуществованія заключать не можно къ невозможности.*

На прим. Философы еще не объяснили электрическаго вещества; но нельзя заключить, что они никогда не объяснятъ его.

§ 24. Теперь удобно понять можемъ, что значитъ *сущее и несущее. Сущимъ* называется возможное, или то, чему существовать ничто не препятствуетъ.

Философы, называющіе сущимъ то только, что дѣйствительно существуетъ, слишкомъ тѣсными предѣлами ограничиваютъ понятіе о сущемъ. Ибо въ семъ опредѣленіи не заключается *сущее*, называемое *возможнымъ сущимъ.* Сущее бываетъ двоякое: то, которое въ самомъ дѣлѣ существуетъ, называется *дѣйствительно сущимъ*; а то, которое еще можетъ су-

ществовать, обыкновенно именуется *возможнымъ сущимъ*. На прим. Міръ сей есть дѣйствительно сущее; ибо въ самомъ дѣлѣ существуетъ: но завтрешній день есть сущее возможное; потому что онаго нѣтъ еще, однако быть можетъ.

§ 25. *Сущее умственное* есть то, чего вовсе нѣтъ, но находится въ одномъ только воображеніи, на прим. крылатый конь.

Сюда принадлежитъ слѣдующее вымышленное изображеніе Горація:

Увидѣвъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной,
Шерсть, перье, чешую на кожѣ вдругъ единой;
Что бы красавицей то чудо началось,
Но въ черный рыбій хвостъ внизу оно сошлось:
Могли бъ ли вы тогда, Пизоны, удержаться,
Чтобъ мастеру такой картины не смѣяться? Стих. ст. I.

Барковъ.

Естьли кто хочетъ болѣе знать о существахъ умственныхъ, можетъ читать сновидѣнія больныхъ у Авла Геллія, Аттич. ноч. кн. IX. въ гл. 4.

§ 26. Не должно смѣшивать сущаго умственнаго съ *несущимъ*. *Несущимъ* называется то, чего нѣтъ и быть не можетъ; или что не возможно. На прим. твореніе безпредѣльное; Богъ зависящій отъ другаго существа.

ГЛАВА III.

О сущности.

§ 27. Во всякомъ существѣ не только должно разсматривать бытіе, но *свойство и сущность онаго*. *Сущностію* всякой вещи называется то, чрезъ что она есть сіе именно существо, а не другое, или чѣмъ она отличается отъ всѣхъ прочихъ вещей.

Волфій въ Онтологіи Латин. на стр. 187. § 168. *сущностію* вещи называетъ главную мысль, которую объ оной имѣемъ, и въ которой содержится довольная причина: почему прочія принадлежности или дѣйствительно въ ней находятся, или находиться могутъ. Я поясню сіе примѣрами. Представь себѣ въ мысляхъ тварь такъ, какъ тварь. Тварь потому именно называется тварію, что она ограничена и чрезъ сіе ограниченіе отличается тварь отъ Творца. Итакъ легко понять можно, что ограниченность составляетъ сущность твари. Представь себѣ *сожалѣніе*. *Сожалѣніе* называется сожалѣніемъ потому, что оно есть печаль о несчастіи ближнихъ: вотъ *сущность* онаго! Цицеронъ полагаетъ *сущность геройства* въ великодушномъ перенесеніи болѣзней и трудовъ. Кн. III. О дол. гл. 33. Существенное *свойство* Божественнаго Провидѣнія Цицеронъ изображаетъ сими словами: *Божественный Промыслъ печется о*

толь, чтобы міръ сей имѣлъ самое лучшее устройство; чтобы не имѣлъ онъ никакого недостатка, особливо чтобы великолѣпіе и красота царствовали въ немъ. О свойсш. Боговъ гл. 22.

§ 28. Изъ предидущаго легко понять можно слѣдующія положенія:

I. Сущность сущаго, собственно понимаемаго какъ сущее, справедливо полагается въ возможности онаго.

Ибо сущее различается отъ несущаго одною своею возможностію; и сущее называется сущимъ потому, что оно есть возможно § 24.

II. Всякое существо должно имѣть свою сущность. Ибо всякое существо одолжено своей сущности тѣмъ, что оно называется существомъ. Уничтоживши сущность, уничтожишь самое существо.

III. Сущность сущаго есть необходима.

Сущность сущаго состоишъ въ возможности бытія его [пол. I.]. То, что возможно, бываетъ необходимо возможно; ибо оно не можетъ быть вмѣстѣ и невозможнымъ [§ 12]. Слѣдовательно сущность сущаго необходима.

Я объясню сіе положеніе примѣромъ. Существованіе швари не есть необходимое; поелику швари могли и не существовать. Но чтобы шварь имѣла предѣлы, сіе необходимо: ибо вообрази себѣ какую нибудь шварь, не имѣющую предѣловъ; тогда она не будетъ уже шварь, но существо безпредѣльное, Творецъ. Порокъ

въ людяхъ не есть что либо необходимое. Но есть-ли онъ существуетъ; то не можетъ существовать въ нихъ, не заключая въ себѣ дѣйствій противныхъ Божеству. Можетъ быть, кто скажетъ: я могу представить порокъ, который не будетъ противенъ Божеству. Въ такомъ случаѣ сіе не будетъ уже порокъ, но добродѣтель. Итакъ не должно смѣшивать бывшія нѣкогда съ сущностію оныхъ. Твари, созданныя Богомъ, не имѣютъ существованія необходимаго; но сущность оныхъ необходима.

IV. Сущность сущаго есть вѣчна.

Не должно понимать сего положенія такимъ образомъ, будтобы вещи существовали съ сущностями своими прежде вѣкъ, или будутъ существовать съ оными вѣчно; но смыслъ онаго есть слѣдующій: Богъ прежде вѣкъ представлялъ въ безпредѣльномъ разумѣ своемъ всѣ сущности вещей, которыя если-бы и прежде вѣкъ существовали, то и тогда таковы былибы, каковы теперь находятся въ своей сущности. Весьма хорошо говоритъ Клерикъ въ Онш. гл. 4. *Сущности вещей, называемыя вѣчными и непремѣняемыми, суть то, что составляетъ сіи вещи, а не другія. И такъ естьли Богъ отъ самой вѣчности представлялъ вещи, существующія въ свѣтѣ, таковыми, каковы они теперь суть: то онъ имѣетъ и нынѣ тоже самое представленіе, какое прежде имѣлъ объ оныхъ.* Для ясности еще присоединяю примѣръ. Отъ самой вѣчности Богъ представлялъ *кругъ* въ разумѣ своемъ круглымъ. Почему же не четвероугольнымъ? спроситъ кто ни-

будь. Тогда онъ представлялъ бы уже не кругъ, а четвероугольникъ.

V. Сущность сущаго неизмѣняема и несообщаема.

Естьли сущность есть совершенно необходима; то она неизмѣняема. Бытіе вещи перемѣниться можетъ, но сущность оной не можетъ. Никакая сила не можетъ сдѣлать того, чтобы кругъ, оставаясь кругомъ, былъ четвероуголенъ; чтобы шаръ, будучи шаромъ, не имѣла предѣловъ.

Симъ можно рѣшить вопросъ, часто предлагаемый Философами: *можетъ ли Богъ дать тѣлу способность мыслить?* Я отвѣчать буду на сіе отрицательно. Естьлибы тѣло было одарено способностію мыслить; то сущность духа, заключающаяся въ способности мыслить, смѣшалась бы съ сущностію тѣла; и потому тѣло былобы вмѣстѣ и тѣло и духъ: что противно Началу противорѣчія [§ 11.].

VI. Изъ сего понять можно: почему Философы утверждаютъ, что сущность сущаго не можетъ ни уменьшиться, ни увеличиться. Сущность тогда бы перемѣнилась, естьлибы могла или увеличиться, или уменьшиться. Но сущность не можетъ перемѣниться: слѣдовательно она не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться.

Въ семъ отношеніи сущности подобны числамъ. Такъ на прим. къ числу *трем* не льзя ничего ни прибавить, ни отнять отъ онаго, не перемѣнивъ и не уничтоживъ его. Ибо естьли что нибудь прибавимъ, то не будетъ уже болѣе число *три*; естьли

что нибудь вычтемъ, то также не будетъ именоваться сіе число *тремя*.

Г Л А В А IV.

О главныхъ принадлежностяхъ Сущаго.

§ 29. Все то, что говорится о Сущемъ, называется его *Принадлежностію*. На прим. *Чистота* и *красота* суть принадлежности Латинскаго языка.

§ 30. Все то, что говорится о Сущемъ, или проистекаетъ изъ сущности его, или случайно находится въ ономъ: слѣдовательно принадлежности существъ раздѣляются на два рода.

На прим. Что человѣкъ *свободенъ*, сіе понять можно изъ самой его сущности. Но *просвѣщеніе и благочестіе*, хотя также суть его принадлежности, однако не заключаются въ его сущности.

§ 31. Несущее не существуетъ и существовать не можетъ [§ 16]: слѣдовательно Несущее не имѣетъ никакихъ принадлежностей.

§ 32. Всѣ принадлежности, которыхъ довольная причина заключается въ самой сущности вещей, называются *Свойствами*. Сіи свойства должно отличать отъ случайныхъ принадлежностей вещи, не проистекающихъ изъ ея сущности. Такія принадлежности называются *случайными*, или *измѣняемыми* (modi).

Цицеронъ исчисляетъ свойства великодушія слѣдующимъ образомъ: *Ничего не страшиться, презирать всѣ несчастія, сносить равнодушно всякія приключенія въ жизни есть свойство сей добродѣтели.* О долж. кн. III. гл. 27. Свойства Оратора онъ изображаетъ сими словами: *Ораторъ долженъ говорить прилично, ясно и краснорѣчиво.* О долж. кн. I. гл. I. Свойство свободы заключается въ томъ, чтобы жить по волѣ. Кн. I. глав. 20. Книги второй въ главѣ 20. о *свойствѣ Боговъ* Цицеронъ изъясняетъ свойства планетъ.

Просвѣщеніе есть случайная принадлежность человѣка. Плиній приписываетъ Регулу слабое здоровье, косноязычіе, слабую память и безстыдство. Кн. IV. пис. 7. Сіи свойства, приписываемыя Регулу, суть случайныя принадлежности.

§. 33. Послѣ предидущихъ объясненій легко можемъ понять слѣдующія положенія:

I. Познавъ сущность вещи, мы должны познать и ея свойства; ибо свойства вещи происшекаютъ изъ ея сущности.

II. Свойства вещи не могутъ быть отдѣлены отъ ея сущности.

III. Свойства вещи необходимы и неизмѣняемы; потому что сущность оной необходима и неизмѣняема § 28. пол. III. и V.

IV. Случайныя принадлежности вещи могутъ быть

отдѣлены отъ оной. На прим. человѣкъ можетъ быть человѣкомъ, не будучи ученъ.

§. 34. Когда какое нибудь существо, по сущности своей, можетъ принимать случайныя принадлежности: тогда мы обыкновенно приписываемъ ему *естественное расположеніе* къ таковымъ принадлежностямъ, или перемѣнамъ.

На прим. Человѣкъ имѣетъ естественное расположеніе къ просвѣщенію; потому что онъ по своей природѣ можетъ пріобрѣсть просвѣщеніе, какъ случайную принадлежность.

§ 35. Изъ сего можно понять: что значитъ *Единство существа*. Совокупность всѣхъ принадлежностей, составляющихъ сіе существо именно, а не другое, называется *Единствомъ существа*.

На прим. Представь себѣ сей міръ, состоящій изъ разныхъ шѣлъ земныхъ и небесныхъ, которыя, будучи соединены, составляютъ сей именно міръ, а не другой. Сія совокупность разныхъ шѣлъ, составляющихъ міръ, называется *единствомъ* міра.

§ 36. И такъ естьли *Единство* состоитъ въ совокупленіи всѣхъ принадлежностей, составляющихъ сущность вещи; то легко можно понять, что *всякое существо есть едино*.

Сіе Единство называется *Метафизическимъ* и всякому существу приписывается: ибо сущность всякой вещи недѣлима. *Естьлибы*, говоритъ Гебенштрейтъ, *всякое существо не имѣло своего Единства; то не было бы оно тогда одно существо, но многія существа:*

поелику раздѣленная сущность составилабы уже многія отдѣльныя сущности.

Г Л А В А V.

О тожественномъ и о различномъ.

§ 37. *Одинакимъ*, или тожественнымъ называется то, что можетъ быть поставлено одно вмѣсто другаго такъ, что, по такой перестановкѣ, не произойдетъ никакой перемѣны. Иные опредѣляютъ такъ: Тожественныя понятія суть тѣ, изъ которыхъ въ одномъ все то находится, что находится въ другомъ.

На прим. Теренцій называетъ Менандровы комедіи: *Андрію и Перинтію* одинакими, говоря слѣдующимъ образомъ: *Менандръ сочинилъ двѣ комедіи: Андрію и Перинтію. Кто хорошо знаетъ одну изъ сихъ комедій, тотъ можетъ знать обѣ. Содержаніе ихъ одно, а только слогъ и слова различны.* Смотр. Андр. прол. 10. Слѣдующее выраженіе Теренція: *отъ гнѣва внѣ себя нахожусь*, въ другой комедіи представлено въ сихъ словахъ: *едва помню самъ себя, такъ я воспламененъ гнѣвомъ.* — Сіи два выраженія совершенно одинаковы: ибо одно вмѣсто другаго можетъ быть поставлено безъ перемѣны смысла.

Тожественное бываетъ двухъ родовъ. Естьли все то, что находится въ А, содержится и въ В; тогда А и В называются *совершенно* тожественными. Естьлиже А содержитъ только нѣкоторую часть того, что находится въ В; тогда А и В называются *относительно* тожественными. Такимъ образомъ выше упомянутыя комедіи Менандровы суть относительно тожественныя; ибо, по свидѣтельству Теренція, содержаніе ихъ одно, но слогъ различенъ.

§. 38. *Различныя вещи* суть тѣ, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ что нибудь такое, чего другая вовсе не имѣетъ.

На прим. Огонь и вода суть вещи различныя. Плиній весьма хорошо изображаетъ различіе Историческаго и Риторическаго слога: *Историческій и Риторическій слоги имѣютъ много различія въ томъ самомъ, что кажется общимъ тому и другому. И тотъ и другой повѣствуетъ, но различнымъ образомъ. Въ Историческомъ употребляются иногда выраженія самыя обыкновенныя и простыя, а въ Риторическомъ отборныя, разительныя и высокія; одинъ изъясняетъ предметы съ силою, отважностію, другой съ простотою и пріятностію.* Плин. пис. 8. кн. V.

Здѣсь почитаю нужнымъ объяснить, что значитъ *одинаковое числомъ и видомъ*. — *Одинаковое числомъ* называется то, что имѣетъ сказуемыя, ему одному свойственныя. На прим. *Одинаковое* числомъ есть Плиній, писавшій письма и сочинившій похвальное слово Траяну. *Одинаковое видомъ* называется то, ко-

гда многія нераздѣльныя сходны въ одномъ чемъ нибудь. На прим. Кай, Тицій, Семпроній суть одинаковы видомъ; ибо всѣ они сходны въ томъ, что суть *люди*.

§. 39. *Отличительное* свойство называется то, чѣмъ предметъ познается и различается отъ прочихъ.

Отличительныя свойства планетъ, которыми они отличаются отъ звѣздъ неподвижныхъ, суть слѣдующія: *что они суть тѣла небесныя твердыя и темныя, которыя иногда скрываются, иногда появляются, иногда удаляются, иногда возвращаются, иногда предшествуютъ, иногда послѣдуютъ другимъ планетамъ, иногда движутся скоро, иногда медленно, а иногда останавливаются на долгое время.* Циц. О свойст. Бог. кн. II. гл. 10.

§. 40. Вещи, имѣющія одинакія отличительныя свойства, называются *подобными;* а тѣ, кои имѣютъ различныя, именуются *различными, или несходными.*

На прим. Ливій утверждаетъ, что Аннибалъ подобенъ былъ Амилькару, находя въ обоихъ тѣже отличительныя свойства. *Когда*, говоритъ онъ, *Аннибалъ прибылъ въ Испанію, все войско обратило на него свое вниманіе. Старые воины видѣли въ немъ воскресшаго Амилькара; видѣли туже бодрость въ немъ, туже живость въ глазахъ, тѣже самыя черты лица.* — Кн. XXI. гл. 4.

Теренцій въ комедіи, называемой *Адельфы*, вводитъ двухъ братьевъ, кои служатъ примѣромъ несходства.

Сіи братья, называемые Мицій и Демъ, были совершенно различныхъ склонностей и нравовъ: одинъ любилъ жить въ городѣ, другой въ деревнѣ; одинъ былъ холостъ, другой женатъ; одинъ кротокъ, другой жестокъ; одинъ обходился ласково даже съ незнакомыми, другой поступалъ грубо и съ домашними; одинъ въ самомъ гнѣвѣ былъ тихъ, другой и не сердясь, казался свирѣпымъ. Сіе различіе отличительныхъ свойствъ и несходство изображаетъ Мицій, или, лучше сказать, Теренцій слѣдующимъ образомъ:

Сей братъ мой отъ самаго младенчества имѣлъ совершенно различныя склонности отъ моихъ. Я всегда любилъ пріятную и веселую жизнь городскую, не имѣлъ никогда жены,—что нынѣ почитается счастіемъ; а онъ напротивъ живетъ въ деревнѣ, скупъ, воздерженъ, женился. Тер. Адел. дѣйст. 1. явлен. 1. ст. 18. Вотъ какое различіе въ свойствахъ!

§. 41. *Равныя* вещи суть тѣ, которыя имѣютъ одинакое количество; а *неравными* называются тѣ, кои разнятся количествомъ. *Количествомъ* называется собраніе многихъ частей, вещь составляющихъ. *Собраніе* дѣлается изъ совокупленія единицъ. На прим. два столпа, имѣющіе одинакую длину и мѣру, называются равными.

§. 42. Изъ предидущаго объясненія легко понять можно слѣдующія положенія:

I. Двѣ вещи, сходныя съ какою нибудь третьею, сходны взаимно между собою.

На прим. Просвѣщеніе и добродѣтель сходны между собою въ томъ третьемъ, что и просвѣщеніе и добродѣтель увеличиваютъ счастіе человѣческое.

II. И такъ если-бы двѣ вещи бываютъ или подобны, или равны одной третьей: то они и между собою будутъ подобны, или равны.

На прим. Если-бы два распутные юноши сходны склонностями со скотами: то безъ сомнѣнія они сходны и между собою въ нравахъ и наклонностяхъ. Пусть два столпа будутъ равны С; то легко понять можно, что они равны между собою.

III. Подобныя вещи могутъ различествовать количествомъ, и потому бываютъ иногда неравны. Напротивъ равныя вещи, имѣющія одинакое количество, могутъ быть несходны.

На прим. Двѣ книги могутъ быть равны величиною и мѣрою; но, по причинѣ различія содержанія, изданія, переплета, они могутъ быть несходны. И напротивъ: два столпа могутъ быть подобны по причинѣ одинакихъ принадлежностей, но разнятся между собою количествомъ и мѣрою.

IV. Нѣтъ и быть не можетъ двухъ существъ совершенно тожественныхъ и совершенно подобныхъ.

Положимъ, что находятся два существа совершенно одинакія и совершенно подобныя: слѣдовательно они должны находиться въ одинакое время и въ одинакомъ мѣстѣ; иначе они не будутъ совершенно подобны. Положимъ, что сіи совершенно подобныя вещи находятся въ одинакое время; но по крайней мѣрѣ

они не могутъ быть на одномъ мѣстѣ, и потому они будутъ имѣть разность въ разсужденіи мѣста. Естьли же сіи вещи будутъ на одномъ мѣстѣ, то не могутъ быть въ одно время. Изъ сего самаго новое произойдетъ несходство.

Лейбницъ называетъ сіе предложеніе началомъ неразличаемаго (indiscernibilium); потому что естьли двѣ вещи будутъ совершенно и во всемъ сходны; то никакъ не можно будетъ различить оныхъ.

О семъ началѣ основательно разсуждаетъ Цицеронъ въ кн. IV. гл. 17. вопросовъ Академическихъ, гдѣ онъ опровергаетъ Демокрита, утверждавшаго, что находится безчисленное множество міровъ, изъ коихъ нѣкоторые не только между собою подобны, но во всѣхъ частяхъ совершенно равны и не имѣютъ никакого различія между собою. Цицеронъ опровергаетъ сіе мнѣніе слѣдующимъ образомъ: *Что ты хочешь доказать примѣромъ близнецевъ? Пусть они будутъ подобны, я согласенъ. Но ты утверждаешь, что они совершенно подобны, чего быть не можетъ. Ты мнѣ представляешь мнѣніе Демокрита, съ которымъ я не согласенъ и котораго постараюсь опровергнуть; поелику Естествоиспытатели полагаютъ въ каждой вещи особливыя свойства, ей одной приличныя. Пусть Сервиліи, оные древніе близнецы, будутъ такъ подобны между собою, какъ объ нихъ баснословятъ: но можно ли думать, что они составляли одно лице? Посторонніе не распознавали ихъ, но домашніе различали. Не случается ли намъ часто видѣть такія вещи, коихъ мы никогда*

не надѣемся распознать; но, по прошествіи нѣкотораго времени, употребленіе и опытъ научаютъ насъ, различать оныя такъ хорошо, что не находимъ ни малѣйшаго сходства въ нихъ? Не извѣстна ли тебѣ пословица о сходствѣ яицъ? Но сказываютъ, что въ Делосѣ многіе, разводившіе куръ для продажи, дѣлались такъ опытны, что, посмотрѣвъ на яйца, угадывали, какая курица снесла оныя.

ГЛАВА VI.

О толѣ, что называется опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ.

§. 43. Слово *опредѣлять*, по своему корню и знаменованію, значитъ постановлять предѣлы и границы вокругъ какой нибудь вещи и отдѣлять ее отъ всякой другой.

На прим. Естьли мы опредѣляемъ значеніе слова: *чувство*, которое берется иногда въ пространномъ смыслѣ; то сіе ограниченіе смысла называется *опредѣленіемъ*.— Ибо, приписывая слову подлинное значеніе, мы какъ бы ограничиваемъ оное нѣкоторыми словами. Когда мы видимъ, что Кай находится въ сомнѣніи и разсудокъ его колеблется: тогда говоримъ, что Кай не можетъ опредѣлить ничего точнаго.

§. 44. *Опредѣленнымъ* называется то, о немъ говорится что нибудь такъ, что противное тому

вмѣстѣ исключается. *Неопредѣленнымъ* называется то, о чемъ ничего еще сказать не можно, хотя впредь и можетъ быть сказано что нибудь.

Сіи положенія объяснимъ поспѣшаюсь примѣрами. Когда я читаю Ливія; сіе дѣйствіе называется опредѣленнымъ: ибо не можетъ быть, чтобы въ то время, когда его читаю, можно было сказать, что я не читаю его. И такъ сіе чтеніе приписывается мнѣ такъ, что противное оному исключается. Когда я нахожусь въ Москвѣ, то нахожусь въ мѣстѣ опредѣленномъ: ибо не можетъ быть, чтобы, находясь въ Москвѣ, я находился въ тоже время въ Петербургѣ, или въ Кіевѣ. —

Воля есть способность *неопредѣленная;* ибо воля есть только способность и возможность желать чего нибудь, или отвращаться. Не можно сказать о волѣ, принимаемой за способность, что она желаетъ, или отвращается отъ чего нибудь въ самомъ дѣлѣ; хотя впредь и можно сказать объ ней, что она будетъ желать, или отвращаться, естьли побудительныя причины подѣйствуютъ на оную. — Плиній говоритъ, что сынъ Регуловъ былъ *мнителенъ*. Пис. II. кн. IV. Здѣсь не говорится объ немъ, что онъ былъ худой, или доброй, но только мнительный, то есть, нерѣшительный; хотя ничто не препятствуетъ сказать впредь объ немъ, что онъ будетъ худой, или доброй. Къ поясненію понятій: *что значитъ опредѣленное* и *неопредѣленное*, служитъ можетъ повѣствованіе Ливія о сраженіи Гораціевъ съ Куріаціями. Когда съ обѣихъ

сторонъ по три молодыхъ воина вступили въ сраженіе; побѣда была сомнительна; ни на ту, ни на другую сторону не склонялась. Но когда Горацій, по смерти двухъ своихъ братіевъ, напалъ на каждаго Куріація особо и поразилъ ихъ; тогда побѣда была на сторонѣ Горацієвъ и Римскаго народа. Лив. I. гл. 25.

§ 45. *Опредѣленіями* (determinationes) вещи называется все то, чѣмъ вещь дѣлается сею вещію, а не другою; или всѣ тѣ свойства, кои въ какомъ нибудь подлежащемъ опредѣлительно берутся въ извѣстномъ отношеніи. На прим. *Разумъ и воля* суть опредѣленія духа; ибо разумъ и воля составляютъ сущность духа.

Саллюстій описываетъ Югурту слѣдующимъ образомъ: *Когда Югурта достигъ первыхъ лѣтъ юношества; былъ крѣпокъ силами, красивъ лицемъ, дѣятеленъ умомъ; не предавался ни роскоши, ни лѣности; упражнялся въ верховой ѣздѣ, стрѣлялъ изъ лука, состязался съ товарищами бѣгомъ, и хотя всѣхъ побѣждалъ на семъ поприщѣ, но никѣмъ не былъ ненавидимъ. Большую часть времени провождалъ на охотѣ; первый нападалъ на дикихъ звѣрей; много дѣлалъ, но мало говорилъ о себѣ.* Войн. Югур. гл. 6.

§ 46. Объ опредѣленномъ и неопредѣленномъ слѣдующія положенія замѣтить должно:

I. Естьли полагается опредѣляющее, то полагается вмѣстѣ и самое опредѣляемое.

На прим. Естьли мы говоримъ, что Кай имѣетъ истощенное тѣло и въ старости мучится различны-

ми болѣзнями: то сіе происходитъ отъ того, что онъ въ молодости жилъ невоздержно. Итакъ изъ сего предложенія: *Кай въ молодости предавался роскоши и сластолюбію*, происшекаетъ истина другаго предложенія, въ которомъ говорится, что онъ *слабъ здоровьемъ*. Здѣсь *слабость здоровья* въ старости опредѣляется *невоздержностію юности*. Цицеронъ весьма хорошо говоритъ: *Причиною оскудѣнія силъ бываютъ по большей части пороки юности, а не слабость старости. Ибо сластолюбивая и невоздержная юность передаетъ старости изнуренное тѣло.* Катон. Большій. гл. 9.

II. Отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному не можно заключать; ибо отъ возможности къ существованію заключить не можно.

На прим. Кай не рѣшился еще заниматься Правовѣденіемъ; ибо сомнѣвается: не предпочесть ли Богословія оному, и слѣдовательно намѣреніе его еще неопредѣлено. Кпоже изъ того, что Кай не рѣшился еще, можетъ заключить: *слѣдовательно Кай изберетъ для себя науку правъ?* Нѣкоторый старикъ требовалъ совѣта у Скептическаго Философа: *жениться ли ему, или нѣтъ.* Отъ котораго получилъ въ отвѣтъ слова неопредѣленныя: *не невозможно, можетъ статься, дѣло сбыточное, нѣтъ невозможности* и пр. Могъ ли старикъ изъ сихъ неопредѣленныхъ отвѣтовъ узнать: *счастливъ ли, или несчастливъ будетъ* преднамѣреваемый бракъ его?

ГЛАВА VII.

О Цѣломъ и Частяхъ.

§ 47. *Цѣлымъ* называется то, что состоитъ изъ частей. *Части* же суть то самое, что, будучи соединено вмѣстѣ, составляетъ одну какую нибудь вещь.

На прим. Тѣло человѣческое есть цѣлое; а члены, жилы, кости, изъ которыхъ оно составлено, суть части онаго.

§ 48. Части, составляющія Цѣлое, бываютъ не одного, но разнаго рода: слѣдовательно *Цѣлое* можетъ раздѣляться различно.

Иное цѣлое бываетъ *Физическое*, которое состоитъ изъ вещества и видимаго образа; на прим. домъ, который составленъ изъ стѣнъ, кровли, оконъ, дверей и пр. Иное цѣлое бываетъ *Метафизическое*, къ которому относится все то, что можетъ опредѣлено быть и что состоитъ изъ рода и отличія личнаго; на прим. *Духъ* есть существо, одаренное разумомъ и волею. Иное цѣлое называется *Общимъ*, куда относятся: а) *родъ*, заключающій въ себѣ многіе виды (§ 48. Лог.); на прим. Духъ есть родъ въ отношеніи къ Богу, Ангеламъ и къ душѣ человѣческой; b) *Видъ*, который составляется изъ подобія многихъ нераздѣльныхъ; на прим. человѣкъ есть видъ въ отношеніи къ Павлу, Петру, Давиду и прочимъ нераздѣльнымъ, составляющимъ понятіе вида. — Наконецъ *цѣ-*

*

лое еще бываетъ *Полное* (integrale), которое заключаетъ въ себѣ многія тѣла различныя, кои такъ какъ части, составляютъ оное цѣлое.

Сіи многія тѣла, которыя, будучи соединены нѣкоторою связью, составляютъ цѣлое, называются обыкновенно частями *Составными* (integrantes). На прим. Человѣческое тѣло, составленное изъ многихъ тѣлъ, какъ-то: изъ головы, рукъ, ногъ, называется цѣлымъ *Полнымъ;* а члены, составляющіе все тѣло, называются *частями Составными.*

§ 49. Множество частей, составляющихъ цѣлое, обыкновенно называется *Величиною.* Самое же цѣлое, заключающее въ себѣ многія части, въ разсужденіи сихъ меньшихъ своихъ частей, называется *великимъ.*

§ 50. Положенія, подтверждаемыя здравымъ разсудкомъ и опытомъ касательно цѣлаго и частей, суть слѣдующія:

I. Цѣлое есть совершенно тожественное всѣмъ своимъ частямъ, взятымъ вмѣстѣ; и всѣ части, взятыя вмѣстѣ, могутъ быть поставлены на мѣсто цѣлаго безъ всякой перемѣны. Слѣдовательно цѣлое и всѣ части онаго суть совершенно одинаковы (§ 37.).

II. Итакъ гдѣ есть цѣлое, тамъ находятся всѣ части онаго; и гдѣ находятся всѣ части цѣлаго, тамъ находится и самое цѣлое.

III. Цѣлое равняется всѣмъ своимъ частямъ вмѣстѣ взятымъ; и всѣ части, составляющія цѣлое, рав-

ны своему цѣлому: ибо совершенно одинаковое должно быть равно самому себѣ.

IV. Часть меньше своего цѣлаго; а цѣлое должно быть больше всякой своей части.

Сіи положенія такъ ясны, что сомнѣваться въ истинѣ оныхъ никто не можетъ: по сей причинѣ предлагать доказательства на оныя, почитаю вовсе излишнимъ.

Г Л А В А VIII.

О Необходимомъ и Случайномъ.

§. 51. Почитаю полезнымъ изъяснить подробно понятія о *необходимомъ* и *случайномъ*, какъ потому, что оными поясняются правила, предлагаемыя въ нравоучительной Философіи о исполненіи добродѣтелей и о избѣжаніи пороковъ; такъ и потому, что многіе, не понявъ оныхъ, наполнили Философію вредными мнѣніями, отъ которыхъ многочисленные споры и распри произошли.

§ 52. *Необходимымъ* называется то, чему противное никакимъ образомъ существовать не можетъ, или чему не возможно не быть.

Волфій опредѣляетъ такъ: *Необходимое* есть то, коего противное невозможно. На прим. дважды два составляютъ необходимо четыре. Но положимъ, что дважды два не составляютъ четыре, а шесть, или восемь: иногда развѣ одинъ безсмысленный не увидитъ

противорѣчія. Шаръ долженъ быть необходимо круглымъ; но естьли кто скажетъ, что онъ четвероуголенъ; тогда явное произойдетъ противорѣчіе.

§ 53. *Необходимое* бываетъ двоякаго рода: или оно заключаетъ противное какой нибудь вещи въ себѣ и въ своей сущности; или только подъ нѣкоторымъ условіемъ. Первое называется *совершенно необходимымъ*, а послѣднее *условно-необходимымъ*.

Совершенно необходимое есть на прим. *бытіе Бога;* или какъ на прим. дважды два составляютъ четыре. Представь себѣ въ мысляхъ Бога, который бы не имѣлъ бытія; тогда ты представляешь себѣ химеру. Самое понятіе и свойства Бога предполагаютъ его бытіе, котораго столько же не льзя отдѣлять отъ Бога, какъ круглости отъ круга.

Необходимо бываетъ день, когда солнце свѣтитъ; но сія *необходимость* есть *условная:* ибо только подъ тѣмъ условіемъ, *когда солнце свѣтитъ*, необходимо бываетъ день. О сей условной необходимости говоритъ Теренцій: *Естьли человѣкъ однажды заразится порочною страстію; то необходимо слѣдуетъ худымъ совѣтамъ.*

Когда человѣкъ слѣдуетъ худымъ совѣтамъ; сіе бываетъ не совершенно *необходимо*, но подъ тѣмъ условіемъ, что онъ зараженъ порочными страстями. Такую условную необходимость разумѣетъ Цицеронъ, когда говоритъ: *Естьли бы каждый членъ могъ и началъ думать, что, присвоя себѣ силы ближайшаго члена, онъ сдѣлается тѣмъ самымъ силь-*

нье: то все тѣло человѣческое необходимо ослабѣло бы и погибло: равнымъ образомъ естьли бы всякъ изъ насъ, для собственной прибыли, началъ похищать собственность другихъ и отнимать у ближнихъ все, что только можетъ; то человѣческое общество необходимо долженствовало бы разрушиться. — О долж. кн. III. гл. 5. Въ шестой главѣ сей же книги Цицеронъ продолжаетъ такимъ образомъ: *Естьли самый законъ природы предписываетъ всякому человѣку стараться о пользѣ другаго человѣка, кто бы онъ ни былъ: то по тому же закону природы и польза должна быть необходимо для всѣхъ общая.*

Изъ многихъ видовъ условной необходимости я намѣренъ предложить о *Физической и нравственной.*

Физическая необходимость бываетъ въ кругѣ природы и въ естественной связи приключеній. О сей необходимости говоритъ Адгербалъ: *Отецъ мой, какъ необходимость человѣческой участи требовала, заплатилъ послѣдній долгъ природѣ.* Войн. Югурт. гл. XIV. О семъ же Плиній пис. XII. кн. I. Старшій Плиній, желавшій ближе разсмотрѣть изверженіе Везувія, бывъ покрытъ пепломъ и горящими камнями, необходимо долженъ былъ задохнуться и кончить жизнь, по причинѣ густой и разгоряченной атмосферы. Такая *необходимость* была *естественная, или физическая.*

Нравственная необходимость условная должна находиться въ свободныхъ существахъ, на прим. въ че-

ловѣкѣ, когда онъ представленіемъ добра, или зла побуждается желать добра, или убѣгать зла.

На прим. Когда тебѣ предлагаютъ ядъ и лѣкарство цѣлительное на выборъ; ты необходимо изберешь лѣкарство, а ядъ отвергнешь. Но какая необходимость понуждаетъ тебя сіе сдѣлать? *Нравственная*. О сей необходимости говоритъ Цицеронъ, утверждая, что доказательства Геометрическія не увѣряютъ, но силою принуждаютъ вѣрить истинѣ. Академ. вопр. кн. II. гл. 36. Сюдаже отнесть должно и сіи слова его: Мы всѣ желаемъ пользы и стремимся къ оной; иначе поступать намъ не возможно никакимъ образомъ. О дол. кн. III. гл. 28.

§ 54. Изъ выше сказаннаго о необходимости можно понять: что значитъ *случайное* (contingens, fortuitum). *Случайнымъ* называется то, чему противное быть можетъ; или чему инымъ образомъ быть возможно. На прим. пишу; но я могъ и не писать. Читаю, но я могъ и не читать. Итакъ писаніе и чтеніе суть случайныя дѣйствія.

§ 55. Что находится существо, котораго бытіе совершенно необходимо, я буду разсматривать сіе въ естественномъ Богословіи. Но довольная причина бытія его должна заключаться въ сущности онаго. Ибо сущность всякой вещи бываетъ совершенно необходима [§ 28.]; а что само въ себѣ содержитъ довольную причину, то не можетъ не быть совершенно необходимо. Случайное же существо, когда имѣетъ бы-

ніе, содержишъ довольную причину бышія своего въ другомъ сущесшвѣ, различномъ ошъ него.

§ 56. Выше приведенныя объясненія о необходимомъ и случайномъ будушъ полезны; когда будемъ говоришь о мірѣ вообще, шакже о душѣ человѣческой и о Богѣ.

I. Сущесшво совершенно необходимое не можешъ бышь случайнымъ: ибо чшо совершенно необходимо, шому противное никакъ не возможно. [§ 55]. Но случайному противное бышь можешъ [§ 55]; ишакъ видимъ, сколь противны между собою совершенно необходимое и случайное.

II. Условно необходимое есшь по своему свойсшву случайное: и пошому условная необходимосшь не исключаешъ случайносши; ибо условно необходимому противное шолько шогда бываешъ невозможно, когда будешъ принято условіе [§ 55]. Есшьли же нѣшъ условія; шо противное возможно. Слѣдовашельно условная необходимосшь безъ всякаго сомнѣнія есшь случайное.

На прим. Необходимо долженъ бѣжашь со всею поспѣшносшію шошъ человѣкъ, кошорый нечаянно насшупишъ на змѣя, скрывающагося въ шравѣ и поднимающаго ядовишое жало свое: сей, говорю, человѣкъ, пораженный ужасомъ, необходимо долженъ бѣжашь со сшрахомъ ошъ змѣя; необходимосшь сія есшь условная, и слѣдовашельно случайная. Ибо есшьлибы змѣй, скрывающійся въ шравѣ, не былъ нечаянно насшуп-

лень; что человѣкъ и не имѣлъ бы въ то время страха.

Г Л А В А IX.

О Порядкѣ, Метафизической истинѣ и Совершенствѣ.

§ 57. Не возможно понять: что значитъ Метафизическая истина и Совершенство; если прежде не будетъ объяснено: что значитъ *Порядокъ* и по какимъ правиламъ оный располагается.

§ 58. *Порядкомъ* называется то подобіе, которое усматривается въ образѣ, по которому вещи расположены одна возлѣ другой, или одна за другою слѣдуютъ.

На прим. Если мы видимъ въ какой нибудь библіотекѣ книги, поставленныя по сходству содержанія, переплета и величины: то говоримъ, что книги сіи находятся въ порядкѣ; ибо здѣсь видно подобіе касательно содержанія, переплета и величины книгъ, поставленныхъ одна возлѣ другой. Подобный порядокъ бываетъ и въ войскѣ; когда видимъ у всѣхъ воиновъ одинакое платье, одинакое оружіе, одинакое движеніе, ровный строй, одинакій ростъ, одинакое стремленіе на непріятеля.

Цицеронъ говоритъ о порядкѣ такъ: *Порядокъ есть устроеніе вещей по мѣстамъ приличнымъ и пристой-*

нымъ; и потому онъ утверждаетъ, что подобіе и сходство частей непремѣнно требуются къ составленію порядка. О долж. кн. I. гл. 4 и 40. Здѣсь съ удовольствіемъ можно прочесть письмо Плинія, въ которомъ онъ описываетъ порядокъ, наблюдаемый Спуринною въ жизни. Онъ говоритъ въ немъ много такого, что способствовать можетъ къ объясненію порядка. Кн. III. и кн. IX. пис. 36. и 40.

§ 59. Порядку противополагается безпорядокъ, или неустройство (ἀταξία). Безпорядокъ есть не что иное, какъ несходство, усматриваемое въ способѣ, коимъ вещи расположены одна возлѣ другой, или одна за другою слѣдуютъ.

Представь себѣ воиновъ, оставившихъ свои ряды и обратившихся въ бѣгство отъ непріятеля: какой тогда безпорядокъ! какое разстройство! Потерявъ строй, безъ предводителей, безъ руководства, разсыпавшись, бѣжатъ во всѣ стороны. Тотъ бросаетъ оружіе, другой падаетъ отъ ранъ; пѣхота, смѣшавшись съ конницею, стремится въ безпорядкѣ туда, куда гонитъ страхъ грозящей смерти.

Краснорѣчиво описываетъ Плиній безпорядокъ народныхъ собраній въ Римѣ. *Никто*, говоритъ онъ, *не соблюдалъ ни приличія въ словахъ, ни скромности въ молчаніи, ни благопристойности въ засѣданіи. Отвсюду слышны были громкіе и разногласные крики; всѣ представляли своихъ Кандидатовъ; многія были скопища, многіе заговоры; толпы мѣшались безъ всякаго порядка. Столько-то мы уклони-*

лись отъ обычая предковъ, которые все дѣлали въ порядкѣ, съ скромностію и тишиною; соблюдали важность и благопристойность приличныя мѣсту! Кн. III. пис. XX. Здѣсь можно себѣ привесть на память бывшіе сеймы Польскіе.

§ 60. О порядкѣ должно замѣтить слѣдующее:

I. Во всякомъ порядкѣ должно быть нѣчто, въ чемъ различные предметы, или вмѣстѣ существующіе, или послѣдующіе одинъ за другимъ, бываютъ подобны.

II. То, въ чемъ различные предметы бываютъ подобны, называется *Правиломъ порядка.*

На прим. Когда видимъ въ библіотекѣ книги подобныя по формѣ; тогда подобіе формы книгъ составляетъ *Правило порядка*, примѣчаемаго въ библіотекѣ.

III. Слѣдовательно во всякомъ порядкѣ должно быть Правило порядка: поелику въ немъ должно быть нѣчто, въ чемъ различные предметы, поставленные одинъ возлѣ другаго, должны быть подобны между собою [I. пол.]. А въ семъ самомъ и состоитъ Правило порядка. [Пол. II.].

IV. Естьли порядокъ устроенъ будетъ по одному Правилу; то называется *простымъ.* Естьли по многимъ правиламъ; то происходитъ большій и *сложный порядокъ.*

На прим. Естьли книги разставлены будутъ по сходству a] переплета и величины, b] содержанія, c] изданія: то въ расположеніи книгъ будетъ тогда

бо́льшій порядокъ, нежели когда бы они были размѣщены по одному наружному виду.

V. Въ вещахъ, расположенныхъ одна возлѣ другой, можетъ быть и порядокъ и безпорядокъ, только въ разныхъ отношеніяхъ.

На прим. Книги бываютъ разставлены по сходству величины: вотъ порядокъ! Но естьли разсмотримъ содержанія и изданія, увидимъ весьма великое несходство: вотъ безпорядокъ!

VI. Во всемъ существующемъ находится порядокъ: ибо во всемъ существующемъ находится то подобіе, что все производится согласно началу довольной причины [§ 15.].

Итакъ всѣ вещи, дѣйствительно существующія, тѣмъ различаются отъ сновидѣній и грезъ, что сіи послѣднія существуютъ въ одномъ только воображеніи.

§ 61. Итакъ *Метафизическая истина* есть такой порядокъ, по которому всякое существо имѣетъ довольную причину бытія своего; или *истина* есть порядокъ тѣхъ принадлежностей, кои приличны каждому существу.

Схоластики опредѣляютъ такъ: *Истина* есть такое состояніе вещи, въ которомъ она имѣетъ все то, что принадлежитъ ея сущности и натурѣ. На прим. Золото есть *истинное* золото, когда имѣетъ всѣ принадлежности, требуемыя къ составленію золота. Такое опредѣленіе Схоластиковъ кажется непротивно моему: ибо вещь тогда имѣетъ должную сущность; когда соблюденъ въ ней такой порядокъ,

что все устроено въ ней сообразно началу довольной причины.

Слово *истина* употреблялось въ семъ смыслѣ и древними писателями. Плиній говоритъ слѣдующимъ образомъ: *Самую мѣдь, естьли она есть мѣдь истинная (т. е. несмѣшенная, простая, естественная), показываетъ цвѣтъ ея.* Кн. VII. гл. 3. *Явился день истинный — и солнце возсіяло.* Кн. VI. 20. Въ семъ же смыслѣ приписываетъ онъ Сабиніану *истинное* исправленіе. Кн. IX. 21. Итакъ основательно Цицеронъ противополагаетъ *справедливое и истинное ложному, обманчивому, прикрашенному и поддѣланному.* — О Друж. гл. 25 и 26.

§. 62. *Истинное существо* есть то, въ которомъ находится истина.

Сіе опредѣленіе не есть тожественное, хотя оно и кажется таковымъ: ибо что значитъ истина, объяснено въ предидущемъ параграфѣ.

§ 63. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что всякое существо есть истинное.

Всякое существо заключаетъ въ себѣ довольную причину бытія своего [§ 15], и слѣдовательно истину. Но возразятъ мнѣ, что бываетъ и *ложное золото.* Я сіе отрицаю. Золото, которое почитаешь *ложнымъ*, есть или золото, или не золото. Естьли оно золото, то истинное есть золото; естьли не золото, то будетъ или мѣдь, или другой какой нибудь металлъ.

Истина существъ основывается на началѣ довольной причины: слѣдовательно естьли отвергнемъ начало довольной причины, то и истину, заключающуюся въ вещахъ, должно отвергнуть. Изъ сего явствуетъ: почему Лейбницъ говоритъ, что безъ начала довольной причины не можно различить сновидѣнія отъ истины.

§ 64. Теперь слѣдуетъ изъяснить понятіе о *Совершенствѣ*. Мы приписываемъ совершенство всякой вещи, въ которой разныя принадлежности, или свойства такъ согласны между собою, что совершенно соотвѣтствуютъ цѣли, для которой вещь назначена. По сей причинѣ нѣкоторые опредѣляютъ *Совершенство* соотвѣтствіемъ, удовлетворяющимъ цѣли.

Волфій говоритъ о семъ предметѣ такимъ образомъ: *Совершенство* есть согласіе разнообразнаго, или согласіе такихъ вещей, кои различаются между собою, но въ одномъ чемъ нибудь согласны. Наприм. Мы называемъ Государство совершеннымъ тогда, когда въ ономъ разные предметы, т. е. дѣйствія властителя и гражданъ согласны въ томъ и къ тому стремятся, чтобы достигнуть общественнаго спокойствія и сохранить оное. Полю приписываемъ мы совершенство; когда оно соотвѣтствуетъ назначенію своему, т. е. когда приноситъ плоды съ изобиліемъ и посѣянное возвращаетъ съ избышкомъ. Для сей цѣли, или для полученія изобильныхъ плодовъ требуется: a] чтобы удобренное поле воспріяло посѣянныя зерна; b] чтобы заволочено было бороною; c] чтобы земля, согрѣ-

шая парами, произвела изъ сѣмени зелень; d] чтобы сія зелень, утвердившись корнемъ, возрасла въ коленчатый стебелекъ. Послѣ сего появляется уже плодъ въ остистыхъ колосьяхъ, кои предохраняютъ зерна отъ хищности мелкихъ птицъ. — Вотъ сколько разныхъ вещей требуется для достиженія цѣли, т. е. для произведенія обильныхъ плодовъ! Смотр. Циц. о Старос. гл. XV.

Говоря о совершенствахъ красивой рѣчи, при подробномъ объясненіи Краснорѣчія, я показалъ уже, въ какомъ чрезвычайномъ употребленіи сіе понятіе совершенства.

§ 65. Мы усматриваемъ *несовершенство* въ вещи тогда; когда видимъ въ ней много такого, что противно цѣли ея.

На прим. Когда въ Государствѣ дѣйствія начальниковъ и гражданъ противны цѣли общества, т. е. общественному спокойствію; когда на прим. Государь ожесточенный отнимаетъ имѣніе и жизнь у гражданъ; когда дерзскіе граждане дѣлаютъ вредные умыслы противъ Отечества; когда наконецъ богатства раждаютъ алчность; роскошь возбуждаетъ сластолюбіе, жертвующее всемъ своей жадности: тогда всякъ, видя сіи пороки почтетъ оные несовершенствами Государства. Примѣромъ сему служить можетъ умыслъ Катилины, о которомъ читать можно, кромѣ рѣчей Цицероновыхъ, Исторію Саллюстія о войнѣ Катилины.

§ 66. Итакъ для всякаго Совершенства нужны три принадлежности: а] какая нибудь цѣль, къ ко-

торой относятся разныя свойства, или принадлежности, примѣчаемыя въ вещи; b] требуются *многія*, или *разнообразныя свойства;* c] *согласіе* разныхъ свойствъ съ цѣлію.

§ 67. Естьли многія, или разныя принадлежности, находящіяся въ вещи, относятся къ одной цѣли; *совершенство* называется *простымъ*. Естьли же многія цѣли достигаются согласіемъ сихъ разныхъ принадлежностей; то происходитъ отсюда *совершенство сложное*.

На прим. Естьли часы такъ будутъ сдѣланы, что будетъ видно согласіе всѣхъ частей съ одною только цѣлію, т. е. естьли они показываютъ одно только время; то сіе совершенство часовъ будетъ называться *простымъ*. Естьли же часы будутъ показывать каждую минуту, каждый мѣсяцъ, каждое число мѣсяца: то сіе совершенство часовъ будетъ *сложное*; потому что соединеніемъ частей, согласно устроенныхъ, здѣсь достигаются многія цѣли.

§ 68. Самый опытъ доказываетъ намъ, что сложныя совершенства и правила оныхъ часто бываютъ противны между собою. Въ такомъ случаѣ мы говоримъ, что многія правила несовмѣстны между собою.

На прим. Защищать отечество и свободу есть совершенство. Хранить жизнь, и наслаждаться спокойствіемъ, суть совершенства. Но въ иное время нельзя сохранить свободы, отечества и вѣры, не пожертвовавъ своею жизнію и не нарушивъ своего и общаго покоя;—здѣсь совершенства несовмѣ-

сшны одно съ другимъ.—Смотри примѣры Циц. кн. III. О долж. въ гл. 24. и слѣдующихъ.

§ 69. Несовмѣстное не можетъ бышь вмѣстѣ: слѣдовашельно есшьли не возможно достигнушь двухъ совершенствъ совокупно; шо должно или одному правилу совершенства послѣдовашь, а другое ошставишь; или шого и другаго совершенства одну часшь избрашь, а другую ошставишь. Сей случай, когда одному правилу совершенства слѣдуемъ, а другое ошставляемъ, называется *исключеніемъ изъ правила совершенства*, которое происходишъ ошъ несовмѣсшносши правилъ, которыя наблюдашь должно.

На прим. Мы знаемъ правило: *храни чесшность.* Знаемъ шакже и другое правило: *старайся о своей пользѣ и выгодахъ.* Сіи два правила весьма часшо бываюшъ несовмѣсшны одно съ другимъ: о чемъ проспранно говоришъ Цицеронъ въ кн. III. О долж. Есшьли вмѣсшѣ не можно сохранишь чесшносши и выгодъ; шо чесшность должно предпочесшь пользѣ. Регулъ почишалъ полезнымъ для себя ошшаться въ Римѣ; но нарушишь клящву и не возврашишься въ Карѳагенъ казалось ему дѣломъ безчесшнымъ. Ишакъ онъ предпочелъ чесшное полезному, и сдѣлалъ исключеніе изъ правила совершенства. Циц. кн. I. О долж. Благоразумно говоришъ Плиній о семъ: *Обѣ сіи должности шакъ важны, чшо одну изъ нихъ выполнишь довольно.* **Кн. V.**

§ 70. Слѣдующія положенія предлагаюшся для шого, дабы яснѣе понимашь правила, объясняемыя въ

правоучительной Философіи, о несовмѣстности обязанностей.

I. Исключеніе изъ правила совершенства должно дѣлать съ тѣмъ, чтобы большее добро всегда было предпочитаемо меньшему.

Мореплаватель, угрожаемый кораблекрушеніемъ во время бури, если-ли не можетъ спасти вмѣстѣ и жизни и своего имущества: въ такомъ случаѣ долженъ спасать жизнь, а имущество бросить въ море.

II. Гдѣ бываетъ одно только правило совершенства, тамъ исключенія изъ онаго быть не можетъ.

Ибо въ семъ случаѣ не можетъ быть несовмѣстности между многими правилами.

III. Исключеніе изъ правила совершенства причиною бываетъ несовершенства въ части, но совершенство цѣлаго сохраняется.

IV. Часто не можемъ мы избѣгнуть исключенія изъ правила совершенства: по сей-то причинѣ несовершенство въ части для того принимать должны, дабы чрезъ то достигнуть большаго совершенства въ цѣломъ; подобно какъ на картинахъ наводятъ тѣнь для большей красоты и пріятности.

На прим. Дабы спасти отечество, дабы охранить безопасность Государства, вѣру и свободу, должно жертвовать часто всякому гражданину своими выгодами: требуется великая сумма денегъ, подвергается жизнь опасности, разрушаются зданія, прекращается торговля, расхищается имущество гражданъ; всѣ не-

счастія, причиняемыя войною, постигаютъ жителей. Но безъ сихъ бѣдствій столько же не можно охранить общественнаго благосостоянія, какъ и врачевать тѣла, не отрѣзавъ гнилыхъ членовъ онаго.

V. Всякое существо имѣетъ должное совершенство.

Ибо принадлежности всякаго существа имѣютъ ту цѣль, дабы существо было существомъ, и существомъ такимъ, каково оно есть, а не другимъ. Тѣмъ самымъ существо имѣетъ свойственное себѣ совершенство. Сіе совершенство называется *существеннымъ*, или, по словамъ Схоластиковъ, *метафизическою добротою*. Изъ сего понять можно, по чему они всякое существо называли *добрымъ*.

§ 71. Совершенство, чувствамъ подлежащее, называется *красотою* (pulchritudo).

Что значитъ *красота* и *безобразіе*, лучше можно чувствовать, нежели опредѣлить словами: однако ученые мужи по возможности старались объяснить понятіе красоты, которое по заблужденію и противорѣчію разныхъ мнѣній сдѣлалось непонятнымъ. Сюда принадлежатъ Крозацій, Буддей, Бергеръ, который въ сочиненіи своемъ *о естественной красотѣ рѣчи* глубокомысленно разсуждаетъ о *Прекрасномъ*. Показавъ источники *красоты* и причины, онъ объясняетъ пространно примѣромъ Цезаря: что значитъ *красота* въ рѣчи. —

Предложенное мною опредѣленіе *красоты* основано на опытѣ. Почему мы приписываемъ красоту зданію, или саду? Не потому ли, что мы видимъ въ зданіи со-

вершенства т. е. надлежащее согласіе и соразмѣрность частей? Не потому ли, что видимъ въ саду правильныя алеи, стройно посаженныя деревья; или иначе видимъ совершенство, чувствамъ подлежащее, которое происходитъ отъ согласія разныхъ вещей? Наконецъ почему картину мы называемъ красивою? Не потому ли, что она въ точности изображаетъ подлинникъ? — Такова статуя, описанная Плиніемъ, представляющая старика: *Коринѳская статуя*, говоритъ онъ, *представляетъ стоящаго старика. Кости, мускулы, нервы, жилы, самыя морщины, какъ на живомъ, изображены. Волосы на головѣ рѣдкіе, чело широкое, лице сморщенное, шея тонкая, плечи обвисшія, глаза впалые, животъ поджатый.* — Можно ли живѣе изобразить дряхлаго старика и его тѣло? Плин. кн. III. пис. 7.

Къ поясненію опредѣленія красоты предлагаю слова Бергера: *Тѣло называется красивымъ; когда части имѣютъ такое устройство, какого требуетъ совершенство каждой изъ нихъ; когда голова, руки, ноги и прочіе члены, разсматриваемые порознь, могутъ быть такъ совершенны, что не только ничего не видно въ нихъ предосудительнаго, но напротивъ образъ, составъ, черты достойны удивленія. Но сіи части, сами по себѣ совершенныя, могутъ обезобразить тѣло, естьли не будутъ имѣть соразмѣрности, свойственной тѣлу. Слѣдовательно части тѣла, не только каждая отдѣльно, должны имѣть приличное совершенство, но и всѣ вмѣстѣ должны быть соединены между собою согласно и заключать надлежащую величину, соразмѣр-*

ность и порядокъ. Отъ сего происходитъ красота тпла, плѣняющая зрѣніе пріятнымъ расположеніемъ членовъ. Симъ самымъ доказывается, что красота есть совершенство, чувствамъ подлежащее. Смот. о естественной красотѣ рѣчи стр. 27 и 29.

§ 72. *Безобразіе* есть несовершенство, чувствамъ подлежащее.

Представь въ мысляхъ женщину, о которой Теренцій говоритъ, что она была рыжая, подслѣпая, кривоногая, малорослая, съ покляпымъ носомъ, съ большою головою, съ длинными ногами, съ морщинами на лицѣ, съ повислыми ушами, съ синими зубами: не назовешь ли ее безобразною? Здѣсь видно несовершенство во всемъ, несогласіе частей, разстройство членовъ и совершенное несообразіе.

Г Л А В А X.

О Существѣ сложномъ.

Объяснивъ выше общія понятія и главныя принадлежности существа, теперь я намѣренъ приступить къ частному раздѣленію существъ. Всякое существо бываетъ *простое*, или *сложное*. Прежде объясню свойство и принадлежности существа сложнаго, а послѣ буду говорить о простомъ существѣ.

§ 74. Дабы можно было яснѣе понять предлагаемое о существѣ сложномъ, прежде объясню: что значатъ *вещи, одна внѣ другой находящіяся.*

§ 75. *Вещь, внѣ насъ находящаяся*, называется та, которую мы представляемъ силою нашего самосвѣденія такъ, какъ отдѣленную и отличную отъ насъ. *Вещи же, одна внѣ другой находящіяся*, суть тѣ, которыя мы почитаемъ различными и отдѣльными одна отъ другой. На прим. Когда ты представляешь себѣ солнце и звѣзды; тогда солнце и звѣзды находятся внѣ тебя. Потомъ представляя солнце отличнымъ отъ луны, воображаемъ солнце и луну находящимися одно внѣ другой.—Въ семъ столѣ, который ты видишь, одна часть внѣ другой будетъ находиться; когда ты будешь представлять всякую часть стола отдѣльно отъ другой.

§ 76. То существо называется *сложнымъ*, которое состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, одна отъ другой отдѣльныхъ, или одна внѣ другой находящихся.

На прим. Дерево, столъ, книга суть существа сложныя: ибо они составлены изъ многихъ частей, отдѣльныхъ одна отъ другой.

Сложное существо еще называется *сложнымъ Физическимъ*, для отличія отъ существа *Логическаго*, составляемаго умомъ. На прим. Естьли мы въ Богѣ всѣ свойства, кои суть самый Богъ, такъ какъ многія части отдѣльныя представляемъ: то сіе представленіе Божественныхъ свойствъ называется логическимъ, или умственнымъ.

§ 77. Изъ сего ясно видѣть можно, что существо сложное дѣлается сложнымъ чрезъ составленіе и соединеніе частей, отдѣльныхъ одна отъ дру-

гой; а по причинѣ различнаго соединенія частей, происходятъ и разныя сложныя существа.

§ 78. Теперь можно ясно понять слѣдующія положенія:

I. Сущность сложныхъ существъ состоитъ въ способѣ соединенія тѣхъ частей, изъ которыхъ они составлены.

Ибо способъ соединенія частей дѣлаетъ именно сіе сложное существо, а не другое [§ 76]: что самое и составляетъ *сущность* вещи [§ 27].

Фортепіано и часы суть сложныя существа, совершенно различныя между собою: сіе различіе происходитъ отъ различнаго соединенія и составленія частей.

II. Сложныя существа *подобными* называются тѣ, кои имѣютъ подобный составъ; а *неподобныя* суть тѣ, которыя имѣютъ различный способъ составленія частей.

§ 79. *Протяженнымъ* (extensum) называется то, что имѣетъ части, кои хотя находятся одна внѣ другой, но всѣ соединены вмѣстѣ. На прим. Мы называемъ столъ протяженнымъ потому, что въ ономъ части находятся одни внѣ другихъ; въ которомъ часть A не тамъ находится, гдѣ часть B, и часть B не тамъ, гдѣ часть C.

§ 80. *Непрерывнымъ* (continuum) называется то существо, котораго части такъ расположены между собою, что другія постороннія никакъ не могутъ помѣститься между оными. На прим. Кусокъ золота есть сложное непрерывное; потому что части,

составляющія сей кусокъ, такъ соединены между собою, что другія постороннія части не могутъ помѣститься между оными.

§ 81. Сложное *прерывное* (interruptum) есть то существо, въ которомъ части такъ расположены, что между оными можно помѣстить и другія постороннія части. На прим. Губка и сито суть существа сложныя прерывныя; поелику соединеніе частей ихъ такъ устроено, что между сими частями удобно могутъ помѣститься другія постороннія части.

§ 82. *Соприкосновенными, или смежными* (contigua) называются тѣ сложныя существа, которыя хотя касаются одно къ другому, но не составляютъ одного протяженнаго тѣла. На прим. Два шара, касающіеся одинъ къ другому поверхностію, какъ ни сближены бываютъ, но не составляютъ одного шара.

§ 83. Изъ выше сказаннаго слѣдуетъ:

I. Всякое сложное существо должно имѣть протяженіе.

Ибо сложное существо состоитъ изъ различныхъ частей, соединенныхъ вмѣстѣ: что и составляетъ протяженіе.

II. Сложныя существа смежныя не могутъ назваться непрерывными.

Ибо между смежными существами могутъ быть помѣщены другія постороннія части; и они не составляютъ одного протяженія, но остаются различными существами [§ 82].

§ 84. Дабы понять прочія свойства сложныхъ существъ, нужно прежде изъяснить нѣкоторыя понятія, относящіяся къ сему предмету, и опредѣлить: что значитъ *пространство, мѣсто, время, движеніе, видъ* (figura).

§ 85. Слово *Пространство* (spatium) нѣкоторые считаютъ между тѣми словами, которыя не имѣютъ никакого смысла. Другіе, обманываясь воображеніемъ, почитаютъ пространство нѣкимъ вмѣстилищемъ тѣлъ.

§ 86. Желающій имѣть ясное понятіе о пространствѣ долженъ примѣчать слѣдующее:

I. Изъ опыта знаемъ, что многія сложныя существа совокупно существуютъ: такимъ образомъ когда находятся A, B, C, D; то въ тоже самое время находятся E, F, G. Сіи многія сложныя существа, которыя въ одно время существуютъ, называются *современными* (simultanea).

II. Обращая вниманіе на сіи сложныя существа, пребывающія въ одно время, видимъ, что A совершенно инымъ образомъ существуетъ въ отношеніи къ B, нежели въ отношеніи къ C, или D. Итакъ мы различаемъ образъ, какъ A существуетъ въ отношеніи къ B, отъ образа, какъ тоже самое A существуетъ въ отношеніи къ C и D.

III. Изъ сказаннаго явствуетъ, что сіи существа бываютъ расположены между собою такъ, что разстояніе между A и B совершенно отлично отъ разстоянія, находящагося между A и D.

IV. Когда мы представляемъ въ мысляхъ порядокъ, усматриваемый въ образѣ, коимъ многія современныя вещи A, B, C, D, существуютъ вмѣстѣ; тогда мы представляемъ въ самомъ дѣлѣ то, что называется *пространствомъ*. Мы никакъ не можемъ вообразить себѣ вещей, существующихъ въ одно время, не соединивъ съ оными понятія о *пространствѣ*.

§ 87. Послѣ сихъ объясненій, легко можно понять опредѣленіе Волфія, который называетъ *пространство* порядкомъ вещей современныхъ, или сосуществующихъ.

На прим. Многія зданія, вмѣстѣ находящіяся, имѣютъ нѣкоторое между собою отношеніе и порядокъ касательно своего сосуществованія (coexistentiae). Сіе отношеніе, находящееся между зданіями, существующими въ одно время, будучи неодинаково, бываетъ причиною того, что и пространство бываетъ неодинаково. Слѣдовательно нельзя понимать пространства безъ отношенія къ тѣламъ, существующимъ въ одно время.

§ 88. Изъ опредѣленія пространства слѣдуетъ:

I. Пространство вовсе отлично отъ вещей, существующихъ вмѣстѣ.

Какимъ образомъ число тогда составляется, когда будутъ сочтены вещи; но сіи сочтенныя вещи не суть самое число; какимъ образомъ, уничтоживши исчисляемыя вещи, уничтожаемъ число: равнымъ образомъ и *пространство* бываетъ тогда, когда многія вещи современныя существуютъ вмѣстѣ въ нѣкото-

ромъ извѣстномъ порядкѣ. Сіе пространство, происходящее отъ вещей расположенныхъ въ порядкѣ, не есть тѣ самыя вещи, кои составляютъ порядокъ. Но когда вещи, существующія въ одно время и составляющія порядокъ, уничтожены будутъ; тогда и пространство уничтожится, подобно тому, какъ число исчезаетъ, когда вещи счисляемыя болѣе не существуютъ.

II. Всѣ сложныя существа находятся въ пространствахъ.

Кромѣ подробнаго понятія *о пространствѣ*, есть еще нѣкоторое понятіе объ ономъ умозрительное, т. е. воображеніе представляетъ намъ пространство существомъ вещественнымъ, дѣйствительно находящимся, протяженнымъ, единообразнымъ, непрерывнымъ. Такимъ образомъ люди представляютъ себѣ пространство нѣкоторымъ вмѣстилищемъ, не занятымъ никакими предметами, въ которомъ можемъ помѣщать разные предметы.

§ 89. *Мѣсто* есть опредѣленный способъ сосуществованія съ другими вещами.

§ 90. О мѣстѣ замѣтимъ слѣдующее:

I. Мѣсто не есть самая вещь, находящаяся на ономъ, и оно не имѣетъ никакой связи съ сущностію вещи.

II. Причина, по чему какое нибудь существо находится здѣсь, а не тамъ, не заключается въ самомъ мѣстѣ.

§ 91. *Время* есть тотъ порядокъ, который замѣчаемъ въ послѣдованіи одной вещи за другою.

§ 92. Дабы имѣть ясное поняшіе о времени, должно замѣшить слѣдующее:

I. Тѣ существа, изъ которыхъ одно начинаешъ, а другое перестаешъ быть, называются *послѣдственными*. Въ сихъ послѣдственныхъ существахъ примѣчаемъ: 1] нѣчто шакое, что дѣйсшвишельно находишся и именуешся *настоящимъ*; 2] когда сіе настоящее перестаешъ быть и переходишъ въ состояніе одной возможности; шогда называешся *прошедшимъ*. 3] Естьли какая нибудь вещь, чисто возможная, не получила еще бышія, но впредь будешъ произведена; шо сіе называешся *будущимъ*.

II. Порядокъ въ послѣдованіи сихъ вещей есть шо самое, что мы называемъ *временемъ*.

III. Изъ сего явствуешъ, что гдѣ нѣшъ послѣдованія вещей, изъ которыхъ одна начинаешъ, а другая перестаешъ существовать; шамъ нѣшъ времени.

IV. Мы можемъ дѣлить время на сшолько часшей, сколько можемъ ошдѣлить послѣдственныхъ вещей, случившихся одна послѣ другой.

§ 93. *Движеніе* есть перемѣна мѣста; а пребываніе вещи на одномъ мѣсшѣ называешся *покоемъ*. Что можешъ двигашься, или перемѣнять мѣсшо; шо называешся *движимымъ*.

§ 94. Мѣсшо не препяшствуешъ никакой вещи имѣть движеніе.

Ибо довольная причина, по чему какое нибудь су-

щество находится здѣсь, а не тамъ, не заключается въ мѣстѣ.

§ 95. Когда части, составляющія сложное существо, одна отъ другой отдѣляются; тогда оно называется *дѣлимымъ*.

§ 96. Сложное существо не занимаетъ мѣста необходимо и непремѣнно [§ 94], и части онаго могутъ одна отъ другой отдѣляться; слѣдовательно всякое сложное существо есть дѣлимо.

§ 97. *Величиною* мы называемъ множество частей [§ 49]; сложное же существо состоитъ изъ частей [§ 76]: слѣдовательно оно имѣетъ извѣстную нѣкоторую величину.

§ 98. Когда къ сложному существу нѣкоторыя части прибавляются, оно *увеличивается*: когда же нѣкоторыя части отъ онаго отнимаются, оно *уменьшается*.

§ 99. Изъ вышесказаннаго можно ясно видѣть, что сложное существо можетъ увеличиваться и уменьшаться; ибо части сложнаго существа могутъ перемѣнять мѣсто [§ 94]: слѣдовательно ничто не препятствуетъ придать новыя части къ оному, а нѣкоторыя отнять отъ него.

§ 100. *Измѣрять* сложное существо значитъ, когда мы сравниваемъ величину онаго съ другою данною величиною. На прим. Когда мы познаемъ величину стола помощію аршина, или нитки; тогда говорится, что мы столъ *мѣряемъ*. Самый аршинъ, или нит-

ка, посредствомъ коихъ находится величина тѣла, называется *мѣрою*.

§ 101. Ибакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что всякое сложное существо можетъ быть измѣряемо; потому что оно имѣетъ величину [§ 97].

§ 102. *Наружнымъ видомъ* вещи (figura) называется предѣлъ протяженія.

Сіе опредѣленіе вида можно объяснить примѣромъ какой нибудь книги. Книга имѣетъ протяженіе, но ограничена предѣлами. Сіе ограниченіе составляетъ наружный видъ, который бываетъ различенъ, смотря потому, какъ границы протяженій перемѣняются.

§ 103. Къ сложному существу иныя части могутъ быть приданы вновь, а другія отняты [§ 99]: слѣдовательно предѣлы протяженія въ сложномъ существѣ могутъ перемѣнишься: а потому наружный видъ сложнаго существа *перемѣнчивъ*.

§ 104. Изъ предидущаго явствуетъ, что всякая перемѣна въ сложномъ существѣ происходитъ чрезъ одно только движеніе.

Увеличивается ли, уменьшается ли сложное существо, или перемѣняются части и видъ его: во всѣхъ сихъ случаяхъ части должны перемѣнять свое мѣсто, и потому должны имѣть движеніе.

ГЛАВА XI.

О Существѣ простомъ.

Сложному существу противополагается *Существо простое*, которому неприличны всѣ тѣ принадлежности, которыя выше приписаны существу сложному: ибо противныхъ предметовъ и свойства бываютъ противны.

§ 106. Сложнымъ существомъ я именовалъ то, которое состоитъ изъ частей, находящихся одна внѣ другой, и соединенныхъ между собою вмѣстѣ [§ 76]. Слѣдовательно простое существо есть такое, которое не состоитъ изъ частей. На прим. Душа человѣческая, Богъ суть существа простыя, о которыхъ послѣ буду говорить пространнѣе: теперь объясню свойства вообще всякаго существа простаго. Здѣсь я не намѣренъ доказывать: имѣютъ ли бытіе существа простыя; но постараюсь объяснить, какое ихъ свойство, какія принадлежности. Нѣкоторые думаютъ, что можно доказать бытіе простыхъ существъ тѣмъ, что сложныя существа находятся. Если, говорятъ они, есть существа сложныя; то оныя состоятъ изъ частей. Тѣ части, изъ которыхъ сложныя существа состоятъ, суть опять или сложныя, или простыя. Если они сложныя, то еще новыя имѣютъ части. И такимъ образомъ сіи новыя части суть вторично существа или простыя, или сложныя. Если сложныя, то снова могутъ дѣ-

литься на части; но такое дѣленіе не можетъ простираться до безконечности. Слѣдовательно если есть существа сложныя; то должны быть существа простыя, которыя называютъ нѣкоторые Философы *первыми началами сложныхъ существъ;* другіе же именуютъ оныя *единицами*, или *атомами* (monades aut athomi). О сихъ простыхъ существахъ пространнѣе будетъ сказано въ Міросло̀віи [Космологіи].

§ 107. Свойства простаго существа заключаются въ слѣдующемъ:

I. Простое существо не имѣетъ протяженія.

Ибо оно не имѣетъ частей [§ 106]; а протяженіе составляется изъ частей [70].

II. Существо простое не имѣетъ никакой величины.

Для составленія величины требуются многія части [§ 57], которыхъ существо простое не имѣетъ [§ 106].

III. Существо простое не имѣетъ наружнаго вида.

Существо простое не имѣетъ протяженія [§ 107]; а наружный видъ образуется предѣлами протяженія.

IV. Существо простое недѣлимо.

Ибо какимъ образомъ можетъ дѣлиться то, что не имѣетъ никакихъ частей?

§ 108. Существо простое раждается тогда, когда получаетъ бытіе; а умираетъ тогда, когда лишается онаго.

§ 109. Изъ сего проистекаютъ слѣдующія положенія:

I. Если существо простое существуетъ безусловно; то оно не можетъ родиться.

Если бы оно могло родиться; то имѣло бы начало; и потому прежде рожденія не существовало бы. Существо безусловное не можетъ не существовать [§ 55]: слѣдовательно и родиться не можетъ.

II. Итакъ тѣ простыя существа суть случайныя, которыя раждаются.

III. Существа простыя, случайно получившія бытіе, не могутъ произойти изъ существа сложнаго.

Положимъ, что простое существо можетъ произойти изъ существа сложнаго; тогда оно должно произойти или чрезъ присоединеніе частей, или чрезъ перемѣщеніе ихъ, или чрезъ дѣленіе.—Присоедини посторонніе части: что произойдетъ отъ того? Большее сложное. Если же переставишь части съ мѣста на мѣсто; то произойдетъ сложное существо другаго рода, имѣющее другой видъ. Если же раздѣлишь части; то составится меньшее сложное существо. Хотя отъ продолженія дѣленія частей можетъ, кажется, произойти существо простое; потому что нѣкоторые, какъ я выше сказалъ, раздѣляя существа сложныя, простираются мысленно до самыхъ простыхъ существъ, или недѣлимыхъ: однако дѣленіе частей, находящихся въ сложномъ, никакъ не можетъ родить существа простаго, которое прежде того находилось уже въ

сложномъ. Слѣдовательно существо простое не можетъ произойти изъ существа сложнаго.

IV. Простое существо не можетъ родиться изъ существа простаго.

Простое существо недѣлимо [§ 107. пол. IV]: слѣдовательно простое существо A не можетъ родиться изъ существа простаго B; ибо тогда произошло бы дѣленіе, если бы A отдѣлилось отъ существа простаго B.

Произойти, или родиться изъ существа простаго я почитаю невозможнымъ такъ какъ изъ вещества; а не такъ какъ отъ дѣйствующей причины: поелику души человѣческія и другія существа простыя произошли отъ Бога, такъ какъ отъ начальной причины.

V. Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что существо простое должно произойти изъ ничего.

Ибо если оно не можетъ произойти ни изъ сложнаго, ни изъ простаго существа; то оно происходитъ изъ ничего.

Не должно смѣшивать сихъ двухъ предложеній: *произойти отъ ничего*, и *произойти изъ ничего*: первое несправедливо, а послѣднее можетъ быть справедливымъ.

VI. Когда существо простое раждается; оно должно родиться мгновенно (in instanti), т. е. при его рожденіи не могутъ соединяться части съ частями постепенно, какъ сіе обыкновенно бываетъ при рожденіи сложныхъ существъ.

Причина сего очевидна: существо простое не имѣетъ частей [§ 106]; и потому при рожденіи его не могутъ постепенно соединяться части съ частями. Слѣдовательно существо простое должно раждаться мгновенно.

VII. Если существо простое умираетъ; оно не иначе можетъ умереть, какъ вовсе уничтожаясь.

Положимъ, что существо простое умирая не уничтожается: слѣдовательно послѣ разрушенія его останутся еще какія нибудь части; но сіе будетъ противно § 107, гдѣ сказано, что существо простое недѣлимо.

VIII. Существо простое безусловно необходимое не можетъ умереть.

Существо простое, котораго существованіе совершенно необходимо, не можетъ не существовать [§ 55]. Но если бы оно погибло, въ такомъ случаѣ могло бы не существовать.

Г Л А В А XII.

О существѣ самостоятельномъ и принадлежностяхъ.

§ 110. Для лучшаго объясненія: что значитъ *существо самостоятельное* (substantia), нужно прежде опредѣлить: что значатъ *дѣйствіе, страданіе и сила дѣйствія*.

§ 111. *Дѣйствіе* есть перемѣна состоянія, которой довольная причина находится въ самомъ подлежащемъ перемѣняемомъ.

Для поясненія сего опредѣленія приведу примѣръ; потомъ объясню: что значитъ *состояніе* и *перемѣна*. На прим. Когда пишу, сіе значитъ, *дѣйствую:* ибо происходитъ во мнѣ, когда пишу, перемѣна. Довольная причина сей перемѣны, или какъ бы нѣкоторый источникъ, откуда сія перемѣна проистекаетъ, долженствуетъ необходимо существовать, какъ изъ начала довольной причины намъ извѣстно. Сія причина находится во мнѣ; ибо когда я пишу, отъ меня одного зависитъ сія перемѣна. Слѣдовательно когда я пишу, сіе значитъ, *дѣйствую:* ибо здѣсь a] есть перемѣна; b] причина сей перемѣны находится во мнѣ, какъ въ подлежащемъ перемѣняемомъ. *Перемѣною* называется измѣненіе вида, или принадлежностей; каковое измѣненіе называется иначе *видоизмѣненіемъ*. То существо, которое подлежитъ сему измѣненію, именуется подлежащимъ *измѣняемымъ*.

Состояніе, говоритъ Тумигій, есть совокупность перемѣняемыхъ принадлежностей (determinatio mutabilium). На прим. Просвѣщенный и добродѣтельный находится совсѣмъ въ другомъ состояніи, нежели непросвѣщенный и зараженный пороками. Просвѣщеніе и добродѣтель суть въ человѣкѣ перемѣняемыя принадлежности; ибо они могутъ быть и не быть въ немъ. Когда въ человѣкѣ находятся просвѣщеніе и добродѣтель; тогда они съ прочими существенными принадлежностями

его составляютъ извѣстную и опредѣленную совокупность; и хотя сіи принадлежности сушь случайныя, но имѣютъ бытіе опредѣленное. Ибо когда они находятся въ комъ нибудь, не льзя утверждать противнаго въ тоже самое время. Слѣдовательно просвѣщеніе и добродѣтель, находящіяся въ человѣкѣ, составляютъ его состояніе.

§ 112. Дѣйствію противополагается *страданіе*. Оно есть перемѣна, которой довольная причина находится внѣ подлежащаго перемѣняемаго.

Если кто бываетъ пораженъ мечемъ, или громовымъ ударомъ; тотъ *страдаетъ*: ибо въ немъ произошла перемѣна, которой довольная причина находится не въ человѣкѣ, но въ постороннемъ предметѣ.

113. *Сила дѣйствія* есть непрерывное стремленіе къ дѣйствію, или непрерывная наклонность существа къ произведенію перемѣнъ. Силу дѣйствія должно различать *отъ дѣйствительной возможности, или способности*, которая есть одна только возможность дѣйствовать. На прим. Мы видимъ, что повѣшенный шаръ непрерывно стремится упасть на землю и перемѣнить свое состояніе. Сіе стремленіе, по уничтоженіи препятствія къ паденію, перемѣняется въ самое дѣйствіе. Уму человѣческому мы приписываемъ способность вымышлять; ибо онъ не всегда дѣйствительно вымышляетъ, но можетъ только вымышлять при удобномъ случаѣ. По сей причинѣ мы и приписываемъ ему возможность, или способность вымышлять.

§ 114. Изъ выше сказаннаго проистекаютъ слѣдующія положенія:

I. Отъ одной возможности дѣйствія не должно заключать о самомъ дѣйствіи; равнымъ образомъ и отъ одной возможности страданія не слѣдуетъ заключать о страданіи.

Ибо отъ возможности нельзя заключать о бытіи.

II. Гдѣ есть сила, тамъ есть и дѣйствіе; если только нѣтъ никакого препятствія къ оному.

Гдѣ есть сила, тамъ есть и то, въ чемъ содержится довольная причина: для чего дѣйствіе происходитъ [§ 15. пол. I]. Гдѣ есть довольная причина какой нибудь вещи; тамъ есть и то, что имѣетъ способность произвесть оную; а посему предполагается самая вещь. Слѣдовательно гдѣ есть сила, тамъ есть и дѣйствіе. Если будетъ находиться препятствіе; то оно должно быть нѣчто такое, что содержитъ въ себѣ довольную причину: почему дѣйствіе не совершается.

115. *Самостоятельнымъ существомъ* называетъ Лейбницъ такое существо, которое одарено силою дѣйствія; или иначе, которое содержитъ въ себѣ самомъ начало своихъ перемѣнъ.

Существо самостоятельное еще можетъ быть названо подлежащимъ *пребывающимъ и видоизмѣняемымъ*, т. е. такимъ, которое способно ко многимъ случайнымъ перемѣнамъ. На прим. Душа человѣческая есть существо пребывающее; когда судимъ объ ней, какъ о такомъ подлежащемъ, которое имѣетъ многія при-

надлежности, и одарено безчисленными способностями: ибо иногда она мыслитъ, иногда судитъ, иногда желаетъ, иногда отвращается и пр. Я предложу здѣсь, изъ числа многихъ, нѣкоторыя раздѣленія существа самостоятельнаго: a] Существо самостоятельное раздѣляется на существо *первое и вторичное*. *Первое* называется иначе *отдѣльнымъ*, на прим. Петръ, Павелъ. Ко *вторичнымъ существамъ* относятся роды и виды, на прим. духъ, человѣкъ, душа. b] Существо самостоятельное бываетъ *сообщаемое и несообщаемое*. *Сообщаемымъ* называется то, которое можетъ быть прилично многимъ; а *несообщаемымъ*, которое не можетъ быть прилично многимъ. c] Еще бываетъ *полное и неполное*. *Полное* есть то, которое по своей природѣ не устроено къ составленію третьяго существа; а *неполное* есть то, которое устроено къ составленію третьяго существа, на прим. Душа человѣческая есть существо самостоятельное неполное: ибо она устроена такъ, что, соединившись съ тѣломъ, составляетъ третіе существо т. е. человѣка. Ангелъ есть существо полное. Прибавимъ еще опредѣленіе *подлежательнаго существа* (suppositum). Оно есть самостоятельное существо, отдѣльное, несообщаемое и полное. Сія *книга* есть существо подлежательное; ибо оно есть a. отдѣльное, или существо особенное, b. существо несообщаемое; c. существо полное. *Лице* (persona) древніе опредѣляли существомъ подлежательнымъ разумнымъ. Слѣдовательно душа человѣческая не можетъ назваться лицемъ:

ибо душа, соединяясь съ тѣломъ, составляетъ третіе самостоятельное существо. Итакъ она не есть существо полное и подлежательное.

§ 116. Всѣ свойства, находящіяся въ существѣ самостоятельномъ, какъ существенныя, такъ и случайныя, называются *принадлежностями*.

Слово *принадлежность* принимается здѣсь въ пространномъ смыслѣ за все то, что говорится о существѣ самостоятельномъ. Древніе называли принадлежность сего рода *сказуемымъ*.

Г Л А В А XIII.

О существѣ конечномъ и безконечномъ.

§ 117. Теперь слѣдуетъ намъ разсмотрѣть различіе между существомъ конечнымъ и безконечнымъ.

§ 118. *Предѣлъ* есть недостатокъ дальнѣйшаго протяженія вещества.

Для удобнѣйшаго понятія сего опредѣленія, представь себѣ предѣлы какого нибудь тѣла, на примѣръ, *стола*. Если вообразишь въ умѣ части онаго; то примѣтишь, что предѣлы тамъ начинаются, гдѣ продолженіе частей вещественныхъ прекращается. Почему справедливо называются предѣлы недостаткомъ дальнѣйшаго продолженія вещества.

119. *Наружный видъ* (figura) происходитъ отъ того, если усматриваемъ предѣлы въ существахъ сложныхъ. Предѣлы простыхъ существъ называются *сте-*

пенями (gradus), на прим. Умъ человѣческій ограниченъ такъ, что онъ не можетъ знать всего съ подробностію.

§ 109. Отсюда происшекаютъ слѣдующія теоремы:

I. Существо конечное, ограниченное предѣлами, не все то имѣетъ, что имѣть можетъ.

Ибо всякое ограниченное существо имѣетъ недостатокъ въ нѣкоторыхъ вещественныхъ принадлежностяхъ [§ 118]: слѣдовательно не все то имѣетъ, что имѣть можетъ.

II. Можно всегда представить въ умѣ какое нибудь существо большее того, которое ограничено предѣлами.

III. Существо ограниченное предѣлами можетъ перемѣнять состояніе свое по времени.

Существо, ограниченное предѣлами, не все то имѣетъ, что можетъ имѣть; и потому можно прибавлять къ нему многое одно послѣ другаго.

§ 121. Существо, имѣющее границы, называется *ограниченнымъ*, или *конечнымъ*; а то, которое не имѣетъ оныхъ, называется *неограниченнымъ*, *безпредѣльнымъ*, *безконечнымъ* и т. п.

Отсюда происшекаютъ слѣдующія положенія:

I. Существо ограниченное не все то имѣетъ на самомъ дѣлѣ, что оно можетъ имѣть.

На прим. Умъ человѣческій есть существо ограниченное; и по сей причинѣ не все то имѣетъ на самомъ дѣлѣ, что можетъ имѣть: сего дня познаетъ то, чего вчера вовсе не зналъ; иное узнаетъ завтра

подробнѣе, чего теперь не постигаешъ ясно. Теренцій говоритъ: *Никто еще не рождался на свѣтъ съ такимъ совершеннымъ умомъ, котораго бы не научили опытъ, время, употребленіе чему нибудь новому. Часто почитаемъ себя свѣдущими въ томъ, чего вовсе не знаемъ, и по разсмотрѣніи отвергаемъ то, что прежде почитали важнымъ.* — Ком. Адел. дѣйст. V. явл. 4.

II. Можно представить въ умѣ что нибудь большее существа ограниченнаго [§ 120].

III Существо безпредѣльное должно имѣть на самомъ дѣлѣ всѣ свойства возможныя.

Оно не имѣетъ предѣловъ; и потому не должно имѣть никакого недостатка въ существенности [§ 118].

IV. Принадлежности существа безпредѣльнаго не имѣютъ степеней.

Ибо степени суть тоже самое, что и предѣлы [§ 119], которыхъ существо безпредѣльное не имѣетъ.

V. Существо безпредѣльное не имѣетъ никакого послѣдствія во времени.

Ибо оно имѣетъ всѣ свойства на самомъ дѣлѣ, которыя не могутъ прибавляться постепенно одно послѣ другаго.

VI. Существо безпредѣльное не подлежитъ никакой перемѣнѣ.

Ибо оно имѣетъ все на самомъ дѣлѣ, и ничего не льзя ни прибавить, ни убавить въ немъ.

VII. Двухъ существъ безпредѣльныхъ нѣтъ и быть не можетъ [Смот. § 12. пол. 4].

ГЛАВА XIV.

О началахъ и причинахъ.

§ 123. Выше сего я объяснилъ различіе существъ; теперь слѣдуетъ показать: какимъ образомъ одно существо относится къ другому и какую связь имѣетъ.

Здѣсь мы увидимъ, что иное существо называется *причиною*, иное *дѣйствіемъ*, иное *началомъ*, а иное *слѣдствіемъ*.

§ 124. *Началомъ* называется все то, отъ чего вещь какимъ нибудь образомъ зависитъ; или что содержитъ въ себѣ довольную причину другаго. Существо В зависитъ отъ существа А; когда существо А содержитъ въ себѣ довольную причину, для чего существо В находится. То, что зависитъ отъ другаго, называется *слѣдствіемъ*, на прим. Свѣтъ солнца есть начало дня; ибо день зависитъ отъ солнечнаго свѣта. День же, относительно къ солнечному свѣту, называется слѣдствіемъ.

Схоластики раздѣляли *начало* различнымъ образомъ: а] иное называли *началомъ бытія*, въ которомъ содержится причина, для чего бываетъ другое, на прим. Богъ въ отношеніи къ міру; b] другое именовали *началомъ произведенія;* когда одно изъ другаго производится, или со-

ставляется; c] *иное нарицали началомъ познанія*, когда одна истина основывается на другой, на прим. Сіе предложеніе: *душа есть существо простое*, въ отношеніи къ слѣдующему: *душа безсмертна*, есть начало познанія. d] Еще раздѣляется начало на *винословное* и *невинословное*. *Винословное* начало есть то, которое производитъ вещь въ самомъ дѣлѣ, на прим. Богъ въ разсужденіи міра есть начало винословное. *Начало невинословное* есть то, которое предшествуетъ произведенію вещи, но ее не производитъ, на прим. Заря въ разсужденіи дня. e] *Начало познанія* раздѣляется *на полное и неполное*. *Полнымъ* называется цѣлое предложеніе, отъ котораго прочія зависятъ, на прим. Что говоритъ Священное Писаніе, то справедливо. *Неполное начало* есть термінъ какой нибудь, который полагается въ заключеніи, извлекаемомъ изъ высшихъ посылокъ, вмѣсто средняго термина.

Связь есть взаимное отношеніе вещей между собою, по силѣ котораго одна вещь содержитъ въ себѣ причину другой; а *связію соединенныя вещи* называются тѣ, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ причину: для чего другая существуетъ.

На прим. Связь находится между отцемъ и сыномъ, между войною и бѣдствіями, между невоздержаніемъ и болѣзнями разнаго рода, происходящими отъ онаго. Ибо причина, почему сынъ существуетъ, находится въ отцѣ; также почему граждане иногда

претерпѣваютъ великія бѣдствія, причина заключается въ войнѣ.

§ 126. Изъ предидущаго весьма легко можно понять, что значитъ *причина*. *Причиною* называется то начало, отъ котораго зависитъ бытіе другой вещи, или которое содержитъ въ себѣ причину существованія оной. То, что отъ причины зависитъ, называется *произведеніемъ* (causatum sive effectus).

Понятіе *начала* обширнѣе простирается, нежели понятіе *причины*. Всякая причина есть начало, но не всякое начало можетъ назваться причиною.

Древніе раздѣляли всѣ причины на *внутреннія и внѣшнія*. Къ *внѣшнимъ* принадлежатъ: a] *дѣйствующая причина*, которая даетъ бытіе вещи; b] *причина конечная*, для чего вещь получаетъ бытіе. Къ *внутреннимъ* относятся: a] *причина вещественная*, изъ которой вещь состоитъ; b] *причина формальная* (formalis), по которой вещь бываетъ. Я объясню каждую порознь.

§ 127. *Дѣйствующая причина* есть то, что въ дѣйствіи своемъ содержитъ довольную причину: для чего другое существуетъ; или что силою своею производитъ другую вещь, на прим. Богъ произвелъ сей міръ; и потому есть *дѣйствующая причина* сего міра. Роскошь бываетъ причиною безчисленныхъ золъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вычисляетъ Цицеронъ въ гл. 14. о *Старости*.

Философы раздѣляютъ дѣйствующую причину различнымъ образомъ: 1] Дѣйствующая причина бываетъ

или свободная, или необходимая и естественная. Свободная причина такъ дѣйствуетъ, что можетъ и оставить свое дѣйствіе, на прим. Катонъ былъ свободная причина своей смерти; ибо онъ могъ и не умертвить себя. *Необходимая* есть та, которая не можетъ не дѣйствовать, будучи побуждаема своею природою къ дѣйствію: такимъ образомъ огонь сожигаетъ дерева; ядъ, разлившійся по жиламъ, разрушаетъ тѣло. 2] Дѣйствующая причина бываетъ или *односущная* (univoca), или *разносущная* (aequivoca). *Односущная* производитъ дѣйствіе одинакого съ собою естества и вида; *разносущная* производитъ дѣйствіе различнаго естества и вида, на прим. Отецъ есть причина односущная сыну; ибо сынъ одинакого съ отцомъ естества. Богъ есть разносущная причина сего міра; ибо произвелъ сей міръ различнаго естества и вида съ собою. 3] Причина дѣйствующая бываетъ или *главная*, которая производитъ дѣйствіе собственною силою; или *инструментальная*, которая производитъ дѣйствіе посторонею силою, на прим. Богъ есть главная дѣйствующая причина Священнаго Писанія; а Пророки и Апостолы суть причины инструментальныя. 4] Дѣйствующая причина бываетъ *физическая* и *нравственная*. *Физическая* есть та, которая непосредственно производитъ дѣйствіе собственною и вещественною своею силою. *Нравственная* называется та, которая съ посредствомъ и съ помощію другаго какого нибудь существа производитъ дѣйствіе. Когда Александръ Великій

пронзилъ мечемъ грудь Клита; тогда онъ былъ физическою причиною сего убійства. [Смот. Кур. кн. VIII. гл. 1]. Александръ также былъ физическою причиною того пожара, который истребилъ Персеполь; ибо, по свидѣтельству Курція, онъ первый бросилъ огонь на царскіе чертоги: къ чему въ піянствѣ склонила его совѣтами Таиса. Итакъ сія послѣдняя была нравственною причиною того ужаснаго пожара, отъ котораго погибла столица всего Востока. [Смот. кн. V. гл. 7]. Нравственная причина содѣйствуетъ къ произведенію вещи слѣдующими способами: Если кто 1] *приказываетъ*, 2] *совѣтуетъ*, 3] *одобряетъ*, 4] *хвалитъ*, 5] *соглашается*, 6] *дѣлаетъ вызывъ*, 7] *не препятствуетъ*, когда можетъ воспрепятствовать. Впрочемъ должно замѣтить, что дѣйствіе равно вмѣняется и нравственной причинѣ и физической. Итакъ справедливо говоритъ Цицеронъ, что тотъ умышленно вводитъ другаго въ погрѣшность, кто не препятствуетъ ему подвергаться различнымъ заблужденіямъ. На прим. *Пусть кто нибудь продаетъ домъ по причинѣ нѣкоторыхъ невыгодъ, кои никому неизвѣстны кромѣ одного хозяина; пусть комнаты будутъ вредны для здоровья; во многихъ мѣстахъ находятся гады; стѣны сыры и гнилы: но все сіе неизвѣстно никому, кромѣ одного хозяина. Итакъ спрашиваю: правильно ли поступилъ бы продавецъ, если бы купцу не объявилъ о сихъ невыгодахъ, а продалъ домъ дороже, нежели чего онъ стоитъ? Безъ сомнѣнія неправильно и безчестно.* О

дол. кн. III. гл. 12]. 5] Причина дѣйствующая раздѣляется на *причину дѣйствующую по своей сущности и на причину дѣйствующую по случаю.* На прим. Философія есть по своей сущности дѣйствующая причина умозаключенія здраваго и основаннаго на правилахъ Логики: но она бываетъ по случаю причиною мнѣній странныхъ и вредныхъ. 6] Еще бываетъ дѣйствующая причина *близкая и дальняя. Близкая* есть ша, которая производитъ дѣйствіе безъ посредства другихъ причинъ; а *дальняя* есть ша, которая производитъ дѣйствіе чрезъ посредство другихъ причинъ. Роскошь, гордость и безчеловѣчная строгость Тарквинія, Царя Римскаго, были дальнею причиною свободы Римскаго народа, а Брутъ былъ близкою причиною оной. Лив. кн. II. гл. 1. 7] Еще нѣкоторые раздѣляютъ причину на *достаточную* и *недостаточную. Но если судить строго, то недостаточная причина* не можетъ назваться истинною причиною. Сюда древніе относили *условіе* (causa, sine qua non), безъ котораго причина не можетъ произвесть дѣйствія. На прим. Если бы мы пожелали преклонить кого нибудь отъ пороковъ къ добродѣтели, отъ сластолюбія къ воздержанію; то нужно было бы прежде искоренить въ предразсудки, которыми мысли его заняты и развращены. Сіе искорененіе предразсудковъ не есть причина исправленія воли, но только одно условіе, безъ котораго не можетъ произойти желаемое дѣйствіе.

§ 128. Къ симъ раздѣленіямъ дѣйствующей причины можно присоединить слѣдующія положенія:

I. Ничто не бываетъ само по себѣ причиною бытія своего, или ничто не можетъ произвесть само себя.

Представь, что какая нибудь вещь сама себя производитъ; тогда она и существуетъ и не существуетъ вмѣстѣ. Существуетъ потому, что иначе она не могла бы производить себя; не существуетъ потому, что еще надлежитъ ей произвесть самую себя. Слѣдовательно никакъ не возможно, чтобы какая нибудь вещь произвела самую себя.

II. Какова односущная причина, таково и дѣйствіе оной.

Ибо причина односущная и дѣйствіе оной бываютъ одинаковаго естества и сущности.

III. Причина причины бываетъ причиною и дѣйствія оной.

Дѣти Брута, по свидѣтельству Ливія, были причиною умысла о возстановленіи Царей; а потому вмѣстѣ были причиною и той безчестной казни, которой они чрезъ то подверглись. Лив. кн. II. гл. 4.

IV. Причина одна и таже не можетъ произвесть противныхъ дѣйствій.

Одна и таже причина A не можетъ произвесть противныхъ дѣйствій B и C; ибо она, производя B, не можетъ содержать въ себѣ довольной причины, дабы произвесть C.

V. Въ дѣйствіи не можетъ быть болѣе, нежели сколько было въ причинѣ. Или: полное дѣйствіе равняется полной причинѣ, или совокупнымъ ея силамъ.

Доказательство сего предложенія очевидно. Если бы въ дѣйствіи болѣе содержалось, нежели сколько было въ причинѣ: то сіе *большее* не зависѣло бы отъ причины; что противно началу довольной причины. Можно ли думать, на примѣръ, чтобы два, или три зерна пороха могли потрясти великолѣпное зданіе въ его основаніяхъ? Но по видимому, опытъ противорѣчитъ сему моему положенію. Ибо всѣмъ извѣстно, что самыя маловажныя обиды часто возбуждали величайшія ссоры, а величайшія оскорбленія производили слабый гнѣвъ, какъ о семъ говоритъ Теренцій: *Самыя величайшія обиды возбуждаютъ иногда не очень сильный гнѣвъ; между тѣмъ какъ нѣкоторые за самыя маловажныя оскорбленія дѣлаются непримиримыми врагами. Дѣти за самыя бездѣлки ссорятся между собою.* Ком. Геципр. дѣйст. III. явл. I.

Здѣсь всякъ видитъ, сколь мало сходствуютъ причины и дѣйствія. Но что на сіе отвѣчать должно, ниже объясню, говоря о дѣйствіяхъ. Смотри разсужденіе Ернеста о исправленіи воли чрезъ опущеніе причины (per saltum) § 12. изд. Лейпц. 1730 года.

§ 129. До сихъ поръ я говорилъ о дѣйствующей причинѣ. Къ внѣшнимъ причинамъ относится еще *конечная причина.*

Концемъ, или цѣлію называется то, для чего дѣйствующая причина дѣйствуетъ; или есть то, къ чему желаетъ дѣйствующая причина достигнуть своимъ дѣйствіемъ.

*

Регулъ возвращался въ Карѳагенъ для того, дабы сохранить клятву: вотъ цѣль возвращенія! Смотр. Цицер. О долж. кн. III. гл. 28. Теренцій, сочиняя Комедіи, предполагалъ себѣ ту цѣль, дабы доставить удовольствіе народу.

Цѣль раздѣляется а] на *главную*, для которой одной существо разумное дѣйствуетъ, и на *цѣль не самую главную*, или *вторичную* (secundarium), для которой кто нибудь такъ дѣйствуетъ, что если бы не предполагалъ себѣ другой цѣли, то не дѣйствовалъ бы. Главная цѣль стихотворцевъ въ сочиненіяхъ должна быть польза, а вторичная— удовольствіе. Смотр. Гор. о Наук. Стихотв. ст. 333. Цицеронъ говоритъ о главной и вторичной цѣли богатства слѣдующее: *Богатство собираютъ люди какъ для необходимыхъ потребностей жизни, такъ и для удовольствій.* Кн. I. о дол. гл. 8]. Цѣль еще бываетъ или *близкая*, которая непосредственно достигается; или *дальняя*, которая достигается посредствомъ другихъ цѣлей. На прим. Мы покупаемъ себѣ книгу съ тѣмъ, дабы почерпнуть изъ оной свѣденія: вотъ цѣль близкая! Но свѣденія почерпнуть изъ книги для того желаемъ, дабы достигнуть когда нибудь щастія и насладиться въ покоѣ славою: вотъ дальняя цѣль покупаемой книги!

§ 130. *Средствомъ* называется то, что содержитъ въ себѣ причину: почему цѣль получаетъ бытіе. *Препятствіе* противополагается средству, и

есть то, что содержишь въ себѣ довольную причину: почему не достигаешь чтонибудь своей цѣли.

Добродѣтель есть средство къ чести; ибо добродѣтель содержишь довольную причину, почему предполагаемая цѣль т. е. честь достигается. Въ лѣности содержится довольная причина, почему образованіе, такъ какъ цѣль, не достигается; и потому лѣность есть препятствіе къ образованію. Отъ чего нельзя узнать дорованія, желаній и склонностей въ молодыхъ людяхъ? Причиною сего бываетъ нерѣдко то, что они боятся надзирателей и наказанія, какъ говоритъ о семъ Теренцій: *Какъ можно узнать склонности молодаго человѣка, когда препятствуютъ тому возрастъ, страхъ к учителю?* Андр. Дѣйст. I. сц. 25.

§ 131. Изъ выше сказаннаго происходятъ слѣдующія положенія:

I. Никакой цѣли достигнуть не можно безъ средства.

Ибо ничто не бываетъ безъ довольной причины [§ 15]; а въ средствахъ заключается довольная причина: почему вещь достигаетъ цѣли [§ 30].

Такъ справедливо Сиръ въ Комедіи Теренція смѣется надъ Клишифономъ, который желалъ безъ средствъ достигнуть цѣли:

Ты хочешь любить, говоритъ онъ; *хочешь достигнуть желаемаго, хочешь подарить ей чтонибудь; но не хочешь участвовать въ опасности, которая сопряжена съ успѣхомъ: ты неглупъ, если только не значитъ глупости, когда желаемъ, чего нельзя полу-*

чить, т. е. желаемъ достигнуть цѣли безъ средствъ. Смот. Ком. Геавт. дѣйст. II. явл. 3. сш. 80.

II. Кто желаетъ достигнуть цѣли, тотъ долженъ избрать къ тому средства, безъ которыхъ никогда нельзя достигнуть оной.

III. Одна вещь можетъ имѣть многія и различныя цѣли.

Тоже самое говоритъ Плиній: *Я имѣю двѣ цѣли, при чтеніи: одну, дабы ободрить себя поощреніемъ; другую, дабы слушатели показали мнѣ погрѣшность, если въ чемъ нибудь ошибусь.* Кн. V. пис. 13.

§ 132. *Вещество*, или причина вещественная есть то, изъ чего состоитъ существо сложное. На прим. жилы, нервы, кости составляютъ тѣло человѣческое.

Философы дѣлаютъ различіе между *веществомъ, изъ котораго, веществомъ, въ которомъ, и веществомъ около котораго.* Сіе послѣднее называется предметомъ. На прим. Истина, такъ какъ вещество, есть предметъ мудрости, которымъ она занимается. Цицер. кн. I. гл. 5. О дол.

§ 133. *Образъ* (forma) составляютъ всѣ примѣты и существенныя свойства, кои одну вещь отъ другой отличаютъ. На прим. Образъ добродѣтели составляютъ сіи примѣты: что она есть навыкъ располагать дѣйствія сообразно божескому закону.

§ 134. Изъ сего опредѣленія можно понять, что значитъ слѣдующее положеніе: Образъ даетъ бытіе, отличіе и дѣйствіе предмету.

ГЛАВА XV.

О знакахъ и значимомъ.

§ 135. *Знакъ* есть такой предметъ, который возбуждаетъ понятіе о другомъ; или, по опредѣленію Волфія, *знакъ* есть то, изъ чего познается или присутствіе, или наступленіе, или прошедшее бытіе другой вещи.

На прим. Слезы суть знакъ печали; ибо изъ нихъ познается печаль. Тарквиній знáкомъ отвѣтствовалъ посланному отъ сына, который, имѣя въ Габіи неограниченную власть, спрашивалъ у отца, что прикажетъ ему дѣлать. Отецъ, не давая словеснаго отвѣта посланному, ходилъ по саду и въ молчаніи сбивалъ головки маковыя. Посланный, возвратившись въ Габіи, разсказалъ о семъ сыну Тарквинія, который тотчасъ понялъ, что сіе значило. Понятіе о сбиваніи головокъ маковыхъ возбудило въ сынѣ понятіе о умерщвленіи первыхъ гражданъ, которое онъ долженствовалъ произвесть. Итакъ сбиваніе маковыхъ головокъ было знакомъ убійства, которое сынъ долженъ былъ произвесть. Лив. кн. I. гл. 54.

§ 136. *Значимымъ* называется то, о чемъ возбуждается, или получается понятіе посредствомъ другаго. На прим. печаль изъ слезъ, радость изъ смѣха, какъ значимое познается.

§ 137. Если предметъ означаемый есть настоящій, то знакъ именуется *показательнымъ;* если предметъ означается будущій, то знакъ называется

предвѣщательнымъ; если же означаемый предметъ прошелъ, то знакъ называется *напоминательнымъ.*

§ 138. *Необходимый знакъ* есть тотъ, между которымъ и значимою вещію находится связь необходимая; а *знакъ произвольный* есть тотъ, который не соединенъ съ означаемою вещію союзомъ необходимымъ, но зависитъ отъ воли человѣческой. На прим. дымъ есть необходимый знакъ огня. Одежда раздранная и измаранная, отращенные волосы на головѣ и бородѣ были у Римлянъ произвольнымъ знакомъ полученнаго безчестія. О семъ пишетъ Ливій въ кн. XXVII. гл. 34. гдѣ упоминаетъ о возвращеніи въ городъ изъ ссылки Марія Ливія, который имѣлъ одежду раздранную, волосы и бороду отращенные, какъ знаки причиненнаго ему безчестія.

МЕТАФИЗИКИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Общая Космологія.

ГЛАВА I.

О Космологіи вообще.

§ 159. *Общая Космологія* [Міросповіе] есшь наука о мірѣ вообще.

Волфій первый привелъ въ систему науку о мірѣ, и подробно объяснилъ главныя поняшія, относящіяся къ познанію міра. Въ сей превосходной Наукѣ о видимомъ мірѣ онъ не объясняешъ шѣлъ и свойствъ ихъ; но занимается только изъясненіемъ шѣхъ поняшій, которыя, будучи отвлечены отъ сего существующаго міра, приличествуютъ міру вообще понимаемому; занимается шѣми предложеніями, которыя называются общими и бываютъ весьма полезны въ Физикѣ. Посему-шо Космологія называется *общею*, или *трансцендентальною*. Она, подробно объясняя общія поняшія, относится къ Мешафизикѣ.

ГЛАВА III.

Понятіе о мірѣ.

§ 140. Кто хочетъ имѣть подробное понятіе о мірѣ вообще; тотъ долженъ обратить вниманіе на предметы, въ немъ находящіеся.

I. Когда взираемъ на небо и землю; когда устремляемъ взоры на предметы, насъ окружающіе: тогда встрѣчаются глазамъ нашимъ многія тѣла, существующія въ одно время, напр. солнце, звѣзды, дерева, рѣки, и пр. Сіи вещи, существующія въ одно время, называются *современными* [§ 86]. Слѣдовательно въ семъ мірѣ находятся *современныя вещи.*

II. Мы видимъ изъ опыта, что вещи, находящіяся въ мірѣ семъ, однѣ раждаются, другія исчезаютъ: за днемъ ночь, а за ночью день слѣдуетъ; солнце, луна, звѣзды никогда не остаются въ одномъ положеніи. Итакъ явствуетъ, что въ семъ мірѣ находятся *послѣдственныя вещи.*

III. Всѣ вещи, находящіяся въ семъ мірѣ, какъ современныя, такъ и послѣдственныя, суть такого свойства, что могутъ измѣняться и существовать иначе. Что препятствуетъ животнымъ, или растѣніямъ возрастать, увеличиваться и умножаться? Что препятствуетъ животному сего дня жить, завтра умереть? Солнце, которое теперь

сіяетъ, скоро можетъ быть помрачено облаками. Итакъ куда ни обратимъ свои взоры, ясно видимъ, что *всѣ вещи въ свѣтѣ семъ перемѣнчивы.*

IV. Мы видимъ, что между вещами, содержащимися въ пространствѣ сего міра, царствуетъ такой порядокъ и взаимное отношеніе, что или одна вещь другую производитъ, или одна для другой существуетъ. Кто не знаетъ, что дождь плодотворитъ землю? Кто не видитъ, что солнце для того существуетъ, дабы сообщать землѣ свѣтъ и теплоту? — Итакъ явствуетъ, что *вещи имѣютъ союзъ въ семъ мірѣ* [§ 135.] *и все въ ономъ находится въ связи.*

§ 141. Изъ выше сказаннаго можно теперь составить общее понятіе о мірѣ, который я опредѣляю *цѣпью* (series) существъ *современныхъ, послѣдственныхъ, перемѣнчивыхъ и соединенныхъ союзомъ между собою.* Крапче можно опредѣлить: *Міръ* есть собраніе всѣхъ вещей сотворенныхъ.

Я объяснилъ въ Онтологіи [§ 82. 92]: что значатъ вещи *современныя и послѣдственныя*; теперь слѣдуетъ показать, что суть вещи *соединенныя* союзомъ.

§ 142. Тѣ вещи, изъ которыхъ одна содержитъ въ себѣ довольную причину: для чего другая слѣдуетъ за оною, называются *соединенными* союзомъ *времени*, или иначе союзомъ *дѣйствующихъ причинъ.*

Пороки, развращенные нравы Римлянъ, паденіе Республики и свободы Римской, были предметы соединенные союзомъ времени, или дѣйствующихъ причинъ. Справедливо говоритъ Саллюстій: *Когда корыстолюбіе истребило довѣренность, честность и прочія добродѣтели, и пріучило гражданъ къ гордости, жестокосердію, презрѣнію святыни и вѣроломству: тогда законы измѣнились, верховная власть, справедливая и кроткая, сдѣлалась жестокою и несносною.* Войн. Каш. гл. 10.

Ужасное злодѣяніе Нерона, убившаго мать свою, и угрызенія совѣсти были соединены союзомъ времени. Ибо Неронъ послѣ сего убійства не могъ переносить угрызеній совѣсти и часто сознавался, что образъ матери мучитъ его, что адскія Фуріи терзаютъ его огненными бичами. Смотр. Свет. жизнь Нер. гл. 34.

§ 145. Вещи, существующія въ одно время такимъ образомъ, что одна другой доставляютъ пользу, называются *соединенными союзомъ конечныхъ причинъ*, или иначе называются еще *соединенными отношеніемъ пространства.*

Солнце, по назначенію Творца, существуетъ въ одно время съ землею и прочими планетами для того, дабы оно сообщало имъ свѣтъ и теплоту. Итакъ солнце и планеты соединены союзомъ конечныхъ причинъ. Здѣсь можно привесть слова Цицерона, который, описывая вещи, созданныя на пользу рода человѣческаго, говоритъ: *Плоды и прочія произведенія земли, перемѣны временъ, измѣненіе воздуха, отъ*

котораго всѣ произведенія земныя произрастая созрѣваютъ, опредѣлены на пользу рода человѣческаго безсмертными Богами. Видя таковую небесную благость, можемъ почти сказать, что самые Боги существуютъ для человѣка. О свойст. Боговъ Кн. I гл. 2.

§ 144. Почему справедливо нѣкоторые опредѣляютъ *союзъ* зависимостію отъ причинъ дѣйствующихъ и конечныхъ. Слѣдовательно кто допускаетъ въ мірѣ семъ причину дѣйствующую и конечную всѣхъ вещей, тотъ не можетъ отвергать союза, находящагося между оными.

Удивительная, говоритъ Цицеронъ, *царствуетъ въ мірѣ семъ связь между существами, изъ которыхъ одни отъ другихъ зависятъ, а всѣ вмѣстѣ тѣсно соединены между собою.* О свойст. Боговъ кн. I. гл. 4.

§ 145. Изъ сихъ предложеній, правильно доказанныхъ, можно заключить, что если существа современныя, послѣдственныя и соединенныя союзомъ будутъ такія, а не другія; то и міръ сей будетъ именно такой, а не другой. Слѣдовательно если принять другой союзъ, то и міръ другой произойти долженъ.

§ 146. Отсюда происходятъ положенія:

I. Въ природѣ ничего не бываетъ *чрезъ опущеніе причины* (per saltum, скачокъ).

Опущеніемъ причины въ природѣ называется то, когда какому нибудь дѣйствію не приписываются причины, которыя должны произвесть оное. Если при-

нять опущеніе причины; то произойдетъ что нибудь безъ причины: что противно § 128.

Опущеніе причины нѣкоторые раздѣляютъ на *совершенное* и *относительное* (abſolutum et reſpectivum). *Совершеннымъ* называется, когда событіе принимается безъ всякой причины: что вовсе не возможно. *Относительнымъ* опущеніемъ причины называется то; когда произведена вещь гораздо въ кратчайшее время, нежели сколько онаго требовалось. Примѣромъ относительнаго опущенія можетъ служить весьма быстрая и извѣстная побѣда Цезаря, который въ пятый день, по прибытіи своемъ, совершенно побѣдилъ Фарнака въ сраженіи, продолжавшемся четыре часа. Во время торжества при великолѣпномъ въѣздѣ въ Римъ была несена надпись, означавшая быстроту побѣды: *пришелъ, узрѣлъ, побѣдилъ*. Смотр. Свет. Въ Истор. Юл. Цез. гл. 37.

II. Союзъ вещей доказываетъ, что ничто не можетъ произойти по случаю.

Если бы что нибудь могло произойти по случаю: то произошло бы безъ всякой причины; но союзъ вещей предполагаетъ всему свои причины [§ 144]. Если назовемъ то происшедшимъ по случаю, чего довольная причина сокрыта отъ насъ; или то, что случается сверхъ нашего чаянія; то я не стану спорить, что въ семъ смыслѣ многія происшествія бываютъ по случаю. Теренцій говоритъ: *Какъ часто случай дѣлаетъ то, чего и пожелать не смѣешь!* См. Ком. Фор. дѣйст. V. явл. 1.

Плавтъ говоритъ также: *Чаще случается то, чего не ожидаешь, нежели чего надѣешся.*

III. Принявъ союзъ вещей, мы должны согласиться, что всѣ происшествія, въ семъ свѣтѣ случающіяся, имѣютъ свою *опредѣленную истину.*

Опредѣленнымъ называется то, о чемъ говорится что либо такъ, что противное тому вмѣстѣ исключается, § 44. Но всякое происшествіе въ мірѣ семъ бываетъ такого свойства, что противное оному происшествіе произойти въ тоже время не можетъ: напр. когда дождь идетъ, то не можетъ быть, чтобы въ тоже самое время онаго не было. Слѣдовательно всякое происшествіе въ мірѣ семъ есть опредѣленное, или имѣетъ свою опредѣленную истину.

Многіе, опровергающіе Волфіеву Философію, не понимая сего предложенія и приписывая оному противный смыслъ, утверждаютъ, что сіе мнѣніе заключаетъ въ себѣ какую-то нелѣпость. Но если сіе предложеніе выразить другими словами; то весь споръ, происходящій отъ словъ, рушится. Скажемъ, на примѣръ: *все, что въ свѣтѣ семъ имѣетъ дѣйствующія и конечныя причины, должно непремѣнно произойти.* Скажемъ: *Саксонія въ теченіи сего года или пострадаетъ отъ бѣдствій и смятенія войны, или насладится вожделѣннымъ и радостнымъ миромъ.* Одно какое нибудь изъ сихъ происшествій должно сбыться. И если сбудется, то непремѣнно сбудется.

Но пусть наше предложеніе не будетъ справедливо; пусть происшествія будущія не сбудутся на самомъ

дѣлѣ: тогда я не знаю, какимъ образомъ можно утвердить предвѣденіе Божіе? Ибо происшествія будущія Богъ или предвидитъ, или не предвидитъ. Если предвидитъ; то предвидитъ оныя такъ, какъ будтобы они уже на самомъ дѣлѣ были: слѣдовательно они непремѣнно послѣдуютъ. Если же Богъ не предвидитъ оныхъ; то Богъ не будетъ всевѣдущъ: чего утверждать нельзя безъ крайняго нечестія.

IV. Если мы принимаемъ союзъ вещей въ семъ мірѣ; то ученіе о *судьбѣ* (de fato) опровергается само собою; оно теряетъ всю силу, если справедливо то, что выше сказано о союзѣ вещей.

Судьба, если вникнемъ въ происхожденіе сего слова, значитъ все то, что судилъ, или опредѣлилъ Богъ людямъ. *Судьба есть не что иное*, говоритъ Минуцій Феликсъ, *какъ то, что судилъ всякому изъ насъ Всевышній.* Но если вникнемъ въ ежедневные разговоры, замѣтимъ, что люди называютъ *судьбою* какую-то необходимость вещей въ семъ свѣтѣ. Нѣкоторые понимаютъ инымъ образомъ ту необходимость, которая царствуетъ, по мнѣнію ихъ, въ семъ мірѣ. Изъ сего произошли разные роды *судьбы*.

§ 147. Нѣкоторые думаютъ, что вещи и происшествія, предопредѣленныя законами *судьбы*, необходимо должны послѣдовать, будутъ ли, или не будутъ предшествовать причины, нужныя къ произведенію оныхъ. Такая необходимость называется *Магометанскою судьбою*.

Магомешане съ неустрашимостію подвергаютъ жизнь свою самымъ очевиднымъ опасностямъ, безъ опасенія входятъ въ заразительныя мѣста, думая, что если смерть предназначена имъ судьбою, то будутъ ли, или не будутъ они входить въ сіи заразительныя мѣста, непремѣнно должны умереть по назначенію судьбы, въ опредѣленную минуту.

§ 148. Есть еще судьба *Стоическая*. Хотя Стоики не почитали возможнымъ совершеніе дѣйствій безъ причинъ, достиженіе цѣли безъ средствъ: однако они утверждали, что порядокъ и связь причинъ и дѣйствій бываютъ неизмѣнны и предопредѣлены предвѣчнымъ закономъ судьбы Божіей такъ, что ни желанія, ни намѣренія дѣйствующихъ лицъ не могутъ перемѣнить оныхъ и человѣческая свобода не имѣетъ никакой силы, по причинѣ необходимой и непреложной связи дѣйствій и причинъ, соединенныхъ между собою.

Судьба, говоритъ Геллій, *есть предвѣчная и непреложная связь вещей, цѣпь сама собою продолжающаяся, составленная изъ вѣчныхъ звенъ порядка послѣдствія*. Ночей Аттич. кн. VI. гл. 2.

Здѣсь можно привесть слѣдующія слова Сенеки изъ Траг. Эдип.

Судьбѣ подвластны мы; предайтесь въ волю ей;
Неутомимыя усилія людей
Не могутъ измѣнить ея законовъ строгихъ.
Всѣ наши радости, всѣ скорби, всѣ дѣла
Предопредѣлены всевышнею Судьбою.

Всѣмъ жребій свой прядетъ неумолима Парка.
Когда она своей жестокою рукой
Нить жизни пресѣчетъ, изчезнетъ все отъ насъ.
Ночь слѣдуетъ за днемъ, за ночью день течетъ:
Сего порядка Богъ невластенъ измѣнить.
Причина съ дѣйствіемъ въ союзѣ нераэлучны.
Всему своя чреда; что суждено кому
Усерднѣйшей молбой того не отвратитъ.
Опредѣленія судьбы неумолимой
Свершаются на насъ, когда страшимся ихъ;
Когда бѣжимъ отъ нихъ, они насъ постигаютъ.

§ 149. Нѣкогда Халден, а потомъ многіе другіе, предавшіеся вредному заблужденію, принимали какую-то необходимость въ приключеніяхъ и дѣйствіяхъ человѣческихъ, происходящую отъ непремѣняемой силы и вліянія планетъ. Сія необходимость называется судьбою *Астрологическою.*

Въ опроверженіе сего рода судьбы много говоритъ Фаворинъ Философъ, приводимый Гелліемъ. Онъ, приводитъ многія остроумныя доказательства противъ тѣхъ, кои почитаютъ дѣйствія свои невольно управляемыми отъ планетъ, и въ концѣ разсужденія присовокупляетъ слѣдующую мысль, которую почитаю полезнымъ предложить здѣсь въ опроверженіе мнѣнія тѣхъ, которые приписываютъ планетамъ какую-то силу въ образованіи и исправленіи человѣческихъ нравовъ. *Планеты*, говоритъ онъ, *предвѣщаютъ намъ или счастіе или несчастіе. Если предвѣщаютъ счастіе, и обманутъ; то обманувшись*

въ надеждѣ, мы будемъ почитать себя несчастными. Если же предвѣщаютъ несчастіе, и обманутъ; мы не менѣе будемъ несчастными, безпокоясь спустымъ страхомъ. Если же предвѣщаютъ они справедливое, и сіе предвѣщаніе грозитъ несчастіемъ; то, терзаясь мыслями, мы будемъ несчастными прежде еще, нежели судьба предопредѣлила. Если наконецъ планеты обѣщаютъ намъ въ самомъ дѣлѣ счастіе; то и здѣсь будутъ двѣ невыгоды: и ожиданіе утомитъ насъ сомнительною надеждою и надежда еще прежде ослабитъ будущую радость о полученіи счастія. И такъ никогда не должно прибѣгать къ такимъ людямъ, которые предсказываютъ по звѣздамъ будущія приключенія. Ноч. Аттич. кн. XIV. гл. I.

§ 150. Между тѣми, которые приписываютъ все судьбѣ, а Божественное провидѣніе и свободу человѣческихъ дѣйствій отвергаютъ, первый считается Спиноза. Онъ хотя и говоритъ, что для достиженія цѣли нужны средства, для убѣжденія сердца человѣческаго необходимы доказательства: однако утверждаетъ, что причины и дѣйствія такимъ союзомъ сопряжены, что высочайшее Провидѣніе никакого не имѣетъ участія въ томъ; напрошивъ все течетъ по непремѣнной и слѣпой необходимости. На прим. Спиноза утверждаетъ, что если я пишу, то сіе такъ необходимо, какъ дважды два составляютъ четыре.

§ 151. Теперь остается объяснить: что значитъ *Судьба благоразумная*, или *съ умомъ согласная*.

*

Всѣ происшествія, случающіяся въ семъ свѣтѣ, имѣютъ такую связь касательно причинъ и дѣйствій, что, принявъ причину, необходимо должны мы принять и дѣйствіе: почему всякъ можетъ изъ сего видѣть, что необходимость *условная* существуетъ въ семъ мірѣ. Она зависитъ отъ первой и премудрой Причины, и сама по себѣ есть случайная и перемѣняемая. Сію необходимость нѣкоторые называютъ *Судьбою, согласною съ разумомъ.*

Здѣсь можно сказать, что тотъ благоразумно поступитъ, кто не будетъ употреблять обоюднаго слова *Судьбы*, стараясь избѣгать случаевъ спорить о словахъ. Должно стараться не только точно, но и прилично выражать свои мысли.

§ 152. Изъ вышесказаннаго явствуетъ:

I. Судьба Магометанская совершенно противорѣчитъ союзу вещей.

Сущность сей Судьбы состоитъ въ томъ, что происшествія совершаются, будутъ ли, или не будутъ нужныя причины предшествовать онымъ [§ 147]. Союзъ же состоитъ въ томъ, что всякое дѣйствіе происходитъ отъ своей причины [§ 144].

II. Стоическая судьба не можетъ быть допущена въ мірѣ семъ, равно какъ и Астрологическая. Ибо, по причинѣ союза дѣйствій и причинъ, всѣ вещи такъ соединены между собою, что при всякомъ происшествіи, для чего оно случилось такимъ, а не инымъ образомъ, можетъ быть представлена

довольная причина изъ предъидущаго обстоятельства вещи.

III. Хотя всѣ событія, происшедшія отъ своихъ причинъ, условно необходимы: однако они бываютъ случайны, и союзъ, находящійся между причинами и дѣйствіями, есть такого свойства, что можетъ перемѣняться.

Условная необходимость не противорѣчитъ случайности [§ 56. пол. II]. Событія, случающіяся въ семъ мірѣ и имѣющія естественную связь, не такъ необходимы, чтобы не можно было ничего перемѣнить въ оныхъ. Какое противорѣчіе можетъ быть, если настоящій союзъ вещей, сотворенныхъ силою Вышняго, измѣнится на другой? Что препятствуетъ быть другому теченію звѣздъ, другому порядку, другому кругообращенію солнца, другой перемѣнѣ временъ и погодъ, другому свойству, положенію и состоянію неба и земли? Что препятствуетъ нѣкоторымъ вещамъ исчезнуть, получить противное направленіе, и, словомъ сказать, быть совершенно другому міру, отличному отъ настоящаго?

IV. И такъ явствуетъ, что, кромѣ сего міра, могли быть еще и другіе міры безчисленные.

ГЛАВА III.

О тѣлахъ.

§ 153. Изъ разныхъ сложныхъ существъ, такъ какъ изъ частей, составляется *міръ*. Сіи сложныя существа обыкновенно называются *тѣлами*.

§ 154. Къ составленію понятія о тѣлѣ больше требуется, нежели къ составленію понятія о существѣ сложномъ.

§ 155. Во всякомъ тѣлѣ должно примѣчать: 1] способъ устроенія, или составъ, 2] силу дѣйствующую, или движущую, и 3] силу недвижимости, или сопротивленія (vis inertiae).

Тѣла имѣютъ весьма многія свойства такія, которыхъ никакъ нельзя понять и объяснить, если принять одно только протяженіе.

§ 156. Изъ опыта знаемъ, что тѣла, подлежащія чувствамъ, имѣютъ то свойство, что не всякая сила можетъ привесть оныя въ движеніе. Младенецъ не можетъ сдвинуть камня огромнаго.

§ 157. Изъ сего явствуетъ, что всякое тѣло, сопротивляющееся движенію и не уступающее нашимъ силамъ, должно имѣть въ себѣ нѣчто такое, чѣмъ оно сопротивляется движенію.

§ 158. Сіе самое, чѣмъ тѣло сопротивляется движенію, называется *силою недвижимости*, *силою сопротивленія*, или *грубостію* (vis inertiae).

§ 159. Сія грубость не зависишъ отъ протяженія тѣла и не происходишъ отъ онаго.

Листъ бумаги имѣешъ большее протяженіе, нежели фунтовый кусокъ свинцу. Но листъ бумаги удобнѣе можешъ быть двинутъ и менѣе дѣлаешъ сопротивленія въ движеніи, нежели кусокъ свинцу.

§ 160. Протяженное, имѣющее грубость, составляешъ *матерію*, или *вещество тѣла*. И такъ *вещество* есть то, чѣмъ всякое тѣло сопротивляется движенію. Сего довольно о грубости тѣлъ.

§ 161. Изъ опыта знаемъ, что всякое тѣло можешъ производить перемѣну въ другомъ тѣлѣ; и потому можешъ на него дѣйствовать. Слѣдовательно всякое тѣло имѣешъ *силу дѣйствовать*.

§ 162. Сія сила дѣйствія называется *силою движущею*, или *дѣйствующею*; она-то составляешъ сущность тѣлъ, какъ выше сказано.

§ 163. Сообразивъ все вышесказанное, можемъ опредѣлить *тѣло* слѣдующимъ образомъ: *Тѣло* есть существо сложное, состоящее изъ вещества и имѣющее силу дѣйствующую, или движущую.

Г Л А В А IV.

О законахъ движенія.

§ 164. Движущая сила, находящаяся во всякомъ тѣлѣ, повинуется при дѣйствіи нѣкоторымъ законамъ. Всякое тѣло въ движеніи и отраженіи сообра-

жается съ сими законами, которые и называются по сей причинѣ *законами движенія*.

§ 165. Главные законы сіи я намѣренъ объяснить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Никакое тѣло, находящееся въ покоѣ, не можетъ имѣть движенія само собою.

Всякое тѣло сопротивляется движенію по причинѣ своей грубости [§ 190]: почему оно и неспособно къ движенію, или не можетъ имѣть движенія само собою.

II. Слѣдовательно всякое тѣло пребываетъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ приведено въ движеніе другимъ тѣломъ.

III. Если тѣло будетъ приведено въ движеніе; то оно должно продолжать его до тѣхъ поръ, пока съ противной стороны не встрѣтитъ себѣ какого нибудь препятствія.

IV. Дѣйствія и противодѣйствія (reactiones) тѣлъ бываютъ равны.

Изъ опыта, на прим. знаемъ, что мячь, брошенный на землю или на твердый камень, тѣмъ сильнѣе отражается, чѣмъ съ большею силою бываетъ брошенъ.

Впрочемъ должно замѣтить, что законы движенія, устроенные Богомъ, не такъ необходимы, чтобы не могли перемѣниться. Богъ можетъ уничтожить оные, можетъ постановить другіе.

ГЛАВА V.

О стихіяхъ тѣлъ.

§ 166. Первыя начала, изъ которыхъ состоятъ сложныя тѣла, называются *стихіями тѣлъ.*

О стихіяхъ тѣлъ слѣдующее должно замѣтить:

I. Стихіи, или первыя начала тѣлъ не могутъ быть существа сложныя, но должны быть существа простыя.

Если бы они были существа сложныя, то могли бы дѣлиться на части; и слѣдовательно они не могли бы называться первыми началами [Смот. § 106. прим.]

II. Сіи простыя существа, изъ которыхъ какъ изъ своихъ началъ, составляются существа сложныя, называетъ Лейбницъ *единицами* (monades).

Слово: *единица*, нѣкоторымъ не нравится. Но оно не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго. Ибо какимъ образомъ всякое число состоитъ изъ единицъ, какъ изъ первыхъ началъ: такъ и тѣла, по мнѣнію Лейбница, должны дѣлиться на первыя начала, которыя всѣ существа простыя называетъ *единицами.*

III. И такъ, что сказано о простыхъ существахъ вообще, все то можно утверждать, или отрицать о стихіяхъ тѣлъ.

ГЛАВА VI.

О естественномъ и сверхъестественномъ, или о чудесахъ.

§ 168. *Естествомъ*, или природнымъ свойствомъ существа называется та внутренняя сила онаго, изъ которой такъ, какъ изъ источника, проистекаютъ его дѣйствія [§ 162]. Слѣдовательно *естественнымъ* въ существѣ можетъ назваться все то, что понять и объяснить можно силою и сущностію самаго существа. И такъ естественнымъ въ тѣлѣ называется то, что можно понять и объяснить составомъ и сущностію тѣла; а естественнымъ въ духѣ именуется то, что можно понять изъ силы и сущности духа. На прим. Варить пищу естественно желудку: ибо устроеніемъ и свойствомъ онаго можно объяснить, какимъ образомъ пищевареніе дѣлается.

§ 169. Напротивъ *сверхъестественнымъ* называется все то, чего довольная причина не содержится въ свойствѣ и сущности вещи, или чего не можно понять изъ силы и устроенія тѣлъ, или изъ силы и сущности духа. На прим. Сверхъестественное приключеніе было то, когда три отрока, ввержены въ пещь огненную, не были пожерты пламенемъ. Ибо сего приключенія не можно объяснить силою и сущностію огня.

Не должно смѣшивать сверхъестественнаго съ тѣмъ, что бываетъ *противно естеству*. Происшествіе *противоестественнымъ* называется тогда, когда превращает-

ся порядокъ природы и происходитъ какое нибудь дѣйствіе, несообразное съ законами оной. На прим. Когда великое множество воды, или рѣка, стремящаяся внизъ по своей тяжести и силѣ, течетъ вверхъ на самыя высокія горы по причинѣ внѣшней посторонней какой нибудь силы.

§ 170. Всякое происшествіе сверхъестественное называется *чудомъ*. Слѣдовательно *чудо* можно правильно опредѣлить такимъ происшествіемъ, котораго не льзя объяснить, относительно къ предъидущему его состоянію, ни изъ сущности, ни изъ силы твореній, ни изъ порядка міра.

Дабы судить правильно о разныхъ спорахъ, происшедшихъ особливо въ новѣйшія времена по сему предмету, я предложу самыя главныя понятія объ ономъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

I. Не должно смѣшивать чуда съ тѣмъ, что кажется только *чуднымъ*, или *удивительнымъ*.

Многія происшествія въ семъ свѣтѣ могутъ назваться чудными, или потому что рѣдко случаются, или потому что причины оныхъ намъ неизвѣстны, и черезъ то самое часто поражаютъ насъ удивленіемъ: но сіи чудныя приключенія не могутъ назваться чудесами, хотя Плиній и называетъ ихъ симъ именемъ. Кн. 9. пис. 33.

Сюда отнесть можно тѣ чудныя приключенія, о которыхъ Ливій упоминаетъ во многихъ мѣстахъ своей Исторіи. Сюда относится и то, что Плиній разсказываетъ о *играющемъ дельфинѣ* [кн. 9. въ пис. 33],

о *плавающихъ островахъ* [кн. 8. въ пис. 20.]. О чудныхъ происшествіяхъ Плиній говоритъ слѣдующее: *Случаются происшествія весьма чудныя, которыя бываютъ вовсе неожиданны и чрезвычайно странны. Греки называютъ оныя весьма прилично загадочными* (παράβολα). Кн. 9. пис. 16.

II. Весьма немногіе имѣютъ ясное понятіе о силахъ природы и трудно постигнуть сокровенныя причины такъ, чтобы можно было опредѣлить съ точностію, сколько какая причина имѣетъ силы къ произведенію дѣйствій: почему и случается часто, что почитаютъ чудесами такія происшествія, которыя къ естественнымъ событіямъ отнесть должно.

Слѣдовательно труднѣе, нежели думаютъ, въ частныхъ случаяхъ различить чудо отъ естественнаго приключенія.

III. Хотя Философія, основываясь на разумѣ, не рѣшаетъ, были ли когда нибудь чудеса: однако самъ разумъ научаетъ насъ, что они возможны въ семъ мірѣ.

Ибо мы знаемъ, что союзъ всѣхъ вещей имѣетъ такое свойство, что можетъ перемѣниться, и законы движенія, по причинѣ своей случайности, могутъ остановить свое дѣйствіе [§ 165].

IV. Если совершается чудо; то оно должно произойти отъ такого существа, которое совершенно различно отъ сего міра.

Довольная причина чуда не содержится въ силѣ и сущности твореній, и не можетъ объяснена быть союзомъ вещей сего міра [§ 170]. Слѣдовательно когда творятся чудеса, они должны произойти отъ такого существа, которое совершенно различно отъ міра.

Сіе самое существо, различное отъ міра, есть *Богъ*. И такъ правильно нѣкоторые опредѣляютъ *чудо* непосредственнымъ дѣйствіемъ Божіимъ.

V. Когда бываетъ чудо; оно бываетъ по опущенію причины (per saltum).

Если случается какое нибудь чудо; то изъ связи предъидущихъ обстоятельствъ не можно объяснить причины, почему оно случилось; но Богъ безъ всякой посредствующей причины производитъ оное. И такъ если пріимемъ въ разсужденіе связь предъидущихъ причинъ, усмотримъ, что чудо происходитъ чрезъ опущеніе причины [§ 146]. Здѣсь я не разумѣю *совершенное* опущеніе причины; ибо такимъ образомъ чудо произошло бы безъ всякой довольной причины [§ 146], что не возможно [§ 15]; но опущеніе причины *относительное*, когда не тѣ обстоятельства предшествуютъ дѣйствію, изъ которыхъ можно бы представить причину онаго [§ 146]. Такимъ образомъ Апостолы чудесно получили знаніе языковъ, и по опущенію средствъ сдѣлались искусными во многихъ чужестранныхъ языкахъ. Они не учили ни словъ, ни склоненій, ни спряженій, которыя необходимы бы-

ваютъ для разумѣнія иностраннаго языка; они въ одинъ мигъ начали разумѣть языки и говорить ими.

VI. Если Богъ производитъ чудо; то дѣйствіе должно произойти отъ онаго такое, которое, по одной естественной связи причинъ, безъ чуда никакъ не могло бы послѣдовать.

Если бы дѣйствіе могло произойти естественнымъ образомъ; то чудо было бы вовсе не нужно. Когда Христосъ чудесно воскресилъ Лазаря изъ мертвыхъ; дѣйствіе отъ сего произошло такое, которое естественнымъ образомъ безъ чуда никакъ не могло бы послѣдовать. Лазарь натурально долженствовалъ бы сгнить и въ прахъ превратиться. Но совершенно другія дѣйствія послѣдовали, когда сдѣлано было чудо. Отсюда можно понять, что значитъ мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ: *Чудо превращаетъ порядокъ природы*, или: *Чудо производитъ безпорядокъ въ союзѣ вещей*. Выше [въ § 58.] сказано, что порядокъ есть подобіе въ образѣ, въ каковомъ вещи существуютъ совокупно, или одна за другою слѣдуютъ. И такъ когда перемѣны въ мірѣ семъ происходятъ такимъ образомъ, что одна проистекаетъ изъ другой, другая изъ третьей, и т. д. слѣдуя законамъ движенія: тогда порядокъ природы сохраняется ненарушимо въ мірѣ. Но когда перемѣны, происшедшія въ семъ мірѣ, не вытекаютъ изъ предшествовавшихъ причинъ, и происшествія случаются несообразно съ законами движенія: тогда порядокъ естественный превращается. Слѣдовательно если

чудесныя происшествія не вышекаютъ изъ предшествовавшихъ причинъ и несообразны бываютъ съ законами движенія: що для чего не сказать, что чудо нарушаетъ порядокъ природы? Я поясню сіе примѣромъ. Законы естественнаго порядка требовали, чтобы умершій Лазарь истлѣлъ и въ прахъ превратился. Что же послѣдовало, когда онъ чудесно воскресъ изъ мертвыхъ? Не нарушенъ ли здѣсь естественный порядокъ? Если сіе отвергнуть; то слѣдуетъ сказать, что Лазарь, и по совершеніи чуда, истлѣлъ и въ прахъ превратился такъ, какъ бы сего чуда вовсе не было. Но кто осмѣлится утверждать сіе? Если же сіе справедливо; то легко можно видѣть, справедливо ли мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что чудо нарушаетъ порядокъ природы.

§ 172. Сказанное мною о чудахъ ясно показываетъ, что должно думать о чудесахъ *возстановительныхъ* (de miraculis restitutionis).

Лейбницъ упоминаетъ о сихъ чудесахъ въ своей Теодицеи [§ 242]. Волфій говоритъ объ нихъ въ своей Метафизикѣ [§ 639]. О его мнѣніи и я предложу вкратцѣ:

1) Волфій думаетъ, что чудо нарушаетъ связь и порядокъ природы. Смыслъ сего предложенія я объяснилъ выше.

2) Изъ сего онъ заключаетъ, что, по совершеніи чуда дѣйствія совершенно другія происходятъ, нежели каковыя долженствовали бы произойти безъ онаго.

3) Онъ входитъ въ изслѣдованіе: что нужно сдѣлать, когда Богъ уже достигъ своей цѣли посредствомъ чуда, и захочетъ опять привесть вещи въ прежнее состояніе, въ которомъ они были до совершенія чуда?

4) Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Волфія, естественный союзъ, который былъ нарушенъ первымъ чудомъ, долженъ возстановленъ быть вторичнымъ чудомъ.

5) И сіе новое чудо, черезъ которое вещи приходятъ въ прежнее состояніе, называется *чудомъ возстановительнымъ* (miraculum restitutionis). Я поясню сіе краткимъ примѣромъ. Дѣйствіемъ чуда Богъ даровалъ Апостоламъ познаніе языковъ. Послѣ сего чуда многія дѣйствія произошли такія, кои безъ онаго не могли бы случиться. Апостолы, зная по Еврейски, по Сирски, по Гречески, по Латини, учили разные народы, открывая имъ путь къ спасенію и подавая средства славословить Создателя. Безъ сего чуднаго дара языковъ совершенно другія произошли бы дѣйствія. Теперь представь, что Богъ дѣйствіемъ сего чуда достигъ своего намѣренія; представь, что Богъ пожелалъ опять привесть вещи въ прежнее состояніе, въ которомъ они долженствовали бы находиться безъ сего чуда: то спрашивается, какимъ образомъ сіе могло бы совершиться? Волфій отвѣчаетъ, что новое чудо нужно, дабы привесть вещи въ прежній естественный порядокъ, который долженствовалъ бы послѣдовать безъ сего чуднаго наитія языковъ. Справедливо ли сіе мнѣніе, читатель пусть самъ судитъ.

ГЛАВА VII.

О совершенствѣ міра.

§ 173. Выше сказанное въ § 65 о свойствѣ и правилахъ совершенства можетъ служить намъ руководствомъ къ сужденію о совершенствѣ міра.

Здѣсь я не намѣренъ изслѣдовать: совершенъ ли сей міръ; но только хочу показать: что нужно къ составленію совершенства, приписываемаго сему міру, и какимъ образомъ можемъ правильно опредѣлить степени сего совершенства. Такимъ образомъ понятнѣе для всѣхъ будетъ то, что я намѣренъ предложить въ естественномъ Богословіи о совершенствѣ сего міра.

§ 174. Принявъ въ соображеніе то, что выше сказано о совершенствѣ, можемъ понять слѣдующія положенія:

I. Мы можемъ міру приписать совершенство тогда; когда всѣ вещи и современныя и послѣдственныя имѣютъ въ немъ такое согласіе между собою, что тѣмъ достигается нѣкоторая цѣль и общее благо.

Въ естественномъ Богословіи будетъ сказано, что цѣль, къ которой все должно относиться, есть слава Божія и прославленіе имени Его.

II. Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ подробнаго понятія о всѣхъ шѣлахъ и дѣйствіяхъ сего міра; никто еще не проникъ въ многосложную и удивительную связь вещей до такой степени, чтобы могъ утвердительно сказать: всѣ ли творенія и малыя и ве-

ликія соотвѣтствуютъ той цѣли, которую Богъ предположилъ въ устроеніи и управленіи міра: слѣдовательно никакъ не льзя помощію чувствъ и опыта постигнуть и опредѣлить совершенства сего міра.

И такъ ложно судятъ о несовершенствѣ міра тѣ, которые, видя нѣкоторыя частныя несовершенства, почитаютъ весь міръ несовершеннымъ. Справедливо говоритъ Плиній: *Если бы ты увидѣлъ голову, отдѣленную отъ истукана, или другой какой либо членъ; то не могъ бы ты тотъ часъ заключить о красотѣ и совершенствѣ сего истукана.* Кн. II. письм. 5.

III. Чѣмъ болѣе усматриваемъ вещей, соотвѣтствующихъ цѣли, для которой міръ созданъ, и чѣмъ сіи вещи согласнѣе съ оною: тѣмъ большее совершенство можемъ приписать сему міру.

IV. Часто видимъ изъ опыта, что несовершенство, находящееся въ частяхъ, много содѣйствуетъ къ совершенству цѣлаго: равнымъ образомъ, если вникнемъ, можемъ замѣтить тоже самое и въ отношеніи къ союзу вещей, что многія несовершенства способствуютъ къ совершенству и красотѣ цѣлаго міра.

Здѣсь можно привесть слова Плинія, который, разсуждая о разныхъ родахъ слога, употребляемыхъ въ одной и тойже рѣчи съ тѣмъ, дабы плѣнить слушателей, говоритъ: Въ одномъ отношеніи мы опасаемся, чтобы какая нибудь часть рѣчи не по-

казалась слабою, будучи взята отдѣльно отъ прочихъ: въ другомъ мы можемъ твердо надѣяться, что вся рѣчь вообще понравится всякому, по причинѣ сего самаго разнообразія. Такимъ образомъ на пирахъ случается намъ находить какую нибудь пищу не по своему вкусу; но весь ужинъ вообще нерѣдко хвалимъ, и тѣ кушанья, которыя намъ не нравятся, не отнимаютъ пріятности у тѣхъ, которыя кажутся для насъ вкусными. Кн. II. пис. 5.

*

МЕТАФИЗИКИ

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ,

Содержащая въ себѣ Пневматологію и Психологію.

ГЛАВА I.

О Духѣ вообще.

§ 175. *Духомъ* вообще называется существо простое, или невещественное, одаренное разумомъ и волею.

§ 176. О Духѣ должно замѣтишь слѣдующія положенія:

I. Все сказанное мною выше въ § 107 о существахъ простыхъ относится къ понятію касательно свойствъ и принадлежностей Духа.

II. Духъ по своему свойству долженъ быть не только существо простое, но разумомъ и волею одаренное.

Многіе думаютъ, что существо простое и духъ есть одно и тоже. Отъ сего нѣкоторые впали въ заблужденіе думая, что существа сложныя состоятъ изъ духовъ, основываясь на словахъ Лейбни-

ца, который сказалъ, что сложныя существа состоятъ изъ простыхъ.

Кругъ значенія существа простаго обширнѣе, нежели значеніе духа. Всякой духъ есть существо простое, но не всякое существо простое есть духъ.

III. Духъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ совершеннѣе имѣетъ разумъ. Духъ *всесовершенный* есть тотъ, который одаренъ всесовершеннымъ разумомъ и всесовершенною волею.

Разумъ есть способность подробно понимать вещи. Что значитъ подробное понятіе, я объяснилъ въ § 35. Лог.

Воля есть способность желать добра и отвращаться отъ зла. Сіе опредѣленіе будетъ объяснено подробнѣе ниже въ главѣ XI.

IV. Не всякое существо, одаренное способностію ясно или темно понимать вещи, должно почитать въ духомъ.

Души безсловесныхъ животныхъ хотя суть существа простыя, но не могутъ назваться духами; потому что они вовсе не имѣютъ способности подробно понимать вещи: что я постараюсь доказать ниже въ главѣ XVI.

Духи раздѣляются на *ограниченные* и *безпредѣльные*. Къ *ограниченнымъ* относятся *человѣческія души*, о которыхъ я буду говорить въ Психологіи. *Духъ безпредѣльный* есть *Богъ*, о которомъ предлагаетъ естественное Богословіе. Къ ограниченнымъ духамъ причисляются и Ангелы, о которыхъ ученіе болѣе принадлежитъ къ Богословіи, нежели къ Философіи.

ГЛАВА II.

О душѣ человѣческой.

§ 177. Наука, предлагающая ученіе о душѣ, называется *Психологіею* [Душесловіемъ].

Познаніе о душѣ мы получаемъ или посредствомъ опыта, или помощію разума: по сей причинѣ и раздѣлили новѣйшіе Философы Психологію на *опытную* и *умозрительную*. Въ *Опытной* предлагается то, чему опытъ и внутреннее чувство научаютъ насъ касательно души; а въ *Умозрительной* объясняется то, что познаемъ изъ опыта помощію здраваго умозаключенія. Предлагая сіе ученіе, мы будемъ соединять опытъ и умозаключеніе такъ, чтобы одинъ другому служили пособіемъ.

§ 178. Кто желаетъ пріобрѣсть правильное понятіе о *душѣ* человѣческой, тотъ предваритѣльно долженъ имѣть нѣкоторыя понятія объ ней, необходимыя для того, дабы потомъ надлежащимъ образомъ понять опредѣленіе оной.

§ 179. Собственное чувство увѣряетъ каждаго, что мы можемъ различать самихъ себя отъ другихъ предметовъ, которые находятся внѣ насъ. Равнымъ образомъ можемъ различать между собою и самые предметы, внѣ насъ находящіеся.

На прим. Мы можемъ различать себя отъ стола, за которымъ сидимъ; можемъ различать стулъ отъ стола, столъ отъ книгъ, на немъ лежащихъ.

§ 180. Мы *сознаемъ самихъ себя* (conscii sumus) тогда; когда отличаемъ себя отъ другихъ предметовъ, внѣ насъ находящихся. Вещи, внѣ насъ находящіяся, познаемъ тогда, когда отличаемъ оныя одну отъ другой.

§ 181. И такъ то самое существо, которое, обитая въ тѣлѣ, познаетъ и себя и другія вещи, внѣ находящіяся; или которое отличаетъ и себя отъ предметовъ и предметы одинъ отъ другаго, называется *Душею.*

Слово: *Душа* означаетъ у древнихъ писателей по большей части самую жизнь. Они полагали различіе между душею и духомъ.

§ 182. Тотъ самый опытъ, который увѣряетъ насъ, что мы познаемъ себя и предметы, внѣ насъ находящіеся, доказываетъ также и самое бытіе души нашей, въ которомъ удостовѣряемся сознаніемъ (conscientia sui) самихъ себя и познаніемъ предметовъ, находящихся внѣ насъ.

Древніе раздѣляли *душу* на *разумную, чувственную и растительную.* Но такимъ образомъ часто смѣшивали жизненные соки, которыми тѣло питается и живится, съ тѣмъ духомъ, который въ тѣлѣ чувствуетъ, понимаетъ и размышляетъ.

ГЛАВА III.

О способности познавать и о низшихъ дѣйствіяхъ оной.

Дѣйствіе, которымъ душа представляетъ себѣ предметы и понимаетъ оные, называется *познаніемъ*. Сила, посредствомъ которой она представляетъ себѣ сіи предметы, называется *способностію познавать*.

Древніе раздѣляли всѣ способности и силы душевныя на *разумъ* и *волю*. *Душа*, говоритъ Цицеронъ, *имѣетъ двѣ способности: волю и разумъ. Разумъ научаетъ, что должно дѣлать и чего убѣгать. Разумъ всегда властвуетъ, а воля повинуется* О долж. кн. I.

Слово: *разумъ* имѣетъ не такъ обширное значеніе, какъ *способность познавать;* потому что душа имѣетъ свойства многія такія, которыя къ способности познанія могутъ отнестися, но къ разуму не могутъ: почему правильно нѣкоторые раздѣляли всѣ силы душевныя на способность *познавать* и способность *желать*.

Мы обыкновенно понимаемъ иные предметы темно, другіе ясно. Способность темно понимать предметы есть общая человѣку съ прочими животными. Сію способность мы относимъ къ низшимъ дѣйствіямъ способности познавать. Такова способность *чувствовать*, *воспоминать* и *воображать*. Другія способности, приписываемыя человѣку, отно-

сяшся къ благороднѣйшимъ, или къ высшимъ дѣйствіямъ *способности познавать:* такова, на примѣръ, способность *подробно познавать предметы, размышлять, внимать, умозаключать, отвлекать и проч.*

И такъ прежде намѣренъ я объяснить низшую способность познанія, общую человѣку съ прочими живошными; потомъ буду говорить о благороднѣйшей способности познанія, свойственной одному человѣку.

Г Л А В А IV.

О способности чувствовать.

Представлять въ умѣ предмешы, находящіеся предъ нашими глазами, есть способность общая намъ съ прочими живошными. Представлять въ умѣ сіи предмешы, значишъ *чувствовать оные.* Самыя же представленія оныя, или поняшія о вещахъ, подлежащихъ нашимъ глазамъ, называются *чувствованія.* На прим. мы видимъ садъ, насаженный разными деревьями и украшенный цвѣшами; шогда мы понимаемъ предмешы, подлежащіе глазамъ нашимъ ш. е. шогда мы *чувствуемъ.*

Вещь *подлежащею* чувсшвамъ нашимъ называется ша, которая поражаешъ собою чувсшвенныя наши орудія. Чувсшвенныхъ орудій счишается *пять:* 1) *глаза* служашъ намъ орудіями зрѣнія; 2) *уши* орудіями слуха; 3) *носъ* орудіемъ обоняія; 4) *языкъ*-вкуса; 5) наконецъ шонкія *жилки,* разсѣянныя по всему шѣлу, служашъ орудіями осязанія.

О чувствованіяхъ должно замѣтить слѣдующее:

I. Не одно тѣло и не одна душа чувствуетъ, но тѣло совершаетъ свои, а душа свои дѣйствія; однако они дѣйствуютъ въ одно время и совокупными, такъ сказать, силами.

Тѣло поражается впечатлѣніями, происходящими отъ внѣшнихъ предметовъ, дѣйствующихъ на чувственныя орудія; а душа представляетъ себѣ предметы сихъ впечатлѣній. На прим. когда мы слышимъ звукъ пушечнаго выстрѣла; сіе происходитъ слѣдующимъ образомъ: Сотрясеніе воздуха, происшедшее отъ сильнаго движенія или сраженія тѣлъ, достигаетъ до ушей и, проходя изгибы оныхъ, доходитъ до внутренней перепонки слуха и ударяетъ въ оную. Вотъ впечатлѣніе на тѣло! Когда сіе дѣлается, въ то самое время душа представляетъ себѣ перемѣны, происшедшія въ изгибахъ слуха.

II. Изъ опыта знаемъ, что чувствованія бываютъ одни другихъ или яснѣе и сильнѣе, или слабѣе и темнѣе.

Предметы, поражающіе чувства, бываютъ или близки къ намъ, или отдалены отъ насъ: по сей причинѣ чувствованія бываютъ или яснѣе, или темнѣе. Смотри примѣръ у Пл. въ письм. 27. кн. VII.

III. Какимъ образомъ большій свѣтъ потемняетъ свѣтъ слабѣйшій; такъ понятіе сильнѣйшее изглаживаетъ впечатлѣніе слабѣйшее.

На прим. звонъ колоколовъ препятствуетъ мнѣ слышать голосъ друга, разговаривающаго со мною.

Сіяніе солнца препятствуетъ видѣть днемъ слабый свѣтъ луны и звѣздъ.

IV. Когда внѣшніе предметы дѣйствуютъ на чувственныя орудія и производятъ въ нихъ впечатлѣнія; тогда не можетъ душа не чувствовать ихъ, хотя бы мы того и не желали.

Можно ли не чувствовать, хотя бы мы и не желали того, когда трескъ пушечнаго выстрѣла достигнетъ до слуха нашего? Впрочемъ мы можемъ весьма часто воспрепятствовать дѣйствію внѣшнихъ предметовъ на чувственныя орудія и произведенію въ нихъ впечатлѣній. 1] Можемъ закрыть глаза, если не желаемъ видѣть ошвратительнаго лица. Можемъ, подобно Улиссу, зашкнуть уши и не слушать пѣнія Спренъ. 2] Можемъ изгладить слабое чувствованіе другимъ сильнѣйшимъ. 3] Можемъ оштратить вниманіе отъ однихъ внѣшнихъ предметовъ и устремить оное на другіе, подобно тому, какъ Аѳенодоръ у Плинія занималъ письмомъ умъ, глаза, руки, дабы праздное воображеніе не представляло ему Привидѣнія и не поколебало его пустымъ страхомъ. Потомъ когда онъ услышалъ звукъ желѣзныхъ цѣпей, потрясаемыхъ Привидѣніемъ; онъ не поднималъ глазъ, не выпускалъ пера изъ рукъ, но все вниманіе устремилъ на письмо. Кн. VII. пис. 27.

V. Не въ нашей власти состоитъ сдѣлать чувствованіе такимъ, какимъ оное мы имѣть желаемъ.

Никто не можетъ сдѣлать, чтобы мучительная боль подагры приносила такое удовольствіе, какое

приноситъ пріятное согласіе музыки, или сладкая и вкусная пища.

§ 186. Изъ предъидущаго явствуетъ, что душа человѣческая касательно чувствованія подлежитъ слѣдующему закону: Когда внѣшніе предметы дѣйствуютъ на чувственныя орудія и производятъ въ ихъ впечатлѣнія; тогда душа не можетъ не представлять себѣ сихъ впечатлѣній.

Должно замѣтить, что чувства суть какъ бы нѣкоторыя преддверія души, чрезъ которыя образы внѣшнихъ предметовъ достигаютъ къ ней; отъ чего потомъ раждается понятіе. Цицеронъ сказалъ: *Природа дала человѣку чувства, которыя служатъ ему какъ бы нѣкоторыми спутниками и вѣстниками.*

Г Л А В А V.

О способности воображенія.

§ 187. Душа наша представляетъ въ умѣ не только тѣ предметы, которые дѣйствуютъ на чувства въ настоящее время, но можетъ возобновлять понятія о тѣхъ предметахъ, которые въ прежнія времена подлежали чувствамъ такъ, что образы ихъ живо начертываются въ мысляхъ, и предметы отсутствующіе какъ бы оживаютъ въ умѣ.

Виргилій говоритъ о Дидонѣ, что она, въ разлукѣ съ Энеемъ, всегда видѣла образъ его передъ глазами. *И слышитъ и видитъ его, хотя давно разсталась*

съ нимъ. Плиній о Привидѣніи, которое являлось прежде, говоритъ: *Среди самаго дня, хотя призракъ исчезалъ, воображеніе представляло оный.* Кн. II. пис. 27.

§ 188. Способность живо представлять въ умѣ отсутствующіе предметы и возобновлять въ памяти прежнія понятія называется *фантазіею, или воображеніемъ.* Самые же предметы, возобновляемые въ памяти воображеніемъ, именуются *мечтаніями.*

Слово: *мечтаніе,* хорошо объяснено въ примѣчаніяхъ Корція и Лонголія на сочиненія Плиніевы, стран. 534. О семъ предметѣ говоритъ и Лукрецій въ кн. IV. Августинъ въ сочиненіи о Троицѣ говоритъ: *При имени Александріи, которой я никогда не видѣлъ, живо представляю себѣ въ воображеніи оную.* Ибо, слышивъ отъ многихъ, что Александрія есть великій городъ, я составилъ себѣ понятіе объ оной, какое могъ составить въ воображеніи, полагаясь на рѣчи другихъ.

§ 189. О воображеніи должно замѣтить слѣдующія положенія:

I. Мы не можемъ ничего вообразить себѣ, чего прежде не представляли въ чувствахъ.

Воображеніе обыкновенно представляетъ намъ образы вещей, которыя прежде уже подлежали чувствамъ [§ 188]. Изъ сего можно видѣть: почему нѣкоторые называютъ воображеніе *чувствованіемъ продолжительнымъ.*

Но возразитъ кто нибудь, что Августинъ, не видѣвшій никогда Александріи, описалъ пространство и великолѣпіе оной. На сіе можно отвѣчать, что хотя онъ не видѣлъ ее, но слышилъ отъ многихъ, что Александрія есть великій городъ.

II. Чѣмъ яснѣе и подробнѣе представлялся какой либо предметъ чувствамъ, тѣмъ удобнѣе образъ его возобновляется въ памяти: напротивъ тѣмъ труднѣе воображаемъ себѣ какой либо предметъ, чѣмъ темнѣе прежде ощущали оный.

Проживъ долгое время въ какомъ нибудь городѣ, удобнѣе можемъ въ отсутствіи представить себѣ пространство онаго, расположеніе зданій, порядокъ улицъ, нежели видъ и положеніе такого города, который въ проѣздъ и въ темный вечеръ мы видѣли.

III. Чѣмъ недавнѣе впечатлѣніе; тѣмъ живѣе и сильнѣе бываетъ воображеніе.

Сіе положеніе подтверждается опытомъ. Если вчерашняго, или третьяго дня мы слышили музыку; то воображеніе имѣетъ великую силу и удивительную живость; потому что впечатлѣніе наше еще ново. По сей причинѣ т. е. по причинѣ живости воображенія человѣкъ въ новой сердечной горести не принимаетъ никакого утѣшенія, подобно тому какъ свѣжая рана не терпитъ прикосновенія рукъ врача. Плин. пис. 16. Вообще всѣ новыя движенія души бываютъ сильнѣе. Въ Комедіи Теренція разгнѣванный слуга говоритъ: *Ничего столько я не*

желаю, какъ повстрѣчаться со всемъ етимъ сѣмействомъ, дабы я могъ излить на него весь свой гнѣвъ, пока онъ еще не охладѣлъ. Адел. III. явлен. 2. 15.

Если же какая нибудь вещь давно уже дѣйствовала на чувства наши, то по причинѣ давняго времени образъ ея такъ темно представляется мыслямъ, что мы едва можемъ примѣтить оный, подобно предметамъ, находящимся въ великой отдаленности. Изъ чего можно понять справедливость словъ часто приводимаго мною Теренція, который говоритъ: Время отнимаетъ печаль у человѣка. Геавт. дѣйств. III. явлен. 4. ст. 12.

IV. Чѣмъ чаще повторяется одно и тоже впечатлѣніе; тѣмъ большія силы получаетъ воображеніе.

Сіе можно видѣть изъ примѣра тѣхъ, которые предаются сладострастію, роскоши, или играмъ. Они приманчивостію ихъ столько увлекаются, что, забывъ себя и не владѣя разсудкомъ, ввергаются во всѣ опасности. Сіе происходитъ отъ того, что когда люди нѣсколько разъ испытаютъ сладость вина и любви; воображеніе ихъ, прельщенное чувствами, дѣйствуетъ съ такою силою на разумъ, что, по прошествіи нѣкотораго времени, они никакъ не могутъ противиться вкоренившейся страсти.

V. Воображеніе гораздо сильнѣе дѣйствуетъ, когда внѣшнія чувства покоятся, нежели тогда, когда чувства тревожатъ его своими впечатлѣніями.

Изъ опыта знаемъ, что сновидѣнія гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе, нежели тѣ предметы, которые на яву видимъ; ибо, во время сна, внѣшнія чувства по-

коятся, а дѣйствуетъ одно воображеніе. Изъ сего можно понять причины: a] почему тѣ, которые хотятъ живо представить себѣ отсутствующіе предметы, закрываютъ глаза; b] почему воображеніе гораздо сильнѣе дѣйствуетъ въ темнотѣ и уединеніи. Плиній говоритъ: *Окрестныя рощи, уединеніе и самое молчаніе, необходимое для звѣриной ловли, возбуждаютъ въ умѣ счастливыя мысли.* Кн. I. пис. 7. c] Наконецъ можно видѣть, почему любители наукъ убѣгаютъ многолюдства и удаляются въ мѣста уединенныя. Плиній, желая описать въ Тускахъ образъ ученыхъ занятій своихъ, говоритъ: *Окна всегда бываютъ закрыты; ибо уединеніе и мракъ много способствуютъ къ размышленію.*

VI. Воображеніе имѣетъ такое свойство, что если мы испытали два или многія чувствованія въ одно и тоже время, и одно изъ сихъ чувствованій приходитъ на память; то и прочія чувствованія, въ тоже время бывшія, возобновляются въ умѣ. Тоже самое бываетъ, когда настоящія впечатлѣнія сходствуютъ съ прошедшими.

Сіе возобновленіе понятій, происшедшее отъ сходства предметовъ, обыкновенно называется сопряженіемъ *идей* (associatio idearum). На прим. когда праздничный день новаго года наступаетъ; мы вспоминаемъ о гостинцахъ и подаркахъ, которые въ дѣтствѣ получали въ сіе время. Причиною сего воспоминанія бываетъ то, что мы видѣли нѣкогда

совокупно сей праздничный день и подарки. Плиній хорошо объясняетъ сіе положеніе въ 10 пис. кн.

VI. Онъ говоритъ, что однажды пришелъ онъ въ Аніенскую деревню своей тещи, прежде принадлежавшую Руфу Виргинію. *Сіе самое мѣсто возобновило печаль и горестное воспоминаніе о добродѣтельнѣйшемъ и величайшемъ мужѣ. Онъ въ семъ уединенномъ мѣстѣ жилъ и обыкновенно называлъ его гнѣздышкомъ своей старости. Куда я ни обращался, все напоминало мнѣ потерю сего мужа.*

VII. Изъ выше сказаннаго можно понять, что разумѣютъ Философы подъ *закономъ воображенія*, который заключается въ слѣдующихъ словахъ: *Прошедшее понятіе приходитъ на память полное; когда настоящее понятіе содержитъ въ себѣ нѣкоторую только часть онаго.* Выше приведенный примѣръ Плинія доказываетъ сіе.

Нѣкоторые говорятъ такимъ образомъ: *Если одно изъ прежнихъ впечатлѣній, совокупно полученныхъ, возобновляется; то воображенію представляются понятія и о прочихъ впечатлѣніяхъ.*

Сему закону воображенія подлежатъ въ дѣйствіяхъ своихъ и люди и прочія животныя. Собака, увидѣвъ палку, убѣгаетъ; потому что видъ поднятой палки возобновляетъ въ ея воображеніи тѣ побои, которые она прежде испытала.

Законъ воображенія можетъ объяснить намъ причину любви и ненависти къ тѣмъ лицамъ, которыхъ мы никогда не видѣли. Для чего Дидона страстно

любишъ Асканія? Для чего на рукахъ держишъ? Сего причиною было то, что въ ея памяти возобновлялся образъ Энея отца Асканіева, котораго она любила. Виргилій говоритъ: *Она держитъ въ объятіяхъ Асканія, пльнялась въ немъ образомъ родителя.* Энеид. кн. IV. ст. 85.

VIII. Воображеніе есть способность продолжительно дѣйствующая; и по сей причинѣ оно не всегда состоитъ въ нашей власти.

Но если можешь воспрепятствовать соединенію чувственныхъ понятій, изъ которыхъ раждаются мечты воображенія; то разумѣется, что тогда воображеніе состоитъ въ твоей власти.

§ 190. Отъ способности воображенія раждаются *вымыслы.* Когда многія мечтанія соединяемъ въ умѣ и составляемъ изъ нихъ что нибудь такое, чего нѣтъ въ природѣ; то сіе значитъ *вымышлять.* На прим. Если мы умственно соединяемъ крылья съ конемъ; то отъ сего вымысла происходитъ крылатый конь. Виргилій изобразилъ Гарпій въ слѣдующемъ вымышленномъ видѣ:

Сіи птицы имѣли лица дѣвъ, чрево отвисшее, руки съ кривыми кохтями, видъ блѣдный отъ глада. Энеид. кн. III. ст. 216.

§ 192. Если понятія, составляющія вымыслъ, не противны одно другому, и не уничтожаютъ одно другаго: то сей вымыслъ называется *возможнымъ.* Если же мечтанія воображенія одни съ другими несогласны

и вмѣстѣ существовать не могутъ; то сей вымыслъ называется *невозможнымъ*, или *химерою*.

Примѣромъ невозможнаго вымысла можетъ служить басня Лиѳія, въ которой онъ изображаетъ совѣщаніе и заговоръ членовъ тѣла противъ желудка, на который они роптали за то, что, находясь въ срединѣ, ничего не дѣлаетъ, а только наслаждается удовольствіями на ихъ счетъ. Кн. II. глав. 32.

§ 192. Изъ выше сказаннаго о воображеніи и вымыслѣ можно объяснить свойство сновидѣній. *Сновидѣнія* суть дѣйствія воображенія, которыя сами собою раждаются въ душѣ въ то время, когда внѣшнія чувства покоются.

Весьма пріятно читать сновидѣніе Сципіона, описанное Цицерономъ; сновидѣніе Плинія въ кн. III. глав. 5. сновидѣніе Цесаря въ Исторіи Свешонія.

§ 193. Небезполезно будетъ замѣтить о сновидѣніяхъ слѣдующее:

I. Ничего не можетъ представлять во снѣ воображеніе, чего прежде чувствами мы не испытали.

Сновидѣніе есть дѣйствіе воображенія [§ 192], возобновляющаго въ памяти тѣ только предметы, которые мы прежде видѣли. Сіе доказывается слѣдующими словами Цицерона: *Сципіонъ Африканскій, я думаю, потому представился мнѣ во снѣ, что мы объ немъ говорили: ибо весьма часто случается, что мысли и рѣчи наши производятъ во снѣ мечтанія подобныя тѣмъ, какія Энній имѣлъ о Гомерѣ, о которомъ на яву любилъ разсмышлять и бесѣдовать. Сципіонъ Африканскій*

*

явился мнѣ въ томъ видѣ, которой былъ мнѣ извѣстенъ болѣе изъ портрета его, нежели изъ личнаго знакомства. Сонъ Сципіона гл. I.

II. Душа весьма часто сопрягаетъ въ сновидѣніи многія мечтанія, и составляетъ такія изображенія, которыхъ никогда мы не видѣли; хотя оныя отдѣльно внѣ связи и по частямъ прежде представлялися чувствамъ нашимъ.

III. Въ сновидѣніяхъ душа дѣйствуетъ по закону воображенія.

Сія истина подтверждается опытомъ. Ты читаешь книгу о привидѣніяхъ, лежа въ постели. Во снѣ представятся тебѣ страшныя видѣнія. По сходству привидѣній съ варварами, имѣющими обросшія лица, растрепанные волосы, воображеніе перейдетъ отъ нихъ къ войнѣ, отъ войны къ пожару, отъ пожара ко многимъ другимъ страшнымъ изображеніямъ, которыя оно соединяетъ, или раздѣляетъ смотря по сходству.

Философы полагаютъ слѣдующее различіе между *сновидѣніемъ* (somnium), *сномъ* (somnum) *и бодрствованіемъ* (vigilias). Когда душа наша находится въ такомъ состояніи, въ которомъ внѣшніе предметы дѣйствуютъ на чувственныя орудія; тогда мы *бодрствуемъ*. Сномъ называется такое состояніе, въ которомъ душа ничего ясно не чувствуетъ, и ничего ясно не воображаетъ. И такъ *сновидѣніе* есть среднее состояніе между сномъ и бодрствованіемъ.

ГЛАВА VI.

О памяти и воспоминаніи.

§ 194. Какимъ образомъ чувствованіе и воображеніе различны между собою; такъ и память отличается отъ обѣихъ сихъ способностей, хотя часто смѣшиваютъ оную съ воображеніемъ.

§ 195. Чувствованію подлежатъ настоящіе предметы [§ 184]; воображенію представляются понятія о вещахъ, прежде видѣнныхъ [§ 188]; а *память* признаетъ, что понятія, вновь представляемыя воображеніемъ, суть тѣже самыя, которыя мы прежде имѣли.

Дабы яснѣе понять различіе между сими способностями, я представлю въ примѣръ Сципіона, котораго Цицеронъ приводитъ говорящимъ въ сочиненіи: *сновидѣніе Сципіона.* Цицеронъ видѣлъ Сципіона, когда сей еще былъ живъ [вотъ чувствованіе!]; когда же Сципіонъ умеръ, явился ему во снѣ [вотъ воображеніе!]. Наконецъ когда представился ему образъ Сципіона, онъ узналъ, что сей образъ былъ точно Сципіоновъ, котораго онъ въ жизни видѣлъ [вотъ память!]. *Узнавъ его, я почувствовалъ страхъ*, говоритъ Цицеронъ. Циц. сновид. Сцип. глав. I.

Квинтиліанъ полагаетъ совершенство памяти въ сихъ двухъ дѣйствіяхъ: *чтобы скоро перенимала и твердо хранила замѣченное.* Наставл. Риторъ. кн. I. глав. 3. Цицеронъ называетъ память сокровищницею,

вѣрно сохраняющею и мысли и слова наши. Объ Орат. I. 5.

§ 196. Слѣдующія положенія касательно памяти основаны на опытѣ:

I. Память укрѣпляется частымъ упражненіемъ, и мы легко сохраняемъ въ памяти тѣ предметы, о которыхъ много и долго размышляли.

Справедливо Цицеронъ сказалъ: Безъ упражненія память слабѣетъ. О старости. гл. 7. Также Квинтиліанъ: Память укрѣпляется и увеличивается частымъ упражненіемъ. Наставл. Ритор. кн. I. гл. I.

Плиній о способѣ своихъ занятій говоритъ слѣдующее: *То, что уже я написалъ, часто повторяю, и такимъ образомъ трезъ частое повтореніе утверждаю въ памяти.* Кн. IX. пис. 40.

II. Подробныя понятія удобнѣе запечатлѣваются въ памяти, нежели темныя и сбивчивыя.

III. Совершенство хорошей памяти познается: когда кто 1) *много* помнитъ, 2) *скоро* и *легко* замѣчаетъ, и наконецъ 3) *долго* хранитъ въ памяти замѣченное.

Древніе удивлялись памяти Ѳемистокла, который, по свидѣтельству Цицерона, зналъ имена всѣхъ гражданъ, и болѣе желалъ имѣть искусство забывать, нежели помнить. Объ Орат. кн. II. гл. 86.

Объ удивительной силѣ памяти, которую во многихъ случаяхъ показалъ Симонидъ, изобрѣтшій, какъ говорятъ, науку памяти, читай Риторическія Наставленія Квинтиліана, стр. 980. издан. Бурман.

§ 197. Дабы знать, чѣмъ различается память отъ *воспоминанія*, должно замѣтить слѣдующее:

I. Часто случается, что понятіе, возобновляемое воображеніемъ, бываетъ темно и вовсе почти забыто по причинѣ давняго времени, или по другимъ какимъ либо обстоятельствамъ.

II. Сіе темное понятіе мы дѣлаемъ часто яснымъ, а нерѣдко даже подробнымъ понятіемъ.

III. Сіе дѣлается посредствомъ нѣкоторыхъ примѣтъ и признаковъ, которые представляетъ намъ время и мѣсто.

IV. Таковое - то дѣйствіе именуется *воспоминаніемъ*. И такъ *воспоминаніе* есть способность нашего ума узнавать, помощію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, свои прежнія понятія и темныя идеи превращать въ ясныя.

Люди, занимающіеся Исторіею, часто испытываютъ на себѣ, что нѣкоторыя имена весьма знакомыя такъ выходятъ изъ памяти, что, сколько бы ни старалися вспомнить оныя, никакъ не могутъ. Но то самое имя, которое казалось совсѣмъ забыто, сверхъ чаянія приходитъ на умъ; и сіе бываетъ или посредствомъ другихъ словъ, подобныхъ произношеніемъ, или посредствомъ другихъ обстоятельствъ, которыхъ всѣхъ исчислить здѣсь не возможно.

§ 198. Памяти противополагается *забвеніе*, которое называется неспособностію души вновь представить то понятіе, которое мы прежде имѣли.

ГЛАВА VII.

О высшихъ дѣйствіяхъ познавательной способности, или о вниманіи и размышленіи.

§ 199. Выше я предлагалъ о низшихъ способностяхъ души, общихъ человѣку съ прочими животными: теперь остается еще сказать о тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя принадлежатъ ему одному преимущественно передъ прочими животными.

§ 200. И такъ прежде всего объясню свойство *вниманія*. *Вниманіемъ* называется то дѣйствіе души, чрезъ которое она болѣе обращаетъ мысли на одинъ предметъ, нежели на другіе, находящіеся совокупно.

Читая повѣствованіе Ливія о Тарквиніи, и обращая вниманіе на злодѣянія его, забываемъ все прочее. Удаливъ постороннія размышленія, занимаемся тѣмъ однимъ, чтобы имѣть точное свѣденіе о дѣлахъ, преступленіяхъ и участи Тарквинія. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ вниманіе къ повѣсти Ливія, или, что все равно, болѣе занимаемся повѣствованіемъ его, нежели другими предметами.

§ 201. О вниманіи должно замѣтить слѣдующее:

1. Вниманіе тѣмъ большую имѣетъ силу, чѣмъ долговременнѣе можетъ кто либо продолжать размышленіе и заниматься однимъ предметомъ до тѣхъ поръ, пока не разсмотритъ и не изслѣдуетъ подробно всѣхъ частей онаго.

Сенека во второмъ письмѣ утверждаетъ, что ничто столько не вредитъ вниманію и усовершенствованію наукъ, какъ легкомысліе нѣкоторыхъ людей, которые все дѣлаютъ поспѣшно и поверхностно.

II. Тѣмъ большаго удивленія достойно вниманіе; чѣмъ большимъ числомъ предметовъ можетъ заниматься въ одно и тоже время.

Исторія говоритъ о Юліѣ Цезарѣ, что онъ въ одно и тоже время могъ диктовать многія письма разнаго содержанія, писать самъ и разговаривать сверхъ того съ друзьями о политикѣ и о войнѣ.

III. Величайшимъ вниманіемъ владѣетъ тотъ, кто среди многолюдства и шума такъ владѣетъ имъ, занимаясь важными предметами, что вовсе не замѣчаетъ посторонннихъ вещей, сильно дѣйствующихъ на его чувства.

Подобную силу вниманія имѣлъ Архимедъ, о которомъ Ливій пишетъ слѣдующее: *Архимедъ, среди сего шума, который произошелъ, по взятіи города Сиракузъ, расхищаемаго воинами, имѣлъ вперенный умъ въ математическія чертежи, написанные имъ на пескѣ и былъ убитъ однимъ Римлянином не знавшимъ, кто таковъ былъ сей великій мужъ.* Кн. XXV. гл. 31.

Въ другомъ мѣстѣ Ливій пишетъ о воинахъ, сражавшихся съ великимъ остервененіемъ, слѣдующее: Такимъ жаромъ сердца были воспламенены, мысли такъ были заняты сраженіемъ, что ниодинъ воинъ не за-

мѣшалъ сильнаго землетрясенія, которое въ то время разрушило многіе города въ Италіи, перемѣнило быстрое теченіе рѣкъ, обрушило горы съ великимъ трескомъ. Кн. XXII. гл. 5.

IV. Между многими средствами, способствующими къ усовершенствованію вниманія, первымъ почитается частое упражненіе, состоящее въ томъ, чтобы постепенно пріучаться отвлекать умъ отъ внѣшнихъ предметовъ и занимать оный разсматриваніемъ предметовъ отвлеченныхъ, не подлежащихъ чувствамъ.

V. Вниманіе нарушается и уменьшается дѣйствіями чувствъ и воображенія, которыя неясно представляютъ намъ внѣшніе предметы.

Всякъ знаетъ изъ опыта, что предметы, съ чрезмѣрною силою дѣйствующіе или на глаза, или на слухъ, или на воображеніе, уменьшаютъ силу вниманія.

§ 202. Когда разсматриваемъ со вниманіемъ части какого нибудь предмета; тогда сіе вниманіе, чрезъ всѣ части онаго продолженное, называется *размышленіемъ*.

ГЛАВА VIII.

О умѣ, остроуміи и разумѣ.

§ 203. Многіе понимаютъ подъ словомъ: *умъ* (intellectus) всякую способность познавательную; и потому въ названіи ума заключаютъ чувства и воображеніе. Но соображаясь съ употребленіемъ языка, мы дол-

жны ограничить нѣсколько тѣснѣйшими предѣлами значеніе сего слова.

§ 204. Говорится обыкновенно, что мы иногда разумѣемъ какую нибудь вещь; когда ясно и подробно понимаемъ оную. И такъ умъ есть способность *подробно понимать* вещи.

Римскіе писатели чаще употребляютъ слово: *разумъ*, нежели слово: *умъ*. Различіе между разумомъ и умомъ заключается въ томъ, что помощію ума мы понимаемъ свойства и примѣты вещей, а разумомъ познаемъ причины ихъ существованія.

§ 205. Изъ опредѣленія ума происшекаютъ слѣдующія аксіомы.

I Чѣмъ болѣе предметовъ кто либо можетъ подробно представить себѣ; тѣмъ большимъ онъ одаренъ умомъ.

II. Чѣмъ подробнѣе кто либо представляетъ себѣ вещи; тѣмъ совершеннѣе умъ его.

III. И такъ совершеннѣйшимъ умомъ одаренъ тотъ; кто 1. всѣ возможныя вещи, 2. весьма подробно, 3. совокупно и вдругъ представляетъ себѣ.

IV. Предметы, подлежащіе чувствамъ, ясно и подробно не могутъ быть познаны. Лог. § 36. Слѣдовательно дѣло ума занимается подробнымъ составленіемъ и образованіемъ общихъ и отвлеченныхъ понятій (§ 52. Лог.).

Дабы видѣть Кая *сердитымъ*, для сего не требуется ничего кромѣ чувствъ; но дабы знать, что значитъ *гнѣвъ*, для сего нуженъ умъ.

§ 206. Опытъ свидѣтельствуетъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ представлять себѣ предметовъ, не примѣшивая къ понятіямъ своимъ чего либо вещественнаго и чувственнаго, хотябы сіи предметы сами по себѣ не имѣли ничего чувственнаго и вещественнаго. Слѣдовательно человѣкъ не можетъ имѣть ума *совершенно чистаго* до тѣхъ поръ, пока будетъ находишься въ узахъ тѣлесныхъ.

Умъ *совершенно чистый* есть тотъ, который такъ подробно представляетъ намъ предметы, что мысли наши ничего не имѣютъ въ себѣ вещественнаго, заимствованнаго отъ чувствъ и воображенія. *Несовершенно чистый* умъ называется тотъ, который хотя подробно представляетъ предметы, но такимъ образомъ, что многія вещественныя изображенія и неясныя представленія присоединяются къ мыслямъ, почерпаемымъ чувствами и воображеніемъ. Чистый умъ можно уподобить свѣтлому небу, которое, когда исчезнетъ мракъ и солнце разольетъ лучи свои, *веселится*, какъ говоритъ Лукрецій. Но когда облака закрываютъ отъ насъ небесную лазурь; тогда солнце хотя и проницаетъ сквозь оныя; но полнаго сіянія не разливаетъ. Сей картинѣ природы можно подобить умъ несовершенно чистый.

§ 207. Дѣйствія ума объяснены пространно въ Логикѣ. Въ оной сказано, что умъ составляетъ подробныя понятія, судитъ и дѣлаетъ умозаключенія.

§ 208. Чувствами познаемъ вещи присутствующія; и сіе познаніе называется *чувственнымъ* (intuitiva), или *опытнымъ*. Но умъ занимается познаніемъ общихъ понятій и подробнымъ составленіемъ оныхъ: что не иначе быть можетъ, какъ только посредствомъ словъ; почему и называется сіе познаніе *знаменовательнымъ* (symbolica), и оно принадлежитъ одному уму.

Землю и деревья мы познаемъ чувствами. Сіе познаніе называется чувственнымъ, и не требуетъ напряженій ума. Но желая знать, что значитъ *надежда*, что *совѣсть*, что *любовь*, что *зависть*, не иначе можемъ ясно представить себѣ сіи отвлеченныя понятія, какъ только помощію словъ: въ чемъ самомъ и заключается познаніе знаменовательное, которое весьма тѣсно соединено съ умомъ.

§ 209. Уму приписываемъ совершенство, когда ясно познаетъ многія вещи, проницаетъ въ свойства оныхъ и отличаетъ примѣты, которыми одна вещь отъ другой различается. Въ такомъ случаѣ мы называемъ умъ *глубокомысленнымъ* (acumen). *Глубокомысленность* ума есть способность различать въ одной вещи многія свойства.

Когда писатель предлагаетъ правила о совѣсти такъ, что всѣ дѣйствія и свойства оной подробно объясняетъ, и самыхъ малѣйшихъ обстоятельствъ не оставляетъ безъ вниманія: тогда обыкновенно говоримъ о такомъ писателѣ, что онъ глубокомысленно объяснилъ правила.

§ 210. Выше я говорилъ объ умѣ; теперь разсмотримъ, какія свойства имѣетъ Остроуміе (ingenium). Остроуміе есть способность усматривать подобія вещей.

Подъ словомъ: *Остроуміе* (Геній, ingenium), разумѣются по большей части всѣ силы и способности души человѣческой, какъ-то: память, воображеніе, разсудокъ, умъ и разумъ. Но употребленіе языка требуетъ ограничить значеніе сего слова. Уже древніе писатели полагали различіе между остроуміемъ, памятью и разсудкомъ. Плиній говоритъ: *Они оба имѣли твердую память, острый умъ и здравый разсудокъ.* Кн. V. II.

Дабы удобнѣе можно было судить: правильно ли опредѣлено мною остроуміе способностію усматривать подобія вещей, я предложу примѣры изъ древнихъ писателей. Изреченія ихъ потому остроумны, что представляютъ сравненіе многихъ предметовъ и содержатъ подобія. Слѣдующія слова Теренція не показываютъ ли остроумія: *Жизнь человѣческая подобна игрѣ въ кости. Въ чемъ нуждаемся, то не выпадаетъ, а что по случаю выпало, то поправить должно искуствомъ.* Адельф. дѣй. IV. явл. 7. 21. Смотри прекрасное замѣчаніе Вестерговія на сіе мѣсто.

Къ Остроумію нѣкоторые относятъ 1) *всѣ забавныя повѣсти и вымыслы*, которыми исполнены сочиненія древнихъ писателей, такъ какъ и мѣлкія произведенія Французскихъ авторовъ въ наши време-

на. Мнѣ особенно нравится пріятностію остроумія Свифтъ въ сочиненіи сатиръ и повѣстей.

2] *Къ Остроумію относятся всѣ краткія забавныя и остроумныя изрѣченія* [называемыя Французами bomo], также *всѣ разительные и неожиданные отвѣты*, которыми отличаются сочиненія древнихъ. Извѣстно изъ Исторіи, что Александръ Великій дошелъ до такого безумія, что велѣлъ именовать и чтить себя сыномъ Юпитера. Когда онъ въ письмѣ къ своей матери Олимпіадѣ написалъ: *Царь Александръ, сынъ Юпитера Аммона, матери Олимпіадѣ здравія желаетъ;* — тогда Олимпіада отвѣчала ему на сіи слова: *Прошу тебя, любезный сынъ, пощадить меня: не раздражай противъ меня Юноны. Она мнѣ надѣлаетъ много бѣдъ, если ты въ письмахъ своихъ будешь называть меня ея соперницею.* Смот. Гелл. ноч. Аттич. XIII. гл. 4. Здѣсь можно привесть въ примѣръ весь забавный отвѣтъ Аздрубала, находящійся у Лив. въ Кн. XXX. гл. 42. также отвѣтъ Гіемпсала Югуртѣ у Салл. въ войн. Югурт. гл. 2.

§ 211. И такъ *Остроумнымъ* называется тотъ, который можетъ легко примѣчать сходства и подобія предметовъ.

Стихотворцы поставляютъ единственною цѣлію сочиненій то, дабы съ пріятностію занять читателей забавными изображеніями подобій въ вещахъ. Горацій, Виргилій, Овидій, повѣствуя происшествія, украшаютъ разсказъ подобіями, какъ бы нѣкоторыми драго-

цѣнными перлами. Горацій въ Кн. IV. Од. 14. остроумно прославляетъ знаменитые подвиги Друза и его нападеніе на непріятелей, уподобляя оное стремленію бури и разлитію водъ Авфида. Овидій сравниваетъ вѣроломныхъ друзей съ голубями, которые любятъ садиться только на чистыхъ кровляхъ.

§ 212. Я приступаю теперь къ главной и самой благородной способности души человѣческой, то есть, *къ Разуму*, которымъ однимъ только человѣкъ превосходитъ прочихъ животныхъ, и котораго драгоцѣнѣе ничто не могло быть дано человѣческому роду. *Разумъ* есть способность души нашей подробно познавать связь общихъ истинъ.

Многіе писатели, а особливо Богословы, охуждаютъ разумъ; но если они охуждаютъ разумъ; то не знаю: что они похвалить могутъ. Всѣ почти сіи писатели, уничижающіе разумъ, не то понимаютъ подъ именемъ разума, что понимать должно; они называютъ разумомъ или принятые предразсудки, или страсти, или обманчивыя мечты воображенія. Почему большую часть споровъ, происшедшихъ о разумѣ въ наше время, можно по справедливости отнесть къ пустымъ словопреніямъ. Мое опредѣленіе разума основывается на общемъ употребленіи языка. Какого человѣка мы называемъ ведущимъ жизнь согласно съ разумомъ? Не того ли, кто ясно представляетъ въ мысляхъ и соображаетъ будущія слѣдствія своихъ дѣйствій, будущее счастіе и несчастіе? Но тотъ не слѣдуетъ внушенію разума, кто,

какъ говоритъ Теренцій, *видитъ только одно лежащее предъ глазами, а что впередъ будетъ, о томъ не думаетъ.* Цицеронъ говоритъ: Долгъ благоразумнаго Консула, а потому и всякаго благоразумнаго мужа, живущаго сообразно съ умомъ, не только видѣть настоящее, но и предусматривать будущее. Рѣчь за Мур. гл. 2.

Съ симъ моимъ опредѣленіемъ согласны слова Цицерона, которыми онъ описываетъ разумъ: *Разумомъ человѣкъ предусматриваетъ слѣдствія, постигаетъ причины вещей, познаетъ дѣйствія сихъ причинъ, сравниваетъ подобія, соединяетъ мыслію настоящія происшествія съ будущими.* Кн. I. О дол. гл. 4. Сіе показываетъ, что разумъ есть не что иное, какъ способность подробно узнавать связь вещей и истинъ.

§ 213. Къ объясненію существенныхъ свойствъ разума много могутъ способствовать слѣдующія положенія:

I. Всякій человѣкъ шѣмъ высшею одаренъ силою разума, чѣмъ далѣе можетъ проникать въ связь истинъ.

Если кто твердо знаетъ правила Философіи, много занимался истинами, содержащимися въ какой либо системѣ и связь многихъ предложеній такъ усматриваетъ, что опредѣлить можетъ, въ какомъ соотношеніи находится послѣднее предложеніе съ первымъ: таковый конечно лучше образовалъ разумъ свой, нежели тотъ ученикъ, который едва понимаетъ съ великимъ трудомъ связь немногихъ предложеній.

II. Гдѣ нѣтъ никакой связи истинъ; тамъ нѣтъ никакихъ дѣйствій разума.

Слѣдовательно напрасно спорятъ о разумѣ животныхъ, которыя слѣдуютъ однимъ чувствамъ, видятъ одно настоящее и къ нему стремятся, а о будущемъ нимало не помышляютъ. Изъ сего также можно видѣть: почему опытъ и чувства противополагаются разуму; ибо чувствами и опытомъ мы постигаемъ настоящее, а помощію разума познаемъ изъ настоящаго будущее.

III. Истины, находящіяся въ такой связи, что одна изъ другой непосредственно проистекаютъ, доказываютъ дѣйствіе *разума въ внѣшнихъ предметахъ* (ratio objectiva). Способность познавать сіи истины называется *разумомъ, или внутреннею способностію души* (ratio subjectiva).

Лейбницъ опредѣляетъ относительно къ предметамъ разумъ *цѣлію истинъ*.

IV. Когда мы постигаемъ связь доказательствъ и умозаключеній такимъ образомъ, что къ познанію оныхъ ненужны чувства и опытъ; тогда разумъ называется *чистымъ*: когда же бываетъ противное тому; называется *нечистымъ*.

V. Изъ сего видѣть можно, что та истина *согласна съ разумомъ*, которая имѣетъ связь съ прочими истинами. *Несогласною съ разумомъ* называется та истина, которая противна связи прочихъ истинъ.

На прим. сіе предложеніе: *чудеса возможны*, согласно съ разумомъ. Ибо оно находится въ связи съ

другими истинами, которыя основаны на разумѣ. *Законы движенія могутъ остановлены быть. Союзъ вещей есть случайный.* Также: *Богъ всемогущъ*: сіи предложенія согласны съ разумомъ. Но слѣдующее предложеніе: *Душа человѣческая смертна*, несогласно съ разумомъ. Ибо оно противно другимъ предложеніямъ: *Душа есть существо простое; существо простое разрушиться не можетъ.*

VI. Если будемъ разсматривать разумъ съ такой стороны и въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ въ моемъ опредѣленіи; то никакъ не можно почитать его источникомъ заблужденій.

Ибо разумъ занимается единственно изслѣдованіемъ истинъ и имѣетъ цѣлію разсмотрѣть: какимъ образомъ одна истина соединена съ другою. Погрѣшности и ошибки происходятъ отъ воображенія, поспѣшности въ сужденіяхъ и предразсудковъ. Справедливо говоритъ Манилій: *Разумъ и не обманывается и не обманываетъ никогда.* Кн. 2. Астроном.

§ 214. Теперь слѣдуетъ объяснить, что мы разумѣемъ подъ *соображеніемъ разума* (analogia rationis). Сіе слово часто употребляли схоластики; но они не соединяли съ нимъ никакого понятія, или говорили о семъ весьма сбивчиво. *Соображеніемъ разума* называется сравненіе подобныхъ случаевъ.

§ 215. Дабы понять, въ чемъ состоитъ сравненіе подобныхъ случаевъ, должно замѣтить слѣдующее. Сравнивающіе подобные случаи слѣдуютъ по большей части сему закону въ своихъ сужденіяхъ:

*

Гдѣ бываютъ тѣже причины и тѣже самыя обстоятельства, какія прежде были; тамъ необходимо должно послѣдовать тоже самое происшествіе, какое прежде послѣдовало за оными причинами и обстоятельствами;

Но въ настоящемъ случаѣ тѣже самыя причины и обстоятельства находятся:

Слѣдовательно и нынѣ необходимо должно послѣдовать тоже дѣйствіе и тоже происшествіе, какія прежде послѣдовали за сими причинами и обстоятельствами. На прим. Политики обыкновенно предсказываютъ судьбу государствъ, ихъ паденіе и возвышеніе, сравнивая внимательно настоящія обстоятельства съ тѣми, которыя прежде или предшествовали, или послѣдовали паденію и возвышенію государствъ: отъ подобныхъ причинъ ожидаютъ подобнаго приключенія.

§ 216. При сравненіи подобныхъ случаевъ нужно:

1] Замѣчать нѣкоторыя обстоятельства настоящія: что помощію чувствъ дѣлается.

2] При настоящихъ обстоятельствахъ *воображеніе* должно представить подобныя обстоятельства прошедшія.

3] *Память* должна признать, что и нынѣ тѣже обстоятельства находятся, какія прежде были.

§ 217. Сравненіе подобныхъ случаевъ основывается на чувствахъ, воображеніи и памяти (§ 216). Слѣдовательно 1] оно можетъ быть и безъ помощи ра-

зума; 2) сравнивающіе подобные случаи часто могутъ обманываться, и дѣйствительно и обманываются.

Здѣсь можно привести слѣдующія слова Теренція: *Часто дѣлаютъ два человѣка одну погрѣшность. Изъ нихъ одному она извинительна, другому неизвинительна; не потому что различна погрѣшность, но потому что различны люди, сдѣлавшіе оную.* Адельф. дѣйст. V. Явл. 3.

ГЛАВА IX.

О способности желать и о низшихъ дѣйствіяхъ оной.

§ 218. Выше я говорилъ о способности познанія: нынѣ слѣдуетъ объяснить способность желанія и отвращенія.

Со всякимъ желаніемъ тѣсно соединено удовольствіе, а съ отвращеніемъ неудовольствіе; почему нужно объяснить прежде: что значитъ удовольствіе и неудовольствіе.

§ 219. *Удовольствіемъ* въ обширномъ смыслѣ можно назвать пріятное чувствованіе; и въ семъ смыслѣ справедливо опредѣляютъ *удовольствіе* чувствованіемъ совершенства.

Сіе опредѣленіе удовольствія основано на опытѣ. Успѣвая въ наукахъ ежедневно болѣе, или видя садъ украшенный цвѣтами, почему мы чувствуемъ тогда удовольствіе? не потому ли, что здѣсь видимъ совершенства? Плиній съ величайшимъ удовольствіемъ ви-

шетъ къ Тациту, узнавъ, что всѣ прославляютъ его имя. *Я не могу*, говоритъ онъ, *изъяснить той радости, которую чувствую, узнавъ, что имена наши сдѣлались какъ будто собственными именами наукъ, а не лицъ, и что мы оба* [то есть, Плиній и Тацитъ] *извѣстны по сочиненіямъ даже для тѣхъ, которые не знаютъ насъ лично.*

Сіе опредѣленіе удовольствія весьма хорошо объясняютъ письмо 7. кн. III. также письмо 4. кн. VII. Какимъ образомъ опредѣляетъ Цицеронъ удовольствіе, читай въ Лог. § 67. пол. XI.

§ 220. Изъ опредѣленія предложеннаго мною проистекаютъ многія истины, которыя объясняются какъ въ правоучительной Философіи, такъ и въ Богословіи. Здѣсь должно замѣтить слѣдующія аксіомы:

I. Тѣмъ бо́льшее и сильнѣйшее ощущаемъ удовольствіе, чѣмъ болѣе видимъ совершенствъ.

Если отецъ видитъ хорошія дарованія въ сынѣ, если примѣчаетъ въ немъ сильную любовь къ наукамъ, если усматриваетъ въ немъ, съ умноженіемъ лѣтъ, умножающуюся мудрость, если наконецъ сынъ его восходитъ на высокую степень достоинства: тогда можетъ ли что сравниться съ удовольствіемъ, которое отецъ чувствуетъ?

II. Удовольствіе тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ подробнѣе можемъ судить о совершенствахъ, и чѣмъ живѣе представляемъ оныя въ умѣ своемъ.

Живописецъ, видя прекрасную картину, стихотворецъ, читая живые и пламенные стихи, бо́льшее чув-

ствуютъ удовольствіе, нежели кто нибудь другой, не имѣющій понятія о сихъ предметахъ.

III. Чѣмъ болѣе мы бываемъ увѣрены, что предметы, почитаемые совершенными, дѣйствительно совершенны; тѣмъ сильнѣе бываетъ удовольствіе.

IV. Удовольствіе продолжается до тѣхъ поръ, пока находимъ совершенства въ той вещи, которая производитъ удовольствіе. Но если чувствованіе совершенства прекращается; то и удовольствіе тотчасъ исчезаетъ.

V. Если совершенство бываетъ истинное; если сужденіе объ ономъ вѣрно и постоянно: то и удовольствіе, происшекающее отъ онаго, бываетъ *истинное*, *постоянное*, *чистое* и ни съ какимъ огорченіемъ несопряженное. Но если совершенство есть мнимое и наружное, или мнѣніе объ ономъ перемѣняется: то и удовольствіе бываетъ *кратковременно*, перемѣняется въ горесть и оставляетъ послѣ себя часто причины къ сожалѣнію и раскаянію.

Удовольствіе, раждаемое любовію къ добродѣтели, есть истинное и постоянное; но удовольствіе, происшекающее отъ пороковъ, хотя сильно дѣйствуетъ на чувства и услаждаетъ оныя, однако утомляетъ душу и раждаетъ скуку. Справедливо говоритъ Боецій о мнимомъ удовольствіи:

„Всякое чувственное удовольствіе оставляетъ по „себѣ раскаяніе. Какъ легкокрылыя пчелы, испивъ сладкій „сокъ изъ цвѣтка, отлетаютъ: такъ сіе удовольствіе,

„плѣнивъ сладостію своею, оставляетъ насъ съ язвою „въ сердцѣ.

§ 221. Что сказано о удовольствіи, тоже самое можно примѣнить въ противоположномъ отношеніи къ неудовольствію. Неудовольствіе [taedium] есть чувствованіе несовершенства.

По какой причинѣ мы чувствуемъ неудовольствіе, узнавъ, что клеветники очерняютъ наше имя? не потому ли, что уменьшеніе уваженія почитаемъ несовершенствомъ?

§ 222. Неудовольствіе возрастаетъ и увеличивается:

1. Отъ живаго представленія въ воображеніи несовершенствъ;

2. Отъ множества несовершенствъ;

3. Отъ увѣренности въ дѣйствительности несовершенствъ.

§ 223. Неудовольствіе такъ, какъ и удовольствіе, бываетъ или *истинное и продолжительное*, или *мнимое и кратковременное*. Сіе послѣднее можетъ легко прекратиться и часто вознаграждается удовольствіемъ; а первое долго остается въ сердцѣ и не оставляетъ никакихъ причинъ къ радости.

§ 224. Съ неудовольствіемъ сопредѣльна грусть [dolor], которой причиною бываетъ разстроенное теченіе жизненныхъ соковъ въ тѣлѣ нашемъ. На прим. если разрѣжимъ нервы и жилы; то отъ разстроеннаго теченія крови и жизненныхъ соковъ происходитъ боль и грусть.

§ 225. *Желаніе* бываетъ слѣдствіемъ понятія о *добрѣ*: почему прежде объясню, что есть добро и

какіе бываютъ виды онаго; а послѣ приступлю къ подробному объясненію желанія.

§ 226. *Добромъ* называется то, что дѣлаетъ насъ и наше состояніе совершенными, или что согласно съ нашею цѣлію; а *зломъ* называется то, что дѣлаетъ насъ и состояніе наше несовершенными.

Богатство можетъ почесться добромъ, если оно умножаетъ счастіе своего обладателя, составляющее цѣль дѣйствій его: въ противномъ случаѣ оно можетъ быть зломъ, если препятствуетъ его благополучію, или нарушаетъ оное. Теренцій говоритъ:

„Что можетъ быть пріятнѣе для человѣка, какъ „родители, друзья, благополучіе отечества, знатная „порода, богатство? Но все сіе можетъ составить „благополучіе того, кто умѣетъ тѣмъ пользоваться, „а для того безполезно, кто не умѣетъ наслаждать„ся сими благами. Геавт. I. 2. 16.

§ 227. Добро составляетъ наше совершенство [§ 226]; а совершенство бываетъ или истинное, или мнимое: слѣдовательно и добро есть или *истинное*, которое всегда бываетъ добромъ, или *мнимое*, которое только кажется добромъ, а въ самомъ дѣлѣ есть зло. Тоже самое сказать можно и о злѣ.

§ 228. То добро, которое болѣе совершенствъ приноситъ, называется *бо́льшимъ добромъ*; а то, которое менѣе, *меньшимъ*. *Меньшее добро* въ сравненіи съ бо́льшимъ, почитается зломъ. Напротивъ *меньшее зло* можетъ почесться добромъ, если будемъ сравнивать оное съ зломъ бо́льшимъ.

Богатство можетъ почесться добромъ меньшимъ въ сравненіи съ добродѣтелію, которую одну только должно признавать истиннымъ добромъ. Цицеронъ говоритъ: *Я почитаю истиннымъ добромъ одну честность, справедливость и добродѣтель.* Парад. I.

§ 229. Все, что выше сказано о добрѣ и злѣ, объ удовольствіи и неудовольствіи открываетъ намъ путь къ лучшему и подробнѣйшему объясненію желанія и отвращенія. Если мы почитаемъ что нибудь добромъ, то чувствуемъ стремленіе къ сему добру. Сіе стремленіе къ почитаемому добру называется *желаніемъ* (appetitus). Самая же сила души нашей, стремящаяся къ сему добру, именуется *способностію желанія*, или иначе *волею.*

Слово: *стремленіе*, какъ несобственное и переносное реченіе, нѣсколько можетъ показаться непонятнымъ. Почему я опредѣлю такъ: *Стремленіе* есть влеченіе души человѣческой произвесть какое нибудь чувствованіе. Больной, одержимый сильною горячкою, жаждетъ воды и вина, и чувствуетъ сильное влеченіе къ онымъ: такое влеченіе называется *стремленіемъ.* Я называю вообще способностію желанія то, что древніе называли *волею*; ибо воля есть то желаніе, которое происходитъ отъ подробныхъ и ясныхъ представленій разума.

§ 230. О желаніи должно замѣтить слѣдующее:

1. Мы желаемъ только того, что почитаемъ добромъ.

Цицеронъ говоритъ такъ: *Когда представится глазамъ нашимъ какой нибудь предметъ, который кажется для насъ добромъ, то сама натура влечетъ насъ къ пріобрѣтенію онаго.* Туск. вопр. кн. IV. глав 6. Сіе предложеніе содержитъ законъ желанія, который подтверждается самымъ опытомъ. Ибо хотя мы часто стремимся желаніемъ къ худому и вредному; но сіе худое и вредное мы почитаемъ добромъ, обманываясь, какъ говоритъ Горацій, наружнымъ видомъ онаго.

II. Съ желаніемъ нераздѣльно удовольствіе.

Мы желаемъ только того, что почитаемъ добромъ, или въ чемъ видимъ для себя совершенство: слѣдовательно чувствованіе совершенства, или удовольствіе соединено съ желаніемъ.

III. Мы ничего не можемъ желать *безъ побудительныхъ причинъ* (sine motivis).

Мы можемъ желать того только, что почитаемъ добромъ [пол. 1]. Но представленіе добра, которое, какъ довольная и главная причина, движетъ человѣка и возбуждаетъ желаніе, называется побудительною причиною. И такъ явствуетъ, что желаніе не можетъ быть безъ побудительныхъ причинъ; равно какъ никто не можетъ быть безъ довольной причины.

IV. Желаніе увеличивается и дѣлается сильнѣе, когда побудительныя причины къ желанію умножаются.

Слѣдовательно чѣмъ бо́льшее и совершеннѣйшее добро занимаетъ наши мысли, чѣмъ мы сильнѣе увѣре-

ны въ томъ, что сіе добро составляетъ наше счастіе; тѣмъ сильнѣе чувствуемъ желаніе получить оное.

V. Желаніе бываетъ или *чувственное*, или *разумное*.

Мы представляемъ добро или помощію чувствъ, или помощію разума: отсюда происходящее желаніе называется или чувственнымъ, или разумнымъ. Страждущій сильною горячкою часто желаетъ выпить вина, которое, по мнѣнію лекаря, ему вредно. Но почему больной желаетъ онаго? потому что оно пріятно для вкуса: вотъ *чувственное желаніе*! Но кто употребляетъ лекарство, зная, что оно полезно для возстановленія его здоровья, хотя оно весьма горько и непріятно для вкуса, тотъ имѣетъ *желаніе разумное*. О желаніи разумномъ и чувственномъ говоритъ Цицеронъ слѣдующе: *Волею* [т. е. разумнымъ желаніемъ) *называется стремленіе къ тому, что согласно съ разумомъ; желаніе же противное разуму называется прихотію* [желаніемъ чувственнымъ], *или необузданною страстію свойственною всѣмъ безразсуднымъ людямъ*. Туск. вопр. IV. 6. Съ удовольствіемъ можно прочесть при семъ случаѣ письмо Плинія I. кн. VII. Памфилъ въ комедіи Теренція, на убѣжденія женишься отвѣчаетъ:

Я очень желаю и едва могу удержаться [вотъ желаніе чувственное]; *но хочу исполнить совѣтъ и послѣдовать обыкновенію* [вотъ желаніе разумное].

VI. Чувственное желаніе стремится къ тому, что пріятно льститъ чувствамъ.

Сіе желаніе происходитъ отъ темныхъ чувственныхъ представленій; и потому оно стремится къ тому, что для чувствъ пріятно. Но чувствами только что постигаемъ, что находится вблизи и предъ глазами; слѣдовательно люди, водимые чувствами и увлекаемые чувственнымъ желаніемъ, измѣряютъ свое счастіе настоящимъ наслажденіемъ чувствъ.

VII. Чувственное желаніе возрастаетъ и сильнѣе привлекаетъ душу къ тому, что почитается добромъ, естьли 1] чувства неясно, но сильно представляютъ много добра въ какомъ нибудь предметѣ; 2] если предметъ многократно уже плѣнялъ чувства и воображеніе; притомъ сильнѣе бываетъ желаніе тѣхъ, которые привыкли повиноваться чувствамъ.

§ 231. Что сказано о желаніи, тоже самое въ противоположномъ отношеніи можно примѣнить къ объясненію *отвращенія*. *Отвращеніе* есть уклоненіе отъ зла представляемаго въ умѣ. Сіе представленіе зла есть побудительная причина къ отвращенію. Мы познаемъ зло или *чувствами*, или *разумомъ*; почему и отвращеніе бываетъ или *чувственное*, или *разумное*.

Въ письмѣ Плинія Генишоръ жалуется, что ужинъ, впрочемъ весьма великолѣпный, былъ скученъ для него: вотъ *отвращеніе!* Разсмотримъ побудительныя причины: ибо *при столѣ бѣгали шуты, комедіанты, скоморохи*. Кн. IV. пис. 17. Въ комедіи Теренція старикъ чувствовалъ *отвращеніе* къ женидьбѣ, къ которой былъ принуждаемъ. Побудительныя причины

онъ представляетъ слѣдующія: *Жениться мнѣ непристойно, несносно, предосудительно, несообразно съ моими лѣтами.* Адельф. V. 8. стр. 21.

Наконецъ должно замѣтить, что хотя всегда бываютъ побудительныя причины, возбуждающія желаніе, или отвращеніе: однако сіи причины часто мы понимаемъ неясно и не можемъ объяснить ихъ другимъ. Плиній говоритъ: *Я нечувствую никакого удовольствія, когда слышу что нибудь забавное отъ скомороха, безразсудное отъ шута, глупое отъ комедіанта. Я не говорю о причинахъ тому; но только мнѣ сіе непріятно.* Кн. IX пис. 17.

ГЛАВА X.

О страстяхъ.

§ 232. Сказанное мною о чувственномъ желаніи много можетъ послужить къ объясненію того, что нужно предложить и знать о страстяхъ. Ибо *страсть* есть не что иное, какъ чувственное сильное желаніе, или отвращеніе, производящее въ тѣлѣ нашемъ необыкновенное волненіе крови и жизненныхъ соковъ.

Древніе Римскіе писатели называли страсти *волненіемъ духа, возмущаемаго движеніями сердца.* Циц. о дол. кн. II. гл. 5.

§ 233. Изъ опредѣленія страстей происшекаютъ слѣдующія аксіомы:

I. Страсти происшекаютъ отъ живыхъ представленій чувствъ и воображенія.

Всякое чувственное желаніе происходитъ отъ представленія чувствъ [§ 230 пол. V.]; но опытъ ясно доказываетъ, что человѣкъ тѣмъ менѣе способенъ бываетъ къ подробному и правильному сужденію, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ волненіе въ душѣ. Демифонъ говоритъ въ комедіи Теренція: *Я столько раздраженъ, что не могу собрать своихъ мыслей.* Форм. дѣйств. II. I, 9.

II. Со всякою страстію соединяется или удовольствіе, или неудовольствіе, или то и другое вмѣстѣ, смотря по различію чувственныхъ представленій.

Со всякимъ желаніемъ и отвращеніемъ соединенно удовольствіе, или неудовольствіе [§ 230 пол. II]. Впрочемъ не всякое удовольствіе, или неудовольствіе можетъ назваться страстію; но только то изъ нихъ, которое сильно тревожитъ умъ и возмущаетъ кровь.

III. Слѣдовательно страсти бываютъ или *пріятныя*, или *непріятныя*, или *смѣшанныя*.

Пріятныя страсти соединены съ удовольствіемъ, непріятныя съ неудовольствіемъ, смѣшанныя заключаютъ въ себѣ и то и другое. Къ смѣшаннымъ на прим. можно отнесть любовь.

IV. Страсть раждается; когда мгновенно и живо представится мыслямъ много добра, или зла.

Сіе можно понять изъ того, что я сказалъ о силѣ чувственнаго желанія [§ 230.].

V. Нѣкоторыя страсти сушь такого свойства, что отъ нихъ, какъ отъ нѣкоторыхъ корней, другія подобно отраслямъ происходятъ. Они называются *первоначальными* и сушь *радость* и *печаль*. Прочія именуются *производными*.

234. *Радость* есть высшая степень удовольствія, или есть преобладаніе удовольствія.

Удовольствіе преобладаетъ въ душѣ; когда представленіе совершенствъ бываетъ сильнѣе представленія несовершенствъ; или когда удовольствіе столь сильно дѣйствуетъ, что самый малѣйшій мракъ печали исчезаетъ. На прим. если отецъ, получивъ печальное извѣстіе о смерти друга, вдругъ видитъ сына, возвращающагося съ войны сверхъ его чаянія и бросающагося къ нему въ объятія; тогда всѣ слѣды печали о смерти друга исчезаютъ, какъ туманъ при появленіи солнца. Весьма справедливо пишетъ Плиній: *Нѣтъ такой печали, которой бы науки не уменьшили. Огорченный болѣзнію жены моей, несчастіемъ друзей, потерею родственниковъ, я прибѣгъ къ наукамъ, единственному облегченію въ горести. Онѣ научаютъ познавать несчастіе и великодушно переносить оное.* Кн. VII. письм. 19.

§ 235. О радости должно слѣдующее замѣтить:

1. Когда представляемъ себѣ много добра въ одно время, или одно какое нибудь великое и необыкновенное добро; тогда радость бываетъ сильнѣе.

Примѣръ великой и чрезмѣрной радости смотри въ комедіи Теренція Евн. дѣйств. III. явл. 5. Ст. 3.

II. Отъ радости отличается восхищеніе (laetitia), которое чувствуемъ по окончаніи несчастія.

Если кто освободится отъ тяжкой болѣзни, или за великое преступленіе будучи возведенъ на эшафотъ, вдругъ получаетъ прощеніе и жизнь по милосердію Государя: тогда предается восхищенію. Цицеронъ полагаетъ различіе между восхищеніемъ и радостію; онъ называетъ восхищеніемъ непомѣрный восторгъ и причисляетъ его къ порокамъ. *Радоваться*, говоритъ онъ, *должно; но восхищаться не должно. Ибо я полагаю различіе между радостію и восхищеніемъ для лучшаго объясненія предмета.* Туск. вопр. кн. IV. гл. 31.

III. Дѣйствія радости и восхищенія бываютъ многочисленны; они обнаруживаются какъ въ душѣ, такъ и въ тѣлѣ. Я намѣренъ исчислить нѣкоторыя изъ сихъ дѣйствій:

1] Радость не терпитъ одиночества, которое *отнимаетъ весь плодъ удовольствія*, по словамъ Цицерона [Глав. 24. о друж.]. Ощущая радость, всегда ищемъ кого нибудь, дабы объявить ему о своемъ счастіи и радости. Въ семъ смыслѣ радость можно назвать *многорѣчивою*. Херей въ комедіи Теренція, восхищаясь радостію, нетерпѣливо желаетъ кого нибудь встрѣтить, дабы излить въ его сердце свою радость. Нетерпѣливое желаніе его изображено въ сихъ словахъ:

Какъ бы я желалъ встрѣтить кого нибудь любопытнаго, который бы, слѣдуя за мною, непрестан-

но спрашивалъ меня, несносно докучалъ своими вопросами: для чего я веселъ, чему я такъ радъ, откуда и куда иду; гдѣ я взялъ сіе платье; чего я ищу? но въ умъ ли я, или съ ума сошелъ?—Евн. III. сц. 5. сш. 5. См. Свет. пст. Цез. гл. 22.

2] Дѣйствіемъ радости бываетъ *быстрое и стремительное теченіе крови*, которая, съ умноженіемъ восторга, часто такъ сильно стремится къ сердцу, что нерѣдко причиняетъ смерть.

Ливій, описавъ ужасъ, причиненный въ Римѣ извѣстіемъ о пораженіи Римлянъ, между прочимъ говоритъ слѣдующее: *Женщины особливо предавались чрезмѣрно и печали и радости. Одна, нечаянно увидѣвъ своего сына въ живыхъ, передъ его глазами упала безъ дыханія; другая, получивъ ложное извѣстіе о смерти сына и сидя дома въ горести, лишилась жизни отъ чрезмѣрной радости, когда увидѣла возвращающагося сына.* Лив. кн. XXII. гл. 7.

3] Обыкновенное дѣйствіе радости есть *смѣхъ*: почему весьма правильно Эпиктетъ называетъ смѣхъ *восклицаніемъ радостнаго сердца.* Энхирид. гл. 43.

Нѣкоторые почитаютъ труднымъ открыть причины смѣха; но мы изъ опыта знаемъ, что всякой смѣхъ означаетъ какую нибудь радость. Остроумно говоритъ Теренцій о семъ: *Тотъ скалитъ зубы; ты смѣйся, первый пей, первый садись за столъ: ужинъ для всѣхъ готовъ.* Форм. II. 2. 27.

Здѣсь можно привесть слѣдующія слова Горація:

Когда ты приведешь передъ судъ радующагося несчастію другихъ и пр. Сат. II. 3. ст. 72.

Необыкновенное что нибудь, неожиданное, или непристойное часто возбуждаетъ смѣхъ, съ которымъ всегда соединяется радость, хотя мы того и не примѣчаемъ. Горацій пишетъ о Порціѣ, съѣвшемъ однажды всѣ пироги вдругъ:

Онъ насмѣшилъ, когда всѣ пироги проглотилъ однимъ разомъ. Сатир. II. 8. 24.

Когда Римляне просили Галловъ не пропускать чрезъ ихъ землю Аннибала, идущаго съ войскомъ въ Италію; тогда молодые люди подняли такой шумной смѣхъ, что правители и старѣйшины едва могли утишить оный. Причиною сего было то, что они почитали безстыднымъ и безразсуднымъ сіе требованіе. Можно ли было думать, чтобы Галлы не пропустили Аннибала въ Италію и захотѣли обратить на себя его оружіе, предавъ земли свои вмѣсто чужихъ на опустошеніе? Лив. Кн. XXI. гл. 20. О смѣхѣ Аннибала, при всеобщемъ унынiи Рима, читайЛивія кн. 30. гл. 44.

4] Восхищеніе и радость обнаруживаются *плескою* и *рукоплесканіями*.

Такимъ образомъ Римляне обыкновенно изъявляли писателямъ свое удовольствіе; когда они читали передъ ними или превосходные стихи, или исторію, или рѣчи. Иные восклицали; другіе въ честь имъ и въ изъявленіе своего уваженія вставали; нѣкоторые подпрыгивали, сбрасывали съ себя одежду, стучали ногами, хлопали руками и предавались силь-

ному изступленію. Читай сочиненіе Феррерія о публичныхъ одобреніяхъ, помѣщенное въ сокровищѣ Гревія. Томъ VI. Цицеронъ пишетъ: *Повѣрь мнѣ, что я, прочитавъ твои сочиненія, прыгалъ отъ радости.* Друж. пис. XVI. 16. Виргилій говоритъ:

Тиряне удвоютъ рукоплесканія. Энеид. I, 747.

§ 236. Радости противополагается *печаль*: она есть высшая степень неудовольствія. На прим. Кай во время общаго торжества извѣщается о смерти единственнаго сына своего: вся радость вдругъ исчезаетъ и печаль заступаетъ ея мѣсто. Теренцій хорошо изобразилъ свойство печали примѣромъ Менедема, который строгостію своею принудилъ сына удалиться въ Азію и вступить въ военную службу. Чувствуя тяжкую печаль объ отсутствіи сына, онъ говоритъ такимъ образомъ: *Домой возвращаюсь со скукою, съ печалію, въ смущеніи духа: не знаю, что дѣлать.* Геавт. I. 1. 70.

§ 237. О печали должно замѣтить слѣдующее:

I. Печаль есть сильная горесть: она происходитъ отъ чувственнаго представленія многихъ и великихъ золъ.

Въ семъ можно увѣриться тѣмъ, что печаль уменьшается по большей части разговорами и сужденіями. Ибо въ разговорахъ подробно разсматриваются обстоятельства печали; чрезъ что темное и чувственное понятіе, возбудившее печаль, дѣлается подробнымъ. и такимъ образомъ мракъ печали исчезаетъ.

II. Дѣйствія печали бываютъ различны, изъ которыхъ главныя суть слѣдующія:

1] *Плачъ и слезы.*

Симонъ въ комедіи Теренція говоритъ о сынѣ своемъ такъ: *Иногда груститъ, иногда проливаетъ слезы.*

Когда онъ узналъ о любви, причинившей печаль его сыну, воскликнулъ: А! вотъ что значитъ сіе! отъ сего-то онъ проливаетъ слезы!

Нѣкоторые, основываясь на опытѣ, утверждаютъ, что слезы иногда бываютъ дѣйствіемъ радости; такъ говоритъ Теренцій: *Человѣкъ отъ радости, какъ дитя, проливаетъ слезы.* Адел. IV. 1. Согласно съ симъ говоритъ Плавтъ: *Отъ радости текутъ слезы у меня.* Но если разсмотримъ внимательно, увидимъ, что не радость, но печаль, или воспоминаніе о минувшихъ бѣдствіяхъ бываетъ причиною слезъ въ семъ случаѣ.

2] Томные и потупленные глаза.

3] Блѣдное лице.

4] Жалобы подобныя Менедемовымъ въ комедіи Теренція.

5] Уединеніе и удаленіе отъ людей, дабы безпрепятственно и свободно предаваться печали.

§ 238. Выше я говорилъ о страстяхъ, называемыхъ *первоначальными*, т. е. о радости и печали: теперь приступлю къ объясненію *вторичныхъ*, между которыми *любовь* почитается первою. *Любовь* есть радость, чувствуемая нами по причинѣ совершенствъ и благополучія какого нибудь человѣка. *Любить* другаго значитъ чув-

ствовашь удовольствіе, происшекающее отъ его совершенствъ.

§ 239. Слѣдующія положенія, основанныя на опредѣленіи любви, могутъ показашь существеное свойство оной.

I. Любовь раждается отъ того, когда мы примѣчаемъ въ другомъ что нибудь такое, что намъ нравится и кажется совершенствомъ.

II. Чѣмъ сильнѣе кто любишъ другаго, тѣмъ болѣе радуется о благополучіи его; и чѣмъ больше совершенствъ примѣчаетъ въ немъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ любовь.

III. Кто любитъ другаго; тотъ, видя его въ несчастіи, чувствуетъ истинное прискорбіе о немъ.

IV. Самое ясное доказательство любви есть то, когда желаемъ другому всего того, что умножаетъ его счастіе и стараемся отвратишь то, что для него вредно.

§ 240. Итакъ *ненависти*, страсть противоположная любви, есть радость о несовершенствахъ и нещастіи другаго. *Ненавидѣть* другаго, значитъ радоваться о его несчастіи.

Цицеронъ называетъ ненависть *гнѣвомъ закоренѣлымъ*. Туск. воп. IV. гл. 9. Признакъ ненависти есть слѣдующій: Ненавидящій другаго ищетъ всѣхъ случаевъ разорить благополучіе его и всемѣрно старается увеличить его несчастіе.

§ 241. Дѣйствія любви суть слѣдующія:

I. Любовь приводитъ по большей части въ сильное

движеніе жизненные соки и силою своею чрезмѣрно волнуетъ кровь въ шѣлѣ.

И такъ правильно Теренцій называетъ любовь болѣзнію: *Что это за болѣзнь? Не ужели любовь можетъ столько перемѣнить человѣка, что едва можно узнать его?* Евн. дѣйств. II. явл. 1. стр. 9.

II. Влюбленные имѣютъ по большей части странныя и смѣшныя мнѣнія о любимыхъ лицахъ. Люкрецій умно и живо изобразилъ сіе въ кн. IV. стр. 1145. *Люди*, говоритъ онъ, *ослѣпленные страстію, часто приписываютъ другимъ такія совершенства, которыхъ они не имѣютъ. Нерѣдко случается видѣть людей самыхъ низкихъ и подлыхъ любимыми и весьма уважаемыми.*

III. Итакъ неудивительно, если любовь, основанная на однихъ чувствахъ, бываетъ слѣпа и дѣлаетъ слѣпыми тѣхъ, которыми обладаетъ: она, лишивъ ихъ здраваго ума, доводитъ часто до сумасшествія и бѣшенства.

Дидона, плѣненная любовію къ Энею, удалившемуся отъ нея, говоритъ: *Что я говорю? гдѣ я? какое бѣшенство овладѣло мною?* —

IV. Влюбленный всегда питаетъ желаніе быть неразлучнымъ съ любимою особою.

Въ комедіи Теренція говоритъ Федрія: *Развѣ я не могу пробыть безъ ней, если нужда потребуетъ, даже цѣлые три дни?* Насмѣхаясь надъ нимъ, Парменонъ отвѣчалъ: *Цѣлые три дни?—Смотри на что ты рѣшаешся!*

V. Любовь сокрыть трудно; она противъ воли нашей обнаруживается или частыми вздохами, или страстными взорами, или другими какими либо тѣлодвиженіями иногда смѣшными, иногда неприличными.

Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи Овидія:

Любовь кто утаитъ?

Любовь въ очахъ горитъ. Пис. 12.

Въ комедіи Теренція слуга совѣтуетъ своему господину скрывать любовь свою передъ отцемъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любовницею: *Берегитесь! не обнаружте любви замѣшательствомъ въ словахъ, взглядами, вздохами, улыбкою.* Геавт. II. 3. 130.

VI. Наконецъ съ любовію соединены бываютъ подозрѣнія, слезы, ссоры, примиреніе.

Теренцій очень хорошо говоритъ о подозрѣніи любовниковъ въ комедіи Геавт. дѣйст. III. явл. 3. ст. 9. такимъ образомъ:

Я знаю свойство влюбленныхъ. Они строго замѣчаютъ, о чемъ вовсе не думаешь.

Въ другомъ мѣстѣ пишетъ такъ: *Влюбленные подвержены всѣмъ симъ порокамъ: они обижаютъ, подозрѣваютъ, ссорятся, мирятся; опять ссорятся и вторично мирятся.* Евн. дѣйст. I. явл. 1. ст. 14.

§ 242. Отъ любви раждается *сожалѣніе*, которое можно почесть неудовольствіемъ о несчастіи другаго.

Цицеронъ говоритъ: *Сожалѣніе есть прискорбіе о*

бѣдствіи другаго, подверженнаго обидѣ. Туск. воп. кн. IV. гл. 8. На прим. ты видишь Кая друга своего, умирающаго отъ голода и измѣнившагося въ лицѣ отъ крайнихъ несчастій: тогда, если ты любишь его, тронешся сожалѣніемъ, видя его несчастіе. И въ семъ-то состоитъ сожалѣніе.

§ 243. Сожалѣнію противополагается *зависть*, которая есть неудовольствіе, происшедшее отъ того, когда мы видимъ въ благополучіи такого человѣка, котораго ненавидимъ. Крапче опредѣлить можно такъ: *Зависть* есть неудовольствіе о благополучіи другаго.

Цицеронъ говоритъ такимъ образомъ: *Зависть есть печаль, чувствуемая при видѣ благополучія другихъ, которое впрочемъ не вредитъ завидующему; и тотъ дѣйствительно завидуетъ, кто досадуетъ, видя другихъ въ счастіи, которое ему невредно.* Туск. вопр. IV. 8.

О семъ пишетъ еще Горацій такъ:

При благополучіи другихъ завидующій сохнетъ отъ печали. Кн. I. письм. 2. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ о завистливомъ слѣдующее: *Онъ чахнетъ, когда увидитъ чужую овцу съ полными сосцами.* Сат. I. 1. ст. 110.

Примѣромъ зависти можетъ служить Юстиніанъ. Велисарій, послѣ побѣдъ надъ Вандалами и Персами, сдѣлавшись подозрительнымъ Императору Юстиніану, былъ лишенъ глазъ по его повелѣнію. Но онъ, по-

строивъ шалашъ при большой дорогѣ, просилъ у прохожихъ милостыни сими словами: *Прохожій! дай милостыню Велисарію, котораго доблесть прославила, а зависть лишила глазъ.* Прокоп. и Криниц. кн. IX. сш. 6.

§ 244. Дѣйствія сожалѣнія и зависти суть различны.

I. Сожалѣніе побуждаетъ человѣка по большей части проливать слезы; а зависть дѣлаетъ лице блѣднымъ и тощимъ.

Овидій живо изобразилъ гнусный видъ и дѣйствія зависти.

Тамъ видна зависть, пожирающая змѣевъ въ возмездіе злодѣяній. Блѣдность покрываетъ все изсохшее тѣло ея. Глаза ея искривлены, зубы покрыты ржею, сердце исполнено желчи, языкъ напитанъ ядомъ; смѣхъ является на лицѣ ея только тогда, когда она видитъ страданія другихъ; сонъ бѣжитъ отъ глазъ ея; недремлющія заботы отгоняютъ его; видя успѣхи людей, мучительные для нее, терзается и чахнетъ; уязвляя другихъ, язвитъ самую себя; сама себѣ служитъ наказаніемъ. Превращ. кн. 2. сш. 762.

II. Зависть всегда бываетъ соединена съ злословіемъ и порицаніемъ.

Сіе видно изъ примѣра Александра Великаго, который завидовалъ Антипатру въ славной побѣдѣ. О семъ Курцій пишетъ слѣдующее: *Александръ желалъ побѣдить непріятеля, но не желалъ одол-*

женнымъ быть побѣдою Антипатру, почитая славу другаго уменьшеніемъ своей собственной. Кн. IV. гл. 1. сш. 18. Почему сію побѣду Аншипашрову онѣ называлъ ошъ зависши бранію мышей. Ѳразонъ говоришъ въ комедіи Теренція: *Мнѣ всѣ завидуютъ, тайно уязвляютъ меня; но я презираю ихъ зависть.*

III. Зависшь мучишъ и шерзаешъ сердце зависшника.

Остроумно говоришъ о семъ Гораній: *Самые Сицилійскіе тираны не нашли такого мученія, какова зависть.* I. пис. 2. сш. 58.

Тоже самое подшверждаешъ примѣръ Александра въ Исшоріи Курція: *Завистливые люди бываютъ сами себѣ мученіемъ.* Кн. III. гл. 12.

§ 245. Весьма пріяшное чувсшвованіе, доставляющее сердцу спокойсшвіе, есшь *удовольсшвіе самимъ собою.* Оно происшекаешъ ошъ радосши, чувсшвуемой нами шогда, когда мы сдѣлаемъ какое нибудь добро. На прим. кшо возведенъ на высокую сшепень досшоинсшва за свою добродѣшель и просвѣщеніе, или видишъ любовь къ себѣ людей добродѣшельныхъ: шошъ не можешъ не радоваться шакому счасшію.

§ 246. Сему чувсшвованію прошивополагаешся *раскаяніе.* Оно есшь неудовольсшвіе, чувсшвуемое нами послѣ зла содѣяннаго.

Александръ въ пьянсшвѣ убилъ Клиша собсшвенною рукою. Но когда гнѣвъ и хмѣль прошли; узналъ, но поздно, важносшь своего зло-

дѣянія. Курцій описываетъ его раскаяніе, по совершеніи злодѣянія, сими словами: *Исторгши мечь изъ груди своего друга, онъ обращаетъ его на свою собственную; но прибѣгаютъ стражи, вырываютъ убійственное орудіе изъ рукъ его, и противъ воли отводятъ его въ ставку. Онъ бросается на землю, наполняетъ крикомъ и воплемъ царскій шатеръ. Потомъ начинаетъ терзать лице свое, заклиная предстоящихъ не препятствовать ему умереть послѣ такого безчестія.* Кн. VIII. гл. 2.

§ 447. Когда примѣчаемъ, что другіе имѣютъ почтительное мнѣніе о насъ и о нашихъ совершенствахъ; тогда чувствуемъ величайшее удовольствіе. Сіе удовольствіе, чувствуемое отъ благопріятныхъ людскихъ мнѣній о насъ, именуется *славою* (gloria).

Сіе чувствованіе живо изображено Плиніемъ въ XXIII. пис. кн. 9. въ которомъ онъ едва можетъ изъяснить словами ту радость, которую чувствуетъ, слыша доброе мнѣніе людей о себѣ и о своихъ сочиненіяхъ.

§ 248. *Стыдъ* противополагается славѣ. Онъ есть чувствованіе неудовольствія, происшедшаго отъ такого зла, которое, по мнѣнію нашему, можетъ уменьшить доброе мнѣніе людей о насъ.

Теренцій хорошо изобразилъ свойство стыда примѣромъ Клиніфона, котораго укорялъ отецъ въ худыхъ поступкахъ сими словами: *Ты лжецъ, льни-*

вецъ, обманщикъ, мотъ, пьяница, лзва. Клитифонъ, признавъ гнусность своихъ поступковъ, отвѣчалъ: *Ахъ! какъ я самъ себя ненавижу! я не знаю ни одного средства получить прощеніе!* Геавт. дѣй. V. явл. 4. сш. 20.

§ 249. Если стыдъ происходитъ отъ того, когда мы почитаемъ что нибудь предосудительнымъ для нашей славы; то слѣдуетъ:

I. Чѣмъ болѣе кто любитъ славу; тѣмъ сильнѣе чувствуетъ стыдъ.

Слѣдовательно тѣ люди, которые не имѣютъ стыда и почитаютъ славу и безславіе за одно и тоже, должны причислены быть къ самымъ развратнымъ, какъ говоритъ Плавтъ о семъ: *Я почитаю погибшимъ того, кто потерялъ стыдъ.* Бак. III. 3. 3.

II. Не всѣ люди почитаютъ одно честнымъ и безчестнымъ; но разные народы имѣютъ различное мнѣніе о чести и безчестіи: въ чемъ удостовѣряетъ насъ опытъ. По сей причинѣ нѣкоторые чувствуютъ стыдъ отъ такихъ поступковъ, которые вмѣняютъ себѣ другіе въ честь и славу; а напротивъ того хвалятся такими дѣлами, о которыхъ другіе, не краснѣя отъ стыда, говорить не могутъ.

Здѣсь можно привесть слѣдующія слова Теренція: *Если спросишь о чемъ, нимало не стыдятся: гдѣ должно стыдиться, тамъ безстыдны; а гдѣ не нужно, тамъ бываютъ стыдливы.* Адр. дѣйст. IV. явл. I. сш. 13.

Подобно сему говоритъ Плавтъ:

Многіе люди стыдятся, когда стыдиться не должно; напротивъ когда надобно стыдиться, не чувствуютъ вовсе стыда. Эпид. II. 1. 1.

III. Итакъ несправедливое понятіе имѣютъ о чести тѣ, которые стыдятся:

1] *Бѣдности.*

Такимъ образомъ Клитифонъ въ комедіи Теренціевой стыдится признаться въ своей бѣдности.

Что у меня нытъ ничего, говоритъ онъ, *стыжусь признаться.* Геавт. II. 2.

2] Которые стыдятся тѣлесныхъ недостатковъ, какъ то рыжихъ волосовъ, малаго роста и проч.

Геллій пишетъ, что Альцибіадъ, игравшій на флейтѣ, увидѣвъ надутыя свои щеки и отвислыя губы, бросилъ ее отъ стыда и изломалъ. Ноч. Аттич. кн. XV. гл. 17. Светоній пишетъ въ Исторіи, что Юлій Цезарь весьма недоволенъ былъ безобразіемъ головы своей, по недостатку волосъ. *По причинѣ недостатка волосъ,* говоритъ онъ, *Юлій Цезарь обыкновенно зачесывалъ оные съ затылка на передъ; и ни одна почесть изъ опредѣленныхъ ему Сенатомъ и народомъ Римскимъ, не была столько пріятна, какъ право всегда носить на головѣ лавровый вѣнокъ, котораго онъ никогда не оставлялъ.* Въ Истор. Цез. гл. 45.

§ 250. Стыдъ обнаруживается различными признаками:

1. Во время стыда краска на лицѣ показывается.

Тоже самое говоритъ Цицеронъ:

Слѣдствіемъ стыдливости бываетъ румянецъ на лицѣ. Туск. воп. IV. 8. Изъ сего видѣть можно: почему Діогенъ назвалъ стыдливость *цвѣтомъ добродѣтели.* Смотри Сенек. письм. II.

II. Чувствующіе стыдъ потупляютъ глаза въ землю, или закрываютъ лице.

Курцій описываетъ стыдливость одной женщины, происшедшей отъ Царскаго рода и приведенной передъ Александра Великаго съ прочими плѣнницами: *Плѣннымъ женщинамъ,* говоритъ онъ, *велѣно было пѣть грубыя и непріятныя для чужестранца пѣсни. Между ними увидѣлъ Государь одну, которая была печальнѣе другихъ и стыдливо слѣдовала за ведущими ее. Она имѣла лице прекрасное, и стыдливость еще болѣе придавала ей красоты. Потупивъ глаза въ землю и закрывая лице, сколько можно было, показала тѣмъ самымъ, что она была благороднаго происхожденія и не рождена служить зрѣлищемъ на публичныхъ пиршествахъ.* Кн. IV. гл. 2. I.

III. Дѣйствіе стыда бываетъ иногда столь сильно, что разсудокъ, приведенный въ недоумѣніе, связываетъ языкъ какъ бы нѣкошорыми узами и препятствуетъ объясняться.

О семъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ Теренцій:

Явившися передъ судей, онъ не могъ сказать ни одного слова: страхъ и стыдъ связали языкъ его. Форм. II. 1. 51.

§ 251. Теперь я намѣренъ объяснить чувствованіе *надежды.—Надежда* есть радость о будущемъ благополучіи, котораго мы надѣемся достигнуть. На прим. Когда человѣкъ, страждущій горячкою, слышитъ отъ лекаря, что онъ видитъ всѣ признаки къ скорому его выздоровленію: тогда больный чувствуетъ неизъяснимую радость, надѣясь скоро освободиться отъ болѣзни. Сія радость составляетъ надежду.

Прекрасное изображеніе надежды представляетъ Овидій. кн. I. въ 7. Эл. съ Понта; также Тибуллъ въ I. Эл.

Высшая степень надежды называется *упованіемъ* (fiducia). Сія степень надежды измѣряется тѣмъ, когда кто представляетъ себѣ много благъ, и надѣется получить оныя вѣрно и безпрепятственно.

Древніе писатели также полагали различіе между *надеждою и упованіемъ*. Словомъ: *упованіе*, они означали всегда высшую степень надежды. Сенека говоритъ такъ: *Я на тебя надѣюсь, но еще не уповаю.* Письм. 16. Здѣсь можно привесть слѣдующее мѣсто изъ Корнелія Непота: *Онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что сограждане его не только могли имѣть объ немъ хорошую надежду, но и совершенное упованіе.* Мильц. гл. I.

Многіе нерѣдко надѣются того, чего совсѣмъ получить не возможно, и сія надежда называется *пустою, тщетною*, какую имѣютъ иногда молодые люди. Благоразумно Цицеронъ говоритъ о семъ: *Молодой человѣкъ надѣется долго прожить, чего*

сдѣлавшись старикомъ не можетъ надѣяться. Но если надѣется, то надежда его безразсудна. Ибо что можетъ быть безразсуднѣе, какъ почитать неизвѣстное извѣстнымъ, ложное истиннымъ? Каш. Бол. гл. 19.

§ 253. Надеждѣ противополагается страхъ, который есть неудовольствіе, чувствуемое при воображеніи будущаго несчастія. На прим. Воинъ, находясь въ сраженіи, страшится предстоящей смерти, которую почитаетъ несчастіемъ для себя; ибо чувствуетъ неудовольствіе, воображая, что ему должно погибнуть.

§ 254. Страхъ увеличивается и возрастаетъ: 1] чѣмъ болѣе предстоитъ несчастій, угрожающихъ намъ; 2] чѣмъ достовѣрнѣе и ближе сіи несчастія.

Если кто страшится такого несчастія, которое не сбыточно, или сомнительно; то сей страхъ *достоинъ смѣха, неоснователенъ, тщетенъ.* Слуга въ комедіи Теренціевой насмѣхается надъ своимъ господиномъ за то, что онъ боится невозможнаго.

Кл. *Чтожъ тогда будетъ, скажи пожалуй; когда отецъ узнаетъ о семъ?*

С. *Что тогда будетъ, когда небо обрушится на насъ?* Геавт. дѣйст. IV. явл. 5. ст. 40.

§ 255. Страхъ производитъ блѣдность въ щекѣ и дрожаніе, побуждаетъ человѣка къ бѣгству, къ подозрѣнію, которое выводитъ изъ всего неправильное заключеніе, толкуетъ все въ худую сторону, и то, что можетъ сбыться, почитаетъ совершившимся.

Справедливо говоритъ Плиній о свойствѣ и дѣйствіяхъ страха: *Всего страшусь, все представляю себѣ возможнымъ, и, по обыкновенію людей, безпокоимыхъ страхомъ, представляю съ такой стороны, которая меня болѣе всего ужасаетъ.* Кн. VI. письм. 4. Сіе согласно съ тѣмъ, что Клавдіанъ пишетъ о войнѣ съ Гетами, стр. 227.

Люди, обладаемые страхомъ, по обыкновенію своему бываютъ многорѣчивы, много вымышляютъ, многому вѣрятъ; вездѣ были разглашаемы сновидѣнія, чудеса боговъ и несчастныя предсказанія, и пр.

§ 256. Страхъ въ самой высшей степени называется *отчаяніемъ.* Отчаяніе есть несносное мученіе, чувствуемое при воображеніи неизбѣжнаго несчастія.

Цицеронъ опредѣляетъ такъ: *Отчаяніе есть горесть, чувствуемая безъ всякой надежды лучшаго состоянія.* Туск. воп. кн. VI. гл. 5. На прим. претерпѣвшій кораблекрушеніе бросается въ морскія волны; но не усматривая ни берега, ни доски, на которой бы могъ спастися и видя жизнь свою въ явной опасности, отчаевается о своемъ спасеніи.

Катилина хорошо изобразилъ свойство отчаяннаго человѣка въ рѣчи приведенной Саллюстіемъ: *Въ домѣ у насъ бѣдность, долговъ множество, состояніе разстроенное, надежда худая, и кромѣ бѣдной души, ничего не имѣемъ.* Войн. Катил. гл. XX. Тоже самое въ комедіи Теренція говоритъ Гета: *Теперь все въ такомъ состояніи, что хотябы собрать всѣхъ умныхъ*

людей на совѣтъ, не найдутъ средства, какимъ образомъ можно освободиться отъ сего несчастія; никто не пособитъ ни мнѣ, ни госпожѣ, ни ея дочери. Ахъ! бѣда мнѣ! вдругъ столько несчастій постигло: притѣсненіе, бѣдность, неправосудіе, одиночество, безчестіе. Адельф. дѣйств. III. явл. 2. сц. I. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Хотябы само небо захотѣло спасти сіе семейство, но не можетъ.*

§ 257. Дѣйствіями отчаянія по большей части бываютъ *перемѣна цвѣта въ лицѣ, свирѣпые и дикіе взгляды*; а нерѣдко *произвольное самоубійство* бываетъ слѣдствіемъ онаго.

Саллюстій говоритъ о Катилинѣ: *Порочная душа его, противная и Богу и людямъ, не могла быть довольна ни дѣятельностію, ни покоемъ. Столько-то совѣсть тревожила и терзала его! Лице бѣдное, мрачный взоръ; то скорая, то медленная походка; въ его глазахъ изображалось неистовство.* Войн. Каш. гл. 19. Свѣтоній говоритъ о Цезарѣ слѣдующее: *Въ послѣднюю Испанскую войну находясь въ крайнемъ отчаяніи, началъ думать, какой родъ смерти избрать себѣ.* Въ Исш. Цезар. гл. 36.

§ 258. *Ужасъ* есть самое сильное мученіе, происшедшее отъ нечаяннаго несчастія; а высшая степень ужаса называется *трепетомъ.*

Цицеронъ называетъ ужасъ поврядающимъ страхомъ, а трепетъ именуетъ страхомъ лишающимъ разсудка. Туск. вопр. кн. IV. гл. 8.

*

Примѣромъ ужаса можно представить Августа, который, какъ пишетъ Свѣтоній, услышивъ о пораженіи легіоновъ предводительствуемыхъ Варомъ, столько былъ устрашенъ симъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отрастивъ волосы, часто бился головою о двери и громко говорилъ: *Квинтилій Варъ! возврати мои легіоны.* Въ Ист. Авг. гл. 23.

Желающій подробнѣе узнать свойство ужаса можетъ читать Ливія гл. XXIX. кн. I.

Потомъ поведены легіоны для разоренія города, въ который когда они вошли, не было ни тревоги, ни трепета, которые обыкновенно случаются по взятіи городовъ; когда вломившись въ ворота, или разрушивъ стѣны, или взявъ приступомъ крѣпость, вооруженные непріятели съ крикомъ бѣгаютъ по городу и производятъ огнемъ и мечемъ ужасное смятеніе: но уныллое молчаніе и безмолвная горесть такъ поразили умы гражданъ, что они, забывая отъ страха, какія вещи брать съ собою и какія должны оставлять, потерявъ разсудокъ и спрашивая другъ друга, то останавливались въ дверяхъ, то бродили по домамъ, желая въ послѣдній разъ проститься съ ними.

§ 259. Слѣдствіемъ ужаса бываетъ *блѣдность въ лицѣ, дрожаніе въ тѣлѣ* и *скрежетаніе зубовъ;* а дѣйствіемъ трепета *обморокъ* и *необыкновенное оцѣпенѣніе чувствъ.*

Здѣсь можно привесть слѣдующее мѣсто изъ Теренція:

Сердце мое терзается. Нечаянно постигло меня такое несчастіе, что самъ я не знаю, что мнѣ дѣлать и

что предпринять. Отъ страха члены помертвѣли, умъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса; ни одна мысль не приходитъ мнѣ въ голову. Ахъ! какимъ образомъ мнѣ избавиться отъ сего зла? Аделф. дѣйст. IV. явл. 4 сш. I.

Хотя всѣ страсти можно укротить помощію разсудка; но ужасъ, происходящій отъ непредвидѣннаго и нечаяннаго зла, бываетъ такъ силенъ, что никоимъ образомъ не льзя воспрепятствовать оному. Одно то, кажется мнѣ, можетъ нѣсколько уменьшить дѣйствіе его; если благовременно представимъ и живо вообразимъ въ умѣ тѣ несчастія, которыя намъ угрожаютъ. Остроумно говоритъ о семъ Теренцій:

Всякъ, особливо находящійся въ счастіи, благовременно обязанъ подумать, какимъ образомъ должно переносить несчастія, опасности, потери, гоненія. Изъ дальнихъ странъ возвращаясь, всякъ долженъ помыслить: не развратился ли сынъ, не померла ли жена, не больна ли дочь? Сіи несчастія возможны и случаются со всякимъ: слѣдовательно они не должны быть новы для сердца. Предусматривать то, что можетъ нечаянно случиться, весьма полезно для человѣка. Форм. дѣйст. I. явл. 5. сш. II.

§ 260. Когда сердце колеблется надеждою и страхомъ такъ, что надежда заступаетъ мѣсто страха, страхъ мѣсто надежды: тогда сія перемѣна надежды и страха называется *волненіемъ духа*. Сіе волненіе изображаетъ Овидій слѣдующимъ образомъ:

Сомнительная надежда преодолѣвается страхомъ, страхъ надеждою. Геропд. IX. 42. См. Саллюстія войн. Югурт. гл. 108. Теренцій въ Андр. дѣйств. II. явл. I. сц. 2 говоритъ шакъ.

Горе мнѣ бѣдному! до сего времени то надежда, то страхъ оживляли меня; а теперь, когда надежда исчезла, уныніе и горесть подавляютъ всѣ мысли.

§ 261. *Соревнованіемъ* (aemulatio) называется шо сильное желаніе сердца, которое влечетъ насъ къ полученію какого нибудь добра, исключительно предъ другими, желающими получить оное.

Цицеронъ, согласно съ мнѣніемъ Стоиковъ, принимаетъ соревнованіе въ двоякомъ смыслѣ. *Соревнованіе*, говоритъ онъ, *бываетъ двоякое; принимается въ добрую и въ худую сторону. Соревнованіемъ называется и подражаніе добродѣтели и чувствованіе досады, происходящей отъ того, что другой наслаждается добромъ, котораго мы желали; но не получили. Порицаніе происходитъ часто отъ соревнованія, или отъ досады, что другой пользуется тѣмъ, что имѣть мы сами желали.* Туск. вопр. IV. 3.

§ 262. Чувство сильной досады, происшедшей отъ обиды, нанесенной или намъ, или тѣмъ, которыхъ мы любимъ, чувство сопряженное съ ненавистію къ шому, кшо обидѣлъ, называется *гнѣвомъ.*

Хотя писатели различно опредѣляютъ гнѣвъ; но мое опредѣленіе основано на опытѣ, который подтверждаетъ, что единственною причиною гнѣва бываетъ обида, нанесенная намъ, или другимъ. Демифонъ

въ комедіи Теренція говоритъ: *Слыхалъ ли кто, чтобы кому нибудь нанесена была обида съ такимъ стыдомъ и безчестіемъ, какъ мнѣ?* Чтожъ слѣдствіемъ сей обиды было? *Демифонъ разсердился.* Форм. II. 2. 1.

Цицеронъ въ примѣръ гнѣва приводитъ Тита Манлія, проименованнаго послѣ Торквашомъ. Минлій, говоритъ Цицеронъ, воспламененный гнѣвомъ, прибѣжалъ въ Римъ, и на самомъ разсвѣтѣ пришелъ въ домъ Помпонія, Трибуна народнаго. Но отъ чего Титъ Манлій раздраженъ гнѣвомъ? 1] Отъ того, что онъ чувствовалъ сильную досаду и огорченіе по причинѣ обиды, нанесенной Помпоніемъ отцу его; ибо онъ слышилъ, что Помпоній обвинялъ и звалъ отца его на судъ. 2] Сія досада соединена была съ ненавистію къ Помпонію; ибо Манлій, вошедши въ домъ, тотчасъ обнажилъ мечь и клялся въ туже минуту умертвить его. О дол. кн. III. гл. 31.

§ 263. Къ числу многихъ золъ, сопровождающихъ гнѣвъ, принадлежитъ и *наклонность къ мщенію*, которое есть не что иное, какъ желаніе воздавать зло за зло.

Сіе подтверждаетъ Теренціи примѣромъ Геты. *Я не помню самъ себя: столько гнѣвъ воспламенилъ меня! Ничего я такъ не желаю теперь, какъ встрѣтить все сіе семейство, дабы излить на него весь свой гнѣвъ, пока досада еще не прошла. Я успокоюсь, когда отомщу ему.* Адельф. III. 2. 12.

Какое сильное волненіе гнѣвъ возбуждаетъ въ человѣкѣ, показываютъ страшное положеніе его тѣла, сверкающіе глаза, свирѣпый видъ, прерывистое дыханіе, грозный голосъ и другія движенія, которыя живо изобразилъ Овидій въ сихъ краткихъ словахъ:

Отъ гнѣва лице расширяется, жилы наполняются черною кровію, глаза сверкаютъ страшнѣе глазъ Горгоны. О Иск. люб.

Гораздо пространнѣе описываетъ Сенека состояніе и видъ тѣла людей разгнѣванныхъ. *Глаза ихъ*, говоритъ онъ, *воспламеняются и сверкаютъ, лице разгарается отъ внутренняго волненія крови, губы дрожатъ, зубы сжимаются, волосы поднимаются дыбомъ, дыханіе стѣсняется, слышны бываютъ стенанія, прерывистыя и невнятныя слова, частое удареніе рукъ, топотъ ногъ; все тѣло приходитъ въ движеніе и въ страшное волненіе; лице дѣлается отвратительнымъ, взоръ ужаснымъ. Я не знаю ничего безобразнѣе и гнуснѣе сего порока.* О гнѣв. кн. I. гл. I.

§ 265. Если кто чувствуетъ отвращеніе отъ чего нибудь, или влеченіе къ нему нибудь, слѣдуя однимъ темнымъ представленіямъ чувствъ и воображенія, или увлекаясь страстями; тотъ находится въ состояніи *нравственной неволи.*

Цицеронъ описалъ живо состояніе нравственной неволи въ слѣдующихъ словахъ:

Стоики не называютъ невольниками тѣхъ, которые принадлежатъ властелинамъ по какому нибудь условію, или по гражданскому праву. Если есть неволя, то она должна состоять въ рабствѣ слабаго и низкаго духа, не имѣющаго никакой свободы въ желаніяхъ. Почему всѣ легкомысленные, всѣ сластолюбивые, всѣ наконецъ порочные люди справедливо почитаются рабами. Парад. V. гл. I. и въ слѣд.

Горацій въ многихъ мѣстахъ осмѣиваетъ нравственныхъ невольниковъ, особливо въ Сатирѣ 7. кн. II.

Ты, говоритъ онъ, *повелѣвая мною, самъ несчастный раболѣпствуешь другимъ, и управляешся подобно тому, какъ дерево движется на вереяхъ чужими руками.*

Нѣкогда пространно я объяснялъ состояніе нравственной неволи въ разсужденіяхъ, говоренныхъ мною въ Виттембергѣ.

ГЛАВА XII.

О разумномъ желаніи, или о волѣ и свободѣ оной.

§ 266. Выше я говорилъ о чувственномъ желаніи. *Разумное желаніе,* или *воля* есть наклонность къ добру, происходящая отъ ясныхъ и подробныхъ понятій разума.

§ 267. Изъ сего опредѣленія можно извлечь слѣдующія положенія:

I. Чѣмъ большее добро представляетъ намъ разумъ; тѣмъ сильнѣе бываетъ влеченіе къ оному.

II. Итакъ неудивительно, если мы, разсмотрѣвъ подробно многія блага, предпочитаемъ бо́льшее благо меньшему.

III. Нерѣдко случается, что разумъ признаетъ какой либо предметъ добромъ, а чувства и воображеніе представляютъ намъ оный зломъ.

IV. Отъ сего происходитъ противорѣчіе, или борьба между чувственнымъ желаніемъ и разумнымъ. Сія борьба состоитъ въ томъ, когда чувственное желаніе бываетъ противно разумному. Борьбу желаній живо изображаетъ Теренцій:

Хочу и не хочу; не хочу и хочу; *что желалъ говорить, не говорю; на что рѣшился, теперь оставляю.* Форм. дѣйст. V. явл. 7. ст. 56.

V. Хотя разумное желаніе основывается на подробныхъ понятіяхъ, такъ какъ на побудительныхъ своихъ причинахъ: однако воля человѣка не можетъ принуждена быть къ желанію ни внѣшнею, ни внутреннею силою.

Если бы можно было принудить волю къ желанію чего нибудь; то можно бы внѣшнею силою принудить ее желать такой вещи, которую разумъ представляетъ вредною: но сіе противно тому, что я выше предложилъ о свойствѣ желанія. На прим. кто можетъ, употребивъ даже всѣ средства мученій, принудить насъ полюбить тотъ ядъ, отъ

котораго мы чувствуемъ отвращеніе? Насиліемъ можно принудить человѣка выпить сосудъ наполненный ядомъ; но никакъ невозможно внѣшнею силою возбудить внутренняго желанія къ тому.

VI. Итакъ если не возможно силою принудить человѣческой воли ни къ желанію, ни къ отвращенію: то явствуетъ, что она дѣйствуетъ *произвольно*.

Произвольность есть способность души свободно и независимо располагать собою. Произвольно тотъ поступаетъ, кто живетъ роскошно и любитъ бесѣду людей развратныхъ. Ибо никто не принуждаетъ его силою имѣть дружбу съ людьми порочными.

VII. Такимъ образомъ открывается путь къ правильному понятію о свободѣ. Воля свободно дѣйствуетъ тогда; когда избираетъ изъ многихъ предлежащихъ предметовъ такой, который разумъ признаетъ самымъ лучшимъ.

VIII. Итакъ *свобода*, сія существенная принадлежность воли, есть не что иное, какъ способность мыслящаго существа произвольно избирать изъ многихъ предметовъ самый лучшій.

Многіе охуждаютъ сіе опредѣленіе свободы, утверждая, что оно заключаетъ въ себѣ нелѣпость. Но если пріимемъ въ основаніе опытъ, увидимъ, что свобода всегда заключаетъ въ себѣ сіи три принадлежности: 1] разумѣніе, 2] случайность предпринимаемаго дѣйствія, 3] произвольность. Для лучшаго поясненія предложу примѣръ. Ѳеоксена, упоминаемая

въ Исторіи Тита Ливія, произвольно бросилась въ море. Въ сей свирѣпой женщинѣ находятся всѣ принадлежности свободы: 1] Она предвидѣла, что какъ сама, такъ и дѣти ея подвергнутся поруганію не только Царя Филиппа, но и его стражей: и потому Ливій называетъ сіе дѣйствіе ея гораздо прежде обдуманнымъ [вотъ разумѣніе]. 2] Въ ея волѣ состояло покориться власти Царя, или умертвить себя мечемъ, или ядомъ, каковымъ родомъ смерти погибли дѣти ея [вотъ случайность]. 3] Но она произвольно и безъ всякаго принужденія рѣшилась избрать такой родъ смерти, который ей особенно нравился. *Она*, говоритъ Ливій, *обнявъ супруга своего, соучастника смерти, бросилась въ море* [вотъ произвольность]. Смот. Лив. кн. XI. гл. 4.

§ 268. Изъ сего опредѣленія свободы явствуетъ:

I. Побудительныя причины, убѣждающія человѣка желать и избирать что нибудь, не нарушаютъ свободы: ибо свобода должна основываться на разумѣ.

Кто можетъ назвать тебя несвободнымъ по тому, что ты выбралъ для чтенія изъ многихъ книгъ такую, которую по здравому сужденію почитаешь для себя полезнѣйшею?

II. Изъ сего слѣдуетъ, что неуваженіе совершеннаго равновѣсія (indifferentiam perfecti aequilibrii) должно быть причислено къ пустымъ мнѣніямъ, не заслуживающимъ никакого вниманія.

Неуваженіемъ совершеннаго равновѣсія называли древніе то, когда воля человѣческая, при всѣхъ побужде-

ніяхъ къ желанію, избираетъ совершенно противное, безъ всякой побудительной и довольной причины. Избирая предметы по дѣйствію свободы, мы полагаемъ оные какъ бы на вѣсахъ и предпочитаемъ тотъ, который склоняется на сторону разума. Смот. пис. Плин. 19. кн. II. О свободѣ основательно писалъ Вагнеръ въ одномъ глубокомысленномъ разсужденіи, которое за нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ свѣтъ выдано.

Г Л А В А XIII.

О связи души съ тѣломъ.

§ 269. Душа и тѣло имѣютъ общую нѣкоторую связь, соединяющую ихъ столь тѣсно между собою, что въ движеніяхъ и чувствованіяхъ они подаютъ другъ другу взаимную помощь нужную.

§ 270. Мы знаемъ изъ опыта:

I. Когда внѣшніе предметы поражаютъ наши чувства, какъ-то: глаза, слухъ, осязаніе и пр. тогда раждается въ душѣ понятіе.

На прим. когда слышимъ громъ; тогда колеблемый воздухъ доходитъ до ушей и поражаетъ ихъ. При такой перемѣнѣ, происшедшей въ слухѣ, раждается тотчасъ въ душѣ понятіе о громѣ.

II. Изъ опыта мы знаемъ, что части тѣла тогда движутся; когда душа желаетъ привесть оныя въ движеніе.

На прим. Я хочу привесть въ движеніе языкъ, руки, ноги; и сіе движеніе, по желанію души моей, совершается.

III. Изъ сего явствуетъ, что власть управлять тѣломъ предоставлена душѣ. Сія власть есть способность души располагать тѣлесныя движенія такимъ образомъ, чтобы по ея волѣ происходило такое, а не другое движеніе.

Саллюстій пишетъ о семъ въ Войн. Югур. гл. I. *Душа управляетъ и располагаетъ дѣйствіями человѣческими.* Подобно сему говоритъ Лактанцій въ своемъ Сочиненіи о гнѣвѣ Божіемъ, гл. X. *Душа владѣетъ тѣломъ, котораго члены повинуются ей такъ, какъ своей властительницѣ.* Смот. Сенек. пис. CXIV, и Корц. въ замѣч. на Саллюст. стр. 4.

§ 271. О сихъ истинахъ, основанныхъ на опытѣ, никто не можетъ сомнѣваться. Но если спросятъ: какимъ образомъ душа управляетъ тѣломъ, или какимъ образомъ перемѣна, происходящая въ тѣлѣ, раждаетъ въ душѣ понятіе, или ощущеніе; то увидимъ, что рѣшить сей вопросъ весьма трудно, и трудности сей никто еще не преодолѣлъ и впредъ по видимому не преодолѣетъ.

§ 272. Ученые имѣли различныя мнѣнія о способѣ соединенія души съ тѣломъ. Иные думаютъ, что душа на тѣло и тѣло на душу дѣйствуютъ такимъ образомъ, что 1] когда душа желаетъ произвесть движеніе въ частяхъ тѣла; тогда напрягаетъ нервы одинъ послѣ другаго и производитъ по своему же-

лнію сіе, а не другое движеніе въ тѣлѣ. 2] Когда внѣшніе предметы производятъ въ чувственныхъ орудіяхъ перемѣну; тогда движеніе, простираясь по жиламъ до самаго мозга, напечатлѣваетъ въ душѣ понятіе. Другіе полагаютъ, что самъ Богъ возбуждаетъ въ душѣ понятіе, сообразное съ тѣмъ дѣйствіемъ, какое производятъ внѣшніе предметы въ чувственныхъ орудіяхъ; равнымъ образомъ, когда родится желаніе въ душѣ, Богъ также производитъ въ тѣлѣ движеніе, сообразное съ волею души. А нѣкоторые, не соглашаясь съ сими мнѣніями, объясняютъ способъ соединенія души съ тѣломъ такимъ образомъ:

I. Думаютъ, что душа дѣйствіемъ врожденной силы, безъ помощи тѣла, производитъ понятіе при всякомъ случаѣ, когда происходитъ перемѣна въ чувственныхъ орудіяхъ и частяхъ тѣла: и сіе понятіе проистекаетъ изъ другихъ предъидущихъ понятій, развивающихся одно изъ другаго въ непрерывномъ порядкѣ.

II. Полагаютъ, что движенія тѣлесныя не происходятъ ни отъ души, ни отъ Бога; но оныя проистекаютъ отъ устройства тѣла и отъ силы движущей оное, также отъ предъидущихъ движеній.

III. Что касается до движеній и чувствованій, въ которыхъ усматривается толь согласная и тѣсная связь между душею и тѣломъ; думаютъ, что сіе приписать должно нѣкоторому Божескому предопредѣленію и мудрому предустановленію.

Первое мнѣніе нѣкоторыхъ Философовъ, предполагающихъ, что душа, какъ дѣйствующая причина, производитъ собственною своею силою движеніе въ частяхъ тѣла, и что перемѣна, происшедшая въ чувственныхъ орудіяхъ, напечатлѣваетъ въ душѣ понятіе помощію движенія жизненныхъ соковъ,—именуется *Системою физическаго вліянія* (influxus Phyſici).

Второе мнѣніе, по которому предполагаютъ, что Богъ согласно съ намѣреніемъ и желаніемъ души производитъ движеніе въ тѣлѣ и возбуждаетъ понятіе въ умѣ при всякомъ случаѣ, когда дѣлается перемѣна въ чувственныхъ орудіяхъ, называется *Системою причинъ случайныхъ*, или *содѣйствія Божія* (assistentiae).

Наконецъ третіе мнѣніе Философовъ, утверждающихъ, что ни душа не производитъ движеній въ тѣлѣ, ни тѣло и жизненные соки не бываютъ причиною понятій и чувствованій; но каждая изъ сихъ частей дѣйствуетъ особо, однако такимъ образомъ, что дѣйствія души и тѣла совершенно согласны бываютъ съ законами, предначертанными отъ Бога,—сіе мнѣніе именуется *Системою предуставленнаго согласія*.

Мнѣніе о физическомъ вліяніи принадлежитъ Аристотеликамъ; мнѣніе о случайныхъ причинахъ Картезіанцамъ; мнѣніе о предуставленномъ согласіи — послѣдователямъ Лейбница.

Для поясненія сихъ трехъ мнѣній я присовокуплю примѣръ. Положимъ, что ты намѣренъ писать письмо; тотчасъ движешь руку, берешь перо и чертишь буквы. Желаніе писать относится къ душѣ; движеніе

руки и начертаніе буквъ принадлежатъ тѣлу. Какимъ же образомъ рука движется, когда въ душѣ раждается желаніе писать письмо? Послѣдователи Аристотеля отвѣчаютъ: Сіе совершается естественнымъ образомъ т. е. когда душа имѣетъ желаніе писать; тогда она, какъ дѣйствующая причина, приводитъ въ движеніе руку, понуждая къ тому своею силою нервы, подобно какъ деревянная машина движется рукою человѣка. Картезіанцы рѣшаютъ сей вопросъ такимъ образомъ: Когда душа имѣетъ намѣреніе писать; тогда Богъ движетъ какъ бы нѣкоторую машину, человѣческое тѣло. Но послѣдователи Лейбница, отвергая предъидущія мнѣнія, утверждаютъ, что въ тотъ самый мигъ, когда въ душѣ раждается желаніе писать, тѣло приходитъ въ движеніе собственною своею силою, безъ содѣйствія души, слѣдуя тѣмъ законамъ, которые Богъ предназначилъ: подобно тому, какъ двое часовъ идутъ согласно, хотя они не дѣйствуютъ одни на другіе, но движутся слѣдуя тѣмъ законамъ, которые художникъ, при устроеніи оныхъ, назначилъ для взаимнаго ихъ согласія. Какое изъ сихъ мнѣній правдоподобнѣе, читатель можетъ самъ судить о семъ. Мое намѣреніе было вычислить мнѣнія Философовъ, а не предписывать, что они должны думать. Сіи три мнѣнія пространно объяснены мною въ Наставленіяхъ Метафизическихъ.

ГЛАВА XIII.

О безсмертіи души.

§ 273. Желая объяснишь безсмерше души, почитаю необходимо нужнымъ объяснить прежде, что значишъ *безсмертіе*. Не льзя имѣть подробнаго поняшія о безсмерши, если прежде не будемъ ясно понимать: что значишъ *смерть*.

Многіе древніе Философы, разсуждая о безсмерши души человѣческой по смерши, колеблятся въ мысляхъ и весьма сомнительно говоряшъ о семъ предмешѣ. Не могши по догадкамъ рѣшишь сего вопроса, они желаютъ, чтобы душа человѣческая продолжала бышіе и по смерши. Цицеронъ, разсуждая о безсмерши души, присовокупляешъ наконецъ слѣдующее: *Если я ошибаюсь, вѣря безсмертію души человѣческой; ошибаюсь съ удовольствіемъ; и сего пріятнаго заблужденія, пока я живъ, не хочу лишиться. Если же по смерти (какъ нѣкоторые недостойные уваженія Философы думаютъ) ничего чувствовать не буду; то не опасаюсь, чтобы мертвые Философы смѣялись надъ сею моею ошибкою.* О стар. гл. XXIII.

Въ сочиненіи Цицерона Аттикъ говоришъ слѣдующимъ образомъ о Платоновомъ разсужденіи о Безсмерши души: *Я не знаю, почему читая сочиненіе Платона, я убѣждаюсь; но когда оставляю оное и самъ собою начну разсуждать о безсмертіи души: то все мое убѣж-*

деніе исчезаетъ. Туск. вопр. кн. I. смотр. Гроц. О истинѣ Христіян. Религ. I. § 22.

Послѣдуя мнѣнію Епикурейцевъ, Лукрецій пространно опровергаетъ безсмертіе души въ своемъ сочиненіи о Свойствѣ вещей. Кн. III. ст. 418. и слѣд. Но доказательства, приводимыя имъ противъ сей истины, весьма слабы. Саллюстій имѣлъ лучшее понятіе о безсмертіи души. *Тѣлесная красота возрастаетъ и исчезаетъ съ лѣтами. Духъ нетлѣненъ, вѣченъ, управляетъ родомъ человѣческимъ, дѣйствуетъ, всемъ располагаетъ, будучи самъ независимъ.* Войн. Югур. гл. 2. Полезныя примѣчанія сдѣлалъ на сіе мѣсто Корцій, ст. 415.

§ 274. *Умираетъ* тѣло наше тогда; когда всѣ части онаго и чувства прекращаютъ свои дѣйствія. Слѣдовательно и о душѣ человѣческой сказать можно, что она тогда умираетъ, когда прекращаются всѣ ея понятія, всѣ желанія и всѣ способности.

§ 275. И такъ *безсмертною* должно назвать душу въ такомъ случаѣ; когда она, по разрушеніи тѣла, можетъ продолжать свои понятія и желанія.

§ 276. Для безсмертія души человѣческой нужны три условія:

I. Чтобы она, по разрушеніи тѣла, существовала.

О существованіи души по смерти можно заключить изъ того, что существа, называемыя простыми и невещественными не могутъ разрушиться: что выше доказано было,

когда я говорилъ о существѣ простомъ. Но душа человѣческая есть существо простое; что доказывается ея мыслями и другими дѣйствіями, кои не могутъ происходить отъ существа сложнаго и матеріальнаго. Ибо всѣ явленія, какія могутъ быть въ существѣ сложномъ, единственно состоятъ въ перемѣщеніи: о чемъ уже сказано выше. Смотр. Канція Том. I. О пользѣ Филос. въ отношеніи къ Богосл. стр. 226 и слѣд.

О томъ, что душа человѣческая есть существо простое, Цицеронъ говоритъ такъ: *Если намъ сколько нибудь извѣстна сущность вещественныхъ предметовъ; то мы не можемъ сомнѣваться въ свойствѣ души. Она не имѣетъ въ себѣ никакого смѣшенія, никакого вещества, никакого сопряженія, или соединенія частей, не имѣетъ никакой сложности.* Кн. II. О свойст. Боговъ. Важность и силу довода, основаннаго на простомъ свойствѣ души человѣческой для доказательства ея безсмертія, Цицеронъ хорошо изъяснилъ въ гл. XXI. о старости.

II. Для безсмертія души нужно, чтобы она и по смерти тѣла продолжала свои понятія.

Сіе можно заключать изъ того, что когда душа, по смерти тѣла, продолжаетъ бытіе свое, не можетъ не продолжаться и умственная сила ея. Ибо сила умственная составляетъ существенное свойство души. И такъ если сила умственная будетъ продолжаться, то и самыя понятія не могутъ прекратиться.

Всякая сила дѣйствуетъ, если нѣтъ препятствія къ тому. Но не льзя вообразить себѣ никакого препятствія, которое бы могло по смерти пресѣчь источникъ понятій въ душѣ, т. е. силу мыслящую.

III. Безсмертіе души необходимо предполагаетъ подробныя понятія, по разрушеніи тѣлеснаго состава.

Сіе основывается на томъ предположеніи, что всѣ темныя понятія души происходятъ отъ ограниченности тѣла, въ которомъ какъ бы въ нѣкоторыхъ узахъ заключена. Слѣдовательно душа, освободясь отъ узъ тѣлесныхъ и вышедши какъ бы изъ мрака на свѣтъ, должна имѣть гораздо яснѣйшія и подробнѣйшія понятія.

IV. Наконецъ безсмертіе души требуетъ, чтобы она понимала свое бытіе, и имѣла самосознаніе, должна и по смерти чувствовать, что она таже самая, которая была до разрушенія тѣла.

Если душа будетъ имѣть по смерти подробныя понятія; то она 1] должна понимать свое бытіе и различать себя отъ прочихъ существъ; 2] должна сознавать, что она таже самая, которая была прежде смерти; 3] должна сохранять воспоминаніе о прошедшемъ своемъ состояніи. Здѣсь не нужно представлять многихъ доводовъ, доказывающихъ безсмертіе души: они предложены мною въ наставленіяхъ Метафизическихъ, стр. 512.

ГЛАВА XIV.

О душахъ животныхъ безсловесныхъ.

§ 277. Разсматривая безсловесныхъ животныхъ, я не только удивляюсь чудесному устройству ихъ тѣла, но убѣждаюсь, что въ тѣлѣ ихъ обитаетъ душа.

I. Безсловесныя животныя имѣютъ чувства и мозгъ такъ, какъ и люди. Но чувственныя орудія и мозгъ даны человѣку отъ Бога для того, дабы помощію ихъ могъ онъ составлять понятія; слѣдовательно и прочія животныя одарены чувствами на тотъ же самый конецъ. Изъ сего можемъ заключить, что и безсловесныя животныя имѣютъ души.

Доказательство, основанное на Сходствѣ [Аналогіи], многіе приводятъ, утверждая, что безсловесныя животныя имѣютъ души. О семъ предметѣ можно прочесть разсужденіе Историко - философическое Рибовія о душѣ животныхъ безсловесныхъ, помѣщенное въ сочиненіяхъ Рорарія о *смыслѣ животныхъ*.

II. Изъ опыта знаемъ, что безсловесныя животныя имѣютъ самосознаніе и различаютъ себя отъ внѣшнихъ предметовъ.

Такимъ образомъ Делфинъ, о которомъ говоритъ Плиній, могъ различать отъ прочихъ дѣтей юношу, который

обыкновенно первый приплывалъ къ нему, и сѣвъ на спину плавалъ туда и сюда по морю. Кн. IX. гл. 33.

III. И такъ не льзя сомнѣвашься въ томъ, что животныя безсловесныя мыслятъ.

Ибо мыслить не что иное значитъ, какъ имѣть самосознаніе и различать себя отъ внѣшнихъ предметовъ.

IV. Животныя не только понимаютъ вещи, окружающія ихъ, но имѣютъ сверхъ того воображеніе и память.

О способности животныхъ чувствовать и понимать никто не можетъ сомнѣваться, развѣ такой Скептикъ, который сомнѣвается и въ томъ: есть ли солнце, или нѣтъ. Многія животныя одарены чувствами преимущественно предъ человѣкомъ. Орлы превосходятъ его зрѣніемъ; кроты слухомъ; коршуны обоняніемъ. Многія доказательства подтверждаютъ, что безсловесныя животныя имѣютъ воображеніе. Такимъ образомъ собака, видя хозяина поднявшаго палку, которою она нѣсколько разъ была бита, тотчасъ убѣгаетъ отъ него, представляя въ воображеніи прежніе удары, полученные ею.

Память безсловесныхъ животныхъ доказывается самымъ опытомъ. Мы знаемъ, что собака узнаетъ своего хозяина, не видѣвъ его долгое время. Тоже самое къ удивленію нашему примѣчаемъ и въ ласточкахъ, которыя, перелѣтая, какъ говоритъ Рорарій, безмѣрное пространство моря и земли, возвращаются не только въ пре-

жнюю сторону, но даже въ тотъ самой домъ, въ ту самую часть дома, въ которой они прежде имѣли гнѣзда.

V. Безсловесныя животныя имѣютъ чувственное желаніе и отвращеніе.

Сіе можно доказать однимъ даже употребленіемъ пищи. *Природа*, говоритъ Цицеронъ, *дала звѣрямъ ощущеніе и влеченіе къ пищѣ. Одно способствуетъ имъ находить пищу для насыщенія своего, а другое различать полезное отъ вреднаго.* Кн.II. о есш. Боговъ.

Всякому извѣстно, что безсловесныя животныя имѣютъ страсти. О боязни, гнѣвѣ и другихъ страстяхъ не буду говорить здѣсь; упомяну только о печали, которую соловей, лишась дѣтей своихъ, чувствуетъ, какъ изобразилъ Виргилій въ слѣдующихъ стихахъ:

Подъ тѣнью тополя унылый соловей
Пѣснь жалобну поетъ, лишась своихъ дѣтей,
Которыхъ земледѣлъ безжалостной рукою
Похитилъ изъ гнѣзда. Онъ и ночной порою
И въ ранній утра часъ поетъ свою печаль;
Унылыхъ пѣсней звукъ несется эхомъ въ даль.

278. Изъ всего выше сказаннаго явствуетъ, что животныя безсловесныя не суть машины, но существа одаренныя душею, которая отлична отъ ихъ тѣла и не имѣетъ ничего вещественнаго.

Картезіанцы почитали животныхъ машинами. Касательно сего ихъ мнѣнія смотри Рибов. Разсуж. о душѣ животныхъ, стр. 745.

§ 279. Но души человѣческія превышаютъ совершенствами души безсловесныхъ животныхъ; что видѣть можно изъ слѣдующихъ положеній:

I. Безсловесныя животныя не имѣютъ подробныхъ понятій о вещахъ, и слѣдовательно лишены смысла.

Животныя не имѣютъ способности размышлять; слѣдовательно не могутъ подробно представлять себѣ и различать тѣхъ примѣтъ, которыми одна вещь отъ другой отличается: что необходимо требуется къ составленію подробныхъ понятій. Логик. § 37. Кто имѣетъ ясныя и подробныя понятія, тотъ можетъ составлять понятія отвлеченныя. Но безсловесныя животныя не показываютъ никакихъ слѣдовъ способности составлять общія и отвлеченныя понятія, на примѣръ, они не понимаютъ, что есть *законъ*, что есть *совѣсть*, *добродѣтель*, *порокъ* и пр. Слѣдовательно никакъ не льзя приписать имъ подробныхъ понятій.

Разсудокъ есть способность подробно представлять вещи [по опред.]: слѣдовательно животныя безсловесныя не имѣютъ разсудка.

II. Безсловесныя животныя не имѣютъ разума.

Разумъ есть способность подробно постигать связь общихъ истинъ [по опред.]. Но кто могъ примѣтить сію способность въ безсловесныхъ животныхъ? Можно ли думать, что бы безсловесное животное могло разумѣть сіе предложеніе и его слѣдствія: *Добродѣтель дѣлаетъ насъ счастливыми?* Безсловесныя животныя руководствуются чувствами и наслаждаются однимъ настоящимъ, не думая

ни о прошедшемъ, ни о будущемъ. Цицер. о дол. кн. I. гл. 4.

Споры о разумѣ животныхъ можно отнесть къ пустымъ словопреніямъ. Дѣйствія нѣкоторыхъ звѣрей удивительны и достойны вниманія. Но сіи дѣйствія ихъ происходятъ или отъ естественнаго нѣкоего побужденія, не требующаго никакихъ предварительныхъ размышленій, или отъ силы воображенія. Виргилій живо описалъ общество пчелъ въ кн. I. стр. 454. Энеид.

Такъ видимъ въ свѣтлый день, весеннею порой
Летаетъ на поляхъ цвѣтущихъ пчельный рой.

Такое трудолюбіе и удивительное искуство пчелъ не происходитъ ни отъ ихъ изобрѣтательнаго остроумія, ни отъ разсужденія, или предварительнаго размышленія. Тоже самое можно сказать и о говорѣ птицъ, которыя, подражая человѣку, иногда составляютъ краткія реченія. Здѣсь не видно никакихъ слѣдовъ разума. Птицы не понимаютъ значенія употребляемыхъ ими словъ; они не могутъ по своему произволу соединять, или перемѣнять слова такимъ образомъ, чтобы помощію ихъ могли изъяснять свои чувствованія. Персій въ предисловіи къ Сатирамъ приводитъ весьма справедливую причину скорой переимчивости птицъ, подражающихъ человѣческому голосу: *Кто научилъ попугая, или ворона привѣтствованію? кто принудилъ сороку произносить слова наши? Наставникомъ искуства сего и знанія былъ голодъ.*

III. Сужденіе по Сходству (Аналогіи), или соображеніе подобныхъ случаевъ примѣчаемъ мы въ безсловесныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ собака боится удара, увидѣвъ поднятую палку; потому что она прежде испытала побои, когда хозяинъ подобнымъ образомъ поднималъ палку. Она увидѣвъ вторично палку въ рукахъ господина, ожидаетъ подобныхъ для себя побоевъ. Сіе размышленіе, которое собака по видимому дѣлаетъ при семъ случаѣ, основывается не на разумѣ, но на Соображеніи. Примѣромъ Соображенія подобныхъ случаевъ, примѣчаемаго въ животныхъ, можетъ служить прекрасная басня Федра о *собачкѣ* и *ослѣ*, ласкающихся къ своему господину. Здѣсь должно привесть на память то, что выше сказано о Соображеніи разума, § 214.

IV. Безсловесныя животныя лишены свободы; они имѣютъ одну только *произвольность*.

Существенная принадлежность свободы есть разумъ [§ 267], котораго животныя не имѣютъ [§ 279. Пол. II]. Слѣдовательно не льзя приписать имъ свободы. Но животныя дѣйствуютъ сами собою; почему справедливо приписывается имъ *произвольность*.

МЕТАФИЗИКИ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Естественное Богословіе.

ГЛАВА I.

О бытіи Божіемъ.

§ 280. Всѣ наши познанія о Богѣ и Его совершенствахъ, пріобрѣтенныя разумомъ, расположены Философами въ приличномъ порядкѣ и предложены въ особой наукѣ, которая называется *Естественнымъ Богословіемъ*. — *Естественное Богословіе* есть наука о Богѣ, о Его свойствахъ и дѣйствіяхъ.

Сія наука называется Естественнымъ Богословіемъ потому, что ученіе о Богѣ объясняемое въ оной, основывается на естествѣ, или на разумѣ. Симъ Естественное Богословіе различается отъ Откровеннаго ученія, которое, основываясь на Священномъ писаніи, предлагаетъ такія истины, которыхъ, по причинѣ высокости и таинственности, разумъ самъ собою не можетъ постигнуть.

§ 281. И такъ прежде всего въ Естественномъ Богословіи должно доказать бытіе Бога. Для лучшей связи доказательствъ нужно изъяснить силу и значеніе слова: *Богъ*.

§ 282. *Богомъ* мы называемъ существо совершеннѣйшее, которое само собою существуетъ и по своей сущности необходимо имѣетъ бытіе; которое весь міръ сей и все содержащееся въ немъ произвело, такъ какъ дѣйствующая главная причина.

Въ семъ опредѣленіи исчисленныя отличительныя свойства ясно показываютъ: 1] что значитъ слово *Богъ;* 2] чѣмъ отличается Богъ отъ всѣхъ прочихъ существъ. Сіе опредѣленіе Бога есть словесное; почему можно изобразить оное и сими словами: *Богъ есть духъ всесовершенный;* также: *Богъ есть существо независимое;* или: *Богъ есть существо безпредѣльное*. Всѣ сіи свойства могутъ быть приписаны одному Богу; ибо онъ отличается ими отъ всѣхъ прочихъ существъ.

§ 283. Различными доводами доказываютъ бытіе Бога, или такого существа всесовершеннаго, которое необходимо существуетъ и которое произвело сей міръ. Изъ сихъ доказательствъ одни другихъ сильнѣе дѣйствуютъ на убѣжденіе сердца. Я приведу только самыя главныя:

I. Нѣкоторые доказываютъ бытіе Бога тѣмъ, что истина сія: *есть Богъ*, такъ глубоко напечатлѣна на сердцѣ каждаго отъ самаго младенчества, что, кажется, всѣ наши познанія о Богѣ не заимствова-

ны отъ другихъ, не почерпнуты въ книгахъ, но внушены самою природою.

Сему доказательству, основанному на врожденномъ нашемъ познаніи о Богѣ, нѣкоторые приписываютъ болѣе силы, нежели должно. Цицеронъ говоритъ: *Во всѣхъ природою напечатлѣно на сердцѣ познаніе о бытіи Бога.* О свойст. Бог. кн. II. гл. 4. Если сіи слова пріймемъ въ томъ смыслѣ, что познаніе о Богѣ начертано самою природою на сердцѣ человѣка, и что всякъ можетъ, руководствуясь однимъ врожденнымъ понятіемъ ума, постигнуть Бога, не имѣя нужды въ наставленіи и образованіи сердца; то отъ сего произойдутъ многія затрудненія неудоборѣшимыя.

II. Многіе доказываютъ бытіе Бога удивительнымъ устройствомъ и красотою сего міра, неизмѣняемымъ порядкомъ небесныхъ свѣтилъ, совершающихъ путь свой по премудрымъ законамъ.

Цицеронъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій доказываетъ бытіе Бога красотою міра и согласіемъ всѣхъ частей онаго. Я приведу здѣсь нѣкоторыя его мысли:

Когда представимъ себѣ въ умѣ, говоритъ онъ, *вопервыхъ великолѣпіе и красоту міра, потомъ неимовѣрно быстрое стремленіе свѣтилъ небесныхъ; когда вообразимъ теченіе дней и ночей, перемѣну разныхъ временъ года, способствующую къ созрѣнію плодовъ и благорастворенію воздуха; когда обратимъ вниманіе на царя и вожя планетъ—солнце, на луну, при-*

ращеніемъ и уменьшеніемъ своего свѣта позывающую время; когда устремимъ взоры на небесный кругъ, раздѣленный на двенадцать знаковъ, гдѣ пять планетъ совершаютъ всегда постоянное теченіе, имѣя разныя движенія; когда воззримъ во время ночи на небо, испещренное и украшенное звѣздами: когда воззримъ на все сіе и на другія безчисленныя чудеса Природы; можемъ ли подумать, что нѣтъ Творца, если сей міръ сотворенъ, какъ Платонъ полагаетъ, или нѣтъ Правителя сей дивной и огромной вселенной, если она прежде вѣкъ существовала, какъ Аристотель утверждаетъ? Вопр. Туск. кн. II. гл. 28. Подобныя мысли заключаетъ и слѣдующее мѣсто: *Видя живописную картину, можемъ ли сказать, чтобы она была сдѣлана сама собою безъ художника? Усматривая вдали плывущій корабль можемъ ли предполагать; чтобы движеніе онаго совершалось безъ благоразумія и искуства? Взирая на солнечные, или песочные, или водяные часы можемъ ли думать, чтобы они составлены были по случаю, безъ всякаго участія человѣческаго? Какъ же можно думать, чтобы сія вселенная, вмѣщающая въ себѣ и художниковъ и ихъ произведенія и все сущее, была управляема безъ премудраго Виновника? Если бы кто понесъ въ Скивію, или въ Британію ту сферу, которую другъ нашъ Посидоній составилъ, которой каждое обращеніе представляетъ тоже самое касательно движенія солнца, луны и пяти подвижныхъ звѣздъ, что видимъ каждый день и каждую ночь на*

небѣ; то могъ ли бы какой Скиѳъ, или Британецъ подумать, что сія сфера сдѣлана безъ разума? Но сіи философы не могутъ рѣшить касательно сего міра, изъ котораго все происходитъ и раждается: случаемъ ли онъ произведенъ, необходимостію ли нѣкоею, или премудростію и разумомъ Божественнымъ? О Естеств. Боговъ, кн. II. Въ томъ же мѣстѣ Цицеронъ представляетъ Бильбина говорящимъ такъ:

Философы, видя опредѣленное и стройное движеніе міра, видя все въ согласномъ и постоянномъ порядкѣ, долженствовали понять, что въ семъ небесномъ и божественномъ чертогѣ не только есть Обитатель, но Правитель и Властелинъ, есть Зодчій толико дивнаго, толико чуднаго строенія.

III. Нѣкоторые почитаютъ весьма важнымъ то доказательство, которое заимствуется отъ согласія народовъ. Ибо нѣтъ въ мірѣ такого непросвѣщеннаго и дикаго народа, который бы не признавалъ бытія Божія.

О семъ Цицеронъ говоритъ слѣдующее: *Самымъ твердымъ доказательствомъ бытія Божія кажется мнѣ то, что ни одинъ народъ самый дикій, самый грубый не лишенъ понятія о Богѣ. Многіе имѣютъ превратное понятіе о Немъ; но сіе происходитъ отъ развращенія нравовъ. Впрочемъ всѣ они согласны въ томъ, что есть Существо высочайшее. Сіе всеобщее увѣреніе распространилось не по какому либо соглашенію людей; не постановленіями, или законами оно укоренилось. Но во всякой вещи*

согласіе всѣхъ народовъ должно почитаться закономъ Природы. Кн. I. Туск. вопр. спр. 171. Согласно съ симъ говоритъ Сенека: *Мы всегда уважаемъ общее мнѣніе народа; почитаемъ истиною то, что всѣ утверждаютъ. Такимъ образомъ всѣ увѣрены въ бытіи Боговъ; во всѣхъ Природа напечатлѣла сію мысль; нѣтъ никоднаго народа столь дикаго и непросвѣщеннаго, который бы не вѣрилъ бытію Боговъ.* Письм. 117.

IV. Доказательство, заимствуемое отъ пользы и цѣли твореній, нѣкоторые почитаютъ весьма сильнымъ доказательствомъ бытія Божія.

Обратимъ ли вниманіе на всеобщую связь и дивное устройство міра, или на отличный составъ тѣла человѣческаго, или на разнообразные виды живот-ныхъ и растеній; увидимъ ясно, что все создано и расположено съ нѣкоторою цѣлію и намѣреніемъ; все имѣетъ свои причины. Весьма хорошо говоритъ о семъ Гроціи: *Если разсмотримъ внутреннее и внѣшнее устройство тѣла человѣческаго; вникнемъ во всѣ самыя малѣйшія части онаго, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою цѣль и пользу, и притомъ показываетъ такое искуство, что самые мудрые философы и врачи не могутъ довольно тому надивиться: то можемъ убѣдиться, что Умъ, устроившій природу, есть самый совершенный. Равнымъ образомъ небесныя свѣтила, особливо солнце и луна, совершаютъ теченіе свое съ такою очевидною пользою для плодородія земли и для существованія животныхъ, что не льзя*

ничего лучшаго и совершеннѣйшаго выдумать. О истинѣ. Христ. вѣр. стр. 11 и 13, изд. Клерика.

V. Иные наконецъ доказываютъ бытіе Божіе случайностію и измѣняемостію міра, дѣлая заключеніе къ нѣкоему Существу, совершенно необходимому. По мнѣнію нѣкоторыхъ сей способъ доказательства есть самый ясный и самый лучшій.

Сущность доказательства, заимствуемаго отъ случайности міра, заключается въ слѣдующихъ положеніяхъ: *Сей міръ есть случайный и могъ быть созданъ иначе.* И такъ если сей міръ могъ и не существовать, или существовать иначе; то довольная причина должна быть непремѣнно: почему онъ существуетъ, или почему онъ такимъ, а не инымъ образомъ существуетъ [§ 15]. Сія довольная причина находится или въ мірѣ, или внѣ онаго [§ 15. пол. III]. Но въ мірѣ она не можетъ находиться: иначе сей міръ былъ бы существо совершенно необходимое, что противно § 152. пол. III. Слѣдовательно сія причина должна находиться внѣ міра; слѣдовательно должно быть существо, которое отлично отъ міра и которое содержитъ довольную причину, почему сей міръ, а не другой существуетъ. Существо, отличное отъ міра, не можетъ быть случайное; иначе оно заключалось бы въ самомъ мірѣ и не было бы отлично отъ міра. Слѣдовательно должно быть существо необходимое; слѣдовательно есть существо необходимое, которое не можетъ не существовать; которое отлично отъ міра и содержитъ

въ себѣ довольную причину: для чего сей міръ существуетъ.

§ 284. Хотя сія истина очевидна, что есть нѣкоторое Божество, которое произвело сей міръ и имъ управляетъ; сомнѣваться о сей истинѣ развѣ тотъ только можетъ, кто сомнѣвается: есть ли солнце, или нѣтъ: однако были во всякое время и нынѣ есть такіе люди, которые отрицаютъ бытіе Бога. Сіи люди называются *безбожниками*; а то гибельное заблужденіе, коимъ зараженные не признаютъ никакого Бога, называется *безбожіемъ* [Atheismus].

Нѣкоторые сомнѣваются: были ли когда нибудь безбожники? Таковымъ въ отвѣтъ почитаю нужнымъ исчислить разнаго рода безбожниковъ. Безбожниковъ обыкновенно раздѣляютъ на *умозрительныхъ* и *дѣятельныхъ* (theoreticos et practicos). *Дѣятельные* безбожники суть тѣ, которые, предаваясь страстямъ и порокамъ, явно дѣлами своими и порочною жизнію показываютъ, что они не вѣрятъ въ Бога. Такихъ безбожниковъ много на свѣтѣ. *Умозрительные* безбожники суть тѣ, которые или внушаютъ другимъ, или сами увѣряютъ себя, что нѣтъ Бога. Научающіе безбожію въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ въ свѣтъ, называются *систематическими* безбожниками, къ которымъ можно причислить Спинозу, Толанда и другихъ. Но увѣряющіе самихъ себя въ томъ, что нѣтъ Бога, именуются *личными* [personales]. Дабы судить о сихъ послѣднихъ, должно видѣть всѣ изгибы сердца; но видѣть оныя можетъ одинъ только Богъ. Цицеронъ

*

упоминаетъ о двухъ древнихъ безбожникахъ Діагорѣ и Θеодорѣ. *Нѣтъ Бога*, говоритъ онъ, *думали Діагоръ Милетскій и Θеодоръ Киринейскій.* Въ сочиненіи Цицерона Котта, желая опровергнуть доказательство бытія Божія, заимствованное отъ согласія народовъ, говоритъ: *А Діагоръ, названный безбожникомъ, и послѣ того Θеодоръ, не ясно ли отвергали бытіе Бога?* Цицер. О Есш. Бог. кн. I. гл. 1.

Безбожники отрицаютъ бытіе Божіе; а суевѣры приписываютъ божескую силу дѣламъ рукъ человѣческихъ; они заблуждаютъ умножая Боговъ. Идолопоклонники, прельщенные суевѣріемъ, приписывали нѣкогда полету птицъ, или внутренностямъ животныхъ жребій человѣка, зависящій отъ одного Бога. Царь Прузій, когда Аннибалъ, жившій у него въ изгнаніи, совѣтовалъ начать войну съ Римлянами, сказалъ: *Я не смѣю начинать войну; ибо внутренности животныхъ запрещаютъ ее. Уже ли ты*, сказалъ Аннибалъ, *болѣе вѣришь частичкѣ телячьяго мяса, нежели опытному полководцу?* Циц. кн. II. о гадан.

Г Л А В А II.

О сущности и свойствахъ Божіихъ.

§ 285. Говоря о сущности Божіей, я имѣю цѣлію только то, чтобы показать, изъ какого главнаго понятія, какъ изъ источника, прочія свойства Божіи должны быть выводимы и надлежащимъ образомъ доказываемы. И такъ *сущность* Божія заключается въ томъ

свойствѣ, которое дѣлаетъ бытіе Божіе совершенно необходимымъ. Изъ сей совершенной необходимости существованія Божія доказываются божественныя свойства.

§ 286. Свойствами Божіими я называю всѣ сказуемыя, приписываемыя Богу.

На прим. Богъ есть *безпредѣльный*, *всемогущій*, *премудрый* и проч.

§ 287. Свойства Бога могутъ изъ совершенной необходимости существованія его выходимы быть по законамъ умозаключенія, какъ доказываютъ слѣдующія положенія:

I. Богъ для своего существованія не имѣетъ нужды ни въ какой силѣ другаго существа, находящагося внѣ его.

Богъ есть существо совершенно необходимое [§ 282]; и потому онъ содержитъ довольную причину бытія своего въ своей сущности, какъ сказано въ опредѣленіи существа совершенно необходимаго. Слѣдовательно Богъ для существованія своего не имѣетъ нужды въ силѣ другаго существа, внѣ его находящагося.

II. Слѣдовательно Богъ существуетъ собственною силою.

III. Изъ сего явствуетъ, что Богъ справедливо называется *существомъ самобытнымъ*.

Ибо самобытнымъ называется то *существо*, которое имѣетъ бытіе собственною силою.

IV. Изъ сего слѣдуетъ, что Богъ есть *существо независимое*, *неперемѣняемое и вѣчное*.

Богъ содержитъ довольную причину бытія своего въ своей сущности и существуетъ собственною силою [пол. 2]: слѣдовательно Богъ независимъ. *Независимымъ* называется то существо, которое имѣетъ довольную причину бытія своего не въ другомъ, но въ самомъ себѣ. Богъ не подверженъ перемѣнамъ; потому что Онъ есть существо совершенно необходимое, которое измѣняться не можетъ; [ибо существо совершенно необходимое иначе существовать не можетъ, по опред.].

Вѣчность существованія Божія можно доказать разными способами; но тотъ способъ, который заимствуется отъ Божьяго существованія совершенно необходимаго, доказываетъ, по моему мнѣнію, его вѣчность основательнѣе прочихъ. Сіе доказательство состоитъ изъ слѣдующихъ положеній:

1] Богъ есть существо совершенно необходимое [по опред.].

2] Существо совершенно необходимое не можетъ не существовать [по опред.].

3] Слѣдовательно существо совершенно необходимое не можетъ имѣть ни начала своему существованію [въ противномъ случаѣ оно нѣкогда не имѣло бы бытія: что несообразно съ свойствомъ его § 109,] ни конца бытію своему [иначе оно прекратило бы свое существованіе, что также противно его свойству].

V. Богъ не есть существо сложное, но простое.

Богъ не можетъ имѣть ни начала, ни конца [по полож. предъид.]. Но существо сложное получаетъ начало, когда части соединяются вмѣстѣ; оно разрушается, когда связь частей разторгается [§ 99]. Слѣдовательно Богъ не можетъ быть существомъ сложнымъ; слѣдовательно Онъ есть существо простое.

VI. Богъ есть существо безпредѣльное.

Предположимъ, что Богъ не есть существо безпредѣльное, но ограниченное; въ такомъ случаѣ Онъ долженъ имѣть предѣлы [§ 121]. Существо ограниченное можетъ по временамъ перемѣнять свое состояніе [§ 120. пол. III.]. Слѣдовательно оно перемѣняемо. Но Богъ непремѣненъ [пол. IV]. Слѣдовательно Богъ не есть существо ограниченное, но безпредѣльное.

VII. Богъ имѣетъ дѣйствительно, необходимо и въ безпредѣльной степени всѣ совершенства и существенныя свойства, какія только возможны въ немъ.

Сіе самое составляетъ существенную принадлежность существа безпредѣльнаго, что доказано выше въ § 122. пол. III и IV.

VIII. Богъ есть существо неизмѣримое; не возможно представить себѣ ничего въ умѣ, что могло бы превзойти Его.

Ничего не возможно представить въ умѣ большаго въ сравненіи съ существомъ безпредѣльнымъ [§ 122]: слѣдовательно и не льзя приписать Богу извѣстной и опредѣленной величины совершенствъ. Изъ чего явствуетъ, что Богъ есть существо неизмѣримое.

IX. Многія безпредѣльныя существа быть не могутъ [§ 122. пол. IV.]. Слѣдовательно одинъ только есть Богъ и болѣе одного Бога быть не можетъ.

Между многими свидѣтельствами древнихъ, дошедшими до насъ, о единствѣ Бога, достойно особеннаго вниманія слѣдующее мѣсто, взятое Гроціемъ изъ Софокла:

„Единъ по истинѣ, единъ есть Богъ, сотворив-
„шій небо и землю пространную, и голубое море,
„воздымаемое волнами и сильными бурями.

X. Совершенства, находящіяся въ Богѣ, находятся безъ всякой постепенности времени.

Сіе доказывается естествомъ существа безпредѣльнаго въ § 122. пол. V.

ГЛАВА III.

О Разумѣ Божіемъ.

§ 288. Изъ выше сказаннаго легко можно извлечь понятіе о безпредѣльномъ совершенствѣ Божескаго разума: о чемъ подробнѣе предложу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Богъ имѣетъ разумъ всесовершенный.

Богъ имѣетъ дѣйствительно всѣ возможныя совершенства [§ 287. пол. VII]; а потому и самый разумъ. Мы усматриваемъ разумъ его не только въ составѣ цѣлаго міра, но и въ самомъ малѣйшемъ тво-

реніи, подобно какъ въ зеркалѣ. Но что разумъ Божій есть всесовершенъ, и что мы не можемъ представить себѣ другаго разума совершеннѣйшаго и обширнѣйшаго, сіе доказывается тѣмъ, что Богъ, по своей безпредѣльности, имѣетъ всѣ свойства въ безпредѣльной степени безъ всякаго сравненія.

II. Богъ единымъ дѣйствіемъ разума проникаетъ въ самую сокровенность твореній и со всею возможною подробностію постигаетъ не только то, что существуетъ дѣйствительно, но даже то, что можетъ существовать.

Богъ имѣетъ разумъ всесовершенный [полож. 1.]; разумъ всесовершенный есть тотъ, который объемлетъ: 1] всѣ возможные предметы, 2] постигаетъ оные самымъ подробнѣйшимъ образомъ, 3] постигаетъ однимъ дѣйствіемъ и въ одинъ мигъ: слѣдовательно Богъ видитъ весьма подробно не только настоящее, или прошедшее, но даже то, чего нѣтъ, не было и не будетъ, но что могло бы быть, если бы послѣдовала въ мірѣ другая связь причинъ, другой порядокъ дѣйствій, проистекающихъ изъ оныхъ причинъ. Все сіе познаетъ Богъ не постепенно, какъ люди, не по частямъ, не по времени одно за другимъ, но въ одинъ мигъ: ибо существо безпредѣльное не можетъ подлежать послѣдованію времени [§ 237. пол. X.].

III. Богъ имѣетъ разумъ самый чистѣйшій; слѣдовательно ни чувства, ни воображеніе не могутъ быть приписаны Существу Высочайшему.

Постиженія Божественнаго разума суть самыя подробныя и самыя ясныя. Здѣсь должно повторить то, что сказано выше о чистомъ разумѣ § 206.

§ 289. Кто совершенно и весьма подробно видитъ не только все, что существуетъ, но и что существовать можетъ; тотъ все вѣдаетъ: слѣдовательно Богъ есть *всевѣдущъ:* о семъ можно быть увѣреннымъ изъ того, что сказано о Его разумѣ.

О всевѣденіи Божіемъ Спаній говоритъ слѣдующее: *Воззри на того, который все вѣдаетъ и всю Вселенную исполняетъ вѣстниками воли своей. Онъ видитъ восхожденіе и захожденіе свѣтилъ, объемлетъ взоромъ Югъ и Сѣверъ; проникаетъ во всѣ совѣты мира и брани и самыя сердца испытываетъ.*

ГЛАВА IV.

О волѣ Божіей.

§ 290. Богъ своимъ безпредѣльнымъ разумомъ постигаетъ со всею подробностію и настоящее и будущее: слѣдовательно Онъ весьма ясно познаетъ всякое добро. Познавъ добро, онъ не можетъ не любить и не желать его: что бываетъ необходимымъ слѣдствіемъ познанія добра, какъ выше сказано въ § 229 и слѣд.

§ 291. Дѣйствіе, которымъ Богъ желаетъ добра, называется *воля Божія:* сіе подробнѣе объясняется въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Воля Божія есть всесовершенная.

Если всѣ совершенства Божіи не имѣютъ постепенности и предѣловъ [§ 237. пол. VI.]: то явствуетъ, что воля Божія есть всесовершенная.

II. Богъ желаетъ всего того, что есть истинно доброе.

Сего требуетъ всесовершенная воля Его, которой существенное свойство состоитъ въ томъ, чтобы стремиться ко всему доброму.

III. Богъ желаетъ всякаго добра *по мѣрѣ совершенствъ онаго*, т. е. предпочитаетъ бо́льшее добро меньшему; и потому изъ многихъ предметовъ, болѣе или менѣе совершенныхъ, избираетъ тотъ, который совершеннѣе и сообразнѣе съ Его намѣреніями.

Предположимъ, что Богъ не желаетъ добра *по мѣрѣ совершенствъ онаго;* тогда онъ предпочтетъ меньшее добро бо́льшему; тогда не будетъ соразмѣрности между дѣйствіемъ воли и количествомъ добра, находящагося въ желаемомъ предметѣ. Но гдѣ нѣтъ соразмѣрности или согласія; тамъ нѣтъ должнаго совершенства [§ 64]. Слѣдовательно Богъ не былъ бы существо всесовершенное: что утверждать противно и разуму и убѣжденію сердца.

IV. Изъ сего слѣдуетъ, что Богъ желаетъ всего самаго лучшаго, т. е. самаго сообразнѣйшаго съ Его намѣреніями.

Самымъ лучшимъ должно почитать все то, что воля Божія избираетъ и что сообразно съ Божіими намѣреніями; а не то, а что люди почитаютъ самымъ лучшимъ, часто ошибаясь.

Всесовершенная воля Бога основывается на разумѣ Его, который, какъ выше сказано, постигаетъ со всею подробностію совершенства вещей и степени совершенствъ ихъ. На семъ основано ученіе о самомъ лучшемъ мірѣ, которое иные защищаютъ, другіе опровергаютъ. Тѣ, которые защищаютъ сіе ученіе, говорятъ такимъ образомъ:

1. Міръ сей есть существо случайное и могъ быть созданъ иначе.

2. Слѣдовательно, кромѣ сего міра, многіе другіе міры были возможны.

3. Изъ многихъ возможныхъ міровъ, которые Богъ прежде вѣкъ представлялъ въ своемъ разумѣ, избранъ сей міръ, а не другой, и созданъ имъ.

4. Но Богъ, коего воля всесовершенна, избираетъ только то, что съ Его намѣреніями есть самое сообразнѣйшее.

5. Слѣдовательно міръ сей есть самый сообразный съ Его намѣреніями.

6. Міръ, самый сообразный съ намѣреніями Божіими, есть самый лучшій, или самый совершенный.

7. И такъ міръ сей есть самый *лучшій*, или самый *совершеннѣйшій*.

Для желающихъ знать, отъ чего родился споръ о *самомъ лучшемъ мірѣ*, я предложу, сколько можно крашче, исторію объ ономъ. Лейбницъ, желая объяснить неудоборѣшимый и съ многими трудностями сопряженный вопросъ о происхожденіи зла, дабы опровергнуть мнѣніе Беля, который, основываясь на лож-

ныхъ умозаключеніяхъ, приписывалъ происхожденіе зла какому-то злому Божеству, Лейбницъ, говорю, предложилъ свое мнѣніе о самомъ лучшемъ мірѣ, и утверждалъ, что *зло* не можетъ изъято быть изъ самаго лучшаго міра. И такъ вопросъ о самомъ лучшемъ мірѣ происшекъ изъ другаго, съ многими трудностями сопряженнаго, вопроса о происхожденіи зла. Пешръ Бель находилъ весьма великое множество неразрѣшимыхъ задачь въ объясненіи о происхожденіи зла. Онъ говорилъ, что разумъ и Откровеніе совершенно противорѣчатъ между собою. Сіе мнѣніе онъ утверждалъ на томъ, что разумъ о паденіи Прародителей, описываемомъ въ Священномъ писаніи, находитъ такія сомнѣнія, которыхъ рѣшить нѣтъ никакого способа, и что нѣтъ ничего неудоборѣшимѣе сей задачи. Возможноли сіе, говорилъ онъ, чтобы Богъ премудрый и благій создалъ человѣка съ наклонностями самыми порочными, вовлекшими его въ пагубу? Возможноли, чтобы Богъ премудрый и благій исполнилъ сей міръ зломъ до такой степени, что нѣтъ ничего священнаго ни въ Божественныхъ, ни въ человѣческихъ дѣлахъ?

Лейбницъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ ума своего старался опровергнуть сіе мнѣніе Беля и разрѣшить его возраженія. Прусская Королева, Софія Каролина, неоднократно просила Лейбница, чтобы онъ разрѣшилъ ея сомнѣнія, родившіяся при чтеніи сочиненій Белевыхъ и опровергъ возраженія сего писателя. Лейбницъ, исполнивъ желаніе Королевы, издалъ

въ свѣтъ на Французскомъ языкѣ сочиненіе подъ названіемъ: *Судъ*, или *Правда Божія* (Theodicaea). Въ сей книгѣ Авторъ избралъ новый способъ рѣшить возраженія Белевы, опровергъ порицанія противъ благости Божей и весьма удовлетворительно объяснилъ происхожденіе зла. Содержаніе сего сочиненія Лейбницева есть слѣдующее: *Богъ есть всевѣдущій, премудрый, пресвятый: и потому онъ не могъ не избрать того, что есть самое совершенное, или самое лучшее. Но онъ избралъ сей міръ преимущественно предъ всѣми возможными мірами, которые онъ со всею подробностію предусматривалъ: слѣдовательно сей міръ, созданный Богомъ преимущественно предъ прочими, въ которомъ Онъ предусмотрѣлъ зло весьма ясно, есть самый лучшій.* См. мое разсужденіе о самомъ лучшемъ мірѣ, § 6 и слѣд. О совершенствѣ міра говоритъ Цицеронъ слѣдующее: *Міръ, объемлющій всѣ творенія и не исключающій ничего изъ своего круга, есть во всѣхъ частяхъ совершенъ. И такъ въ немъ содержится все, даже самое лучшее.* Онъ же говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Когда Богъ благоволилъ исполнить сей міръ всѣми благами; Онъ не смѣшалъ съ ними никакого зла, сколько дозволяло свойство міра. Ибо никакъ неприлично тому, кто почитается Всеблагимъ, создать вещь такую, которая не была бы совершенною.* О Естеств. Боговѣ кн. II. гл. 14. также Сенек. кн. VII. о Благод. гл. 7.

VI. Воля Божія непремѣнна.

Разумъ Божій всесовершенъ и познаетъ всякое добро со всею подробностію [§ 288. пол. I]; и потому не можетъ быть, чтобы, признавъ однажды что либо добромъ, онъ послѣ нѣкотораго времени почелъ тоже самое зломъ. Слѣдовательно воля должна всегда оставаться тоюже и не должна перемѣняться.

VII. Воля Божія совершенно свободна.

Богъ 1. совершенно познаетъ добро и зло; 2. не зависитъ ни отъ кого и, избирая что либо, дѣйствуетъ произвольно; 3: по причинѣ всесовершенной воли, всегда избираетъ самое лучшее [§ 291. пол. IV]. Сіи три принадлежности и составляютъ истинную свободу, какъ выше сказано въ § 267. пол. VIII.

VIII. Наконецъ воля Божія есть причина всѣхъ вещей, случайно существующихъ; безъ воли Божіей ничто не можетъ получить бытія.

Весь міръ имѣетъ довольную причину бытія своего въ Богѣ [§ 282). Но не должно думать, что она заключается въ Его сущности: ибо въ такомъ случаѣ міръ не былъ бы существомъ случайнымъ, но совершенно необходимымъ. Слѣдовательно причина бытія всѣхъ тварей заключается въ волѣ Божіей.

§ 292. Изъ предъидущихъ положеній явствуетъ:

I. Что существуетъ, или дѣлается, того и Богъ желаетъ.

Сіе познаніе наше о Божеской волѣ основывается на самомъ опытѣ (a posteriori).

II. Если кто желаетъ познать волю Божію силою собственнаго разума; тотъ долженъ изслѣдовать: сообразно ли что нибудь съ Божескими совершенствами.

III. Когда Богъ непосредственно являетъ человѣку свою волю; тогда сіе дѣйствіе называется *Откровеніемъ*.

Я не намѣренъ здѣсь входить въ изслѣдованіе: открывалъ ли Богъ людямъ волю свою, или долженствовалъ ли открывать оную; но исчислю только нѣкоторые признаки, которыми *Откровеніе* отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ.

§ 293. Признаки и отличительныя черты Откровенія могутъ быть заключены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

I. Откровеніе должно содержать такія истины, которыя по таинственности и важности не можетъ постигнуть разумъ человѣческій.

Если бы Богъ открылъ такія истины, которыя разумъ или уже постигъ, или можетъ впредь постигнуть; тогда онъ открылъ бы ихъ безъ довольной причины: поелику открывать то, что разумъ можетъ постигнуть самъ собою, значитъ дѣйствовать напрасно.

II. Слѣдовательно Откровеніе должно содержать въ себѣ таинства.

Таинства суть такія истины, которыя превышаютъ разумъ: что составляетъ сущность Откровенія [пол. I].

III. Но сіи таинства, предлагаемыя въ Откровеніи, не должны быть противны истинамъ, постигаемымъ отъ разума.

Истины, основанныя на разумѣ, и истины предлагаемыя въ Откровеніи, происшекаютъ отъ одного начала, т. е. отъ Бога; но Богъ не можетъ самъ себѣ противорѣчить.

IV. Истины, содержащіяся въ Откровеніи, не могутъ одна другой противорѣчить.

Истина никогда не противорѣчитъ истинѣ; такъ какъ и Богъ самъ себѣ не противорѣчитъ.

V. Откровеніе не должно содержать ничего такого, что противно Божіимъ совершенствамъ.

VI. Откровеніе должно показывать пути, ведущія ко спасенію, къ которому человѣкъ не можетъ достигнуть, руководствуясь однимъ разумомъ.

Если Откровеніе не ведетъ рода человѣческаго ко спасенію, то какая цѣль его?

§ 294. Свойства, нераздѣльныя съ волею Божіею, суть: *премудрость*, *благость*, *правосудіе*, *всемогущество*.

§ 295. *Премудрый* и *премудрость* имѣютъ слѣдующее знаменованіе: *Премудрымъ* называется тотъ, кто избираетъ все сообразнѣйшее съ цѣлію. *Премудрость* есть знаніе избирать самое лучшее, или благоразумно употреблять средства для достиженія цѣли.

§ 296. Богъ, имѣя всесовершенный разумъ, познаетъ со всею подробностію не только то, что существуетъ, но и то, что впредъ можетъ существовать (§ 288.

пол. II): почему всѣ цѣли и средства и связь оныхъ такъ Ему извѣстны, что онъ знаетъ совершенно, какимъ путемъ и какими средствами можно достигнуть самыхъ лучшихъ цѣлей: слѣдовательно Богъ имѣетъ премудрость *высочайшую и всесовершенную.*

§ 297. Желаніе надѣлять другихъ совершенствами называется *благостію*, которая является въ высочайшей степени; когда соединяется съ оною величайшее желаніе надѣлять всѣ существа всѣми возможными совершенствами.

§ 298. Богъ, по причинѣ всесовершенной воли, желаетъ всего добраго (§ 290. пол. III): слѣдовательно Онъ желаетъ даровать всѣмъ своимъ твореніямъ возможныя совершенства. Изъ сего явствуетъ, что Богъ *безконечно благъ.*

Пусть никто не сомнѣвается о небесной благости, видя иногда такія вещи, въ которыхъ малые, по видимому, слѣды Божіей благости открываются. Богъ даетъ всякой вещи столько совершенствъ, сколько она вмѣстить можетъ и сколько позволяетъ Его премудрость, проникающая въ союзъ и согласіе вещей.

§ 299. Волфій подробно объяснилъ понятіе о правосудіи Божіемъ, которому приписываетъ два существенныя свойства: 1] благость, 2] премудрость, съ законами коея должна соображаться благость. И такъ *Правосудіе* есть благость, соединенная съ премудростію.

Благость надѣляетъ всякое существо совершенствами; а премудрость показываетъ, какія совершенства должно оно имѣть по своей сущности.

§ 300. И такъ, кто имѣетъ высочайшую благость, сообразующуюся съ законами всесовершенной премудрости; тотъ правосуденъ въ высочайшей степени: слѣдовательно Богъ, будучи преблагимъ и премудрымъ, доженъ имѣть *правосудіе въ высочайшей степени.*

§ 301. *Могущество* есть сила, дающая бытіе возможному. Величайшее и всесовершенное могущество есть то, съ которымъ соединена сила давать бытіе *всему* возможному.

§ 302. Богъ далъ бытіе всей вселенной [§ 282]: слѣдовательно Богъ имѣетъ могущество, которое, по причинѣ безпредѣльности, есть величайшее, неограниченное и всесовершенное: посему самому и называется *всемогуществомъ.*

Всемогущество Божіе простирается на всѣ возможныя существа, а невозможныя [ἀδυνατα] не подлежатъ оному.

§ 303. Богъ имѣетъ всѣ совершенства; несовершенства въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго [§ 287. пол. VII]: слѣдовательно Богъ есть всесвятый; ибо святость Божія есть не что иное, какъ исключеніе всѣхъ несовершенствъ.

§ 304. Опредѣленіе (decretum) Божіе есть самое исполненіе, или рѣшимость и дѣйствіе воли его, дающей бытіе всему случайному.

Иные опредѣляютъ такъ: *Опредѣленіе Божіе есть воля приводить все въ дѣйствіе.*

§ 305. Объ опредѣленіяхъ Божескихъ должно замѣтить слѣдующія положенія:

I. Опредѣленія Божескія сушь непремѣнны.

Ибо воля Божія есть непремѣнна.

II. Ничто не можетъ быть безъ опредѣленія Божескаго.

Ибо воля Божія есть начало и источникъ всего сущаго.

III. Опредѣленія Божіи совершенно свободны.

Ибо воля Божія совершенно свободна [§ 201. пол. VI].

ГЛАВА V.

О дѣйствіяхъ Божіихъ.

§. 306. Главныхъ Божескихъ дѣйствій два: *созданіе* и *провидѣніе. Созданіе* есть произведеніе существа изъ ничего.

Бильфингеръ нѣсколько отлично опредѣляетъ созданіе. *По моему мнѣнію,* говоритъ онъ, *истинное созданіе будетъ и то, чему Творецъ прежде вѣкъ далъ существенность, но что вовсе для насъ не существуетъ.*

§ 307. Созидая міръ, Богъ имѣлъ особенно ту цѣль, дабы роду человѣческому явишь свои совершенства, а наипаче свою благость и премудрость. Сіе можно заключать во первыхъ изъ того, что Богъ сотворилъ міръ не для себя; ибо Онъ былъ бы всесовершеннымъ, хотя бы и не было міра; во вторыхъ изъ того, что всѣ вещи своимъ устройствомъ, связію и порядкомъ видимо показываютъ намъ, какъ въ нѣ-

которомъ зеркалѣ, премудрость и другія совершенства Божіи.

§ 308. Когда совершенства Божіи откриваются разумнымъ тварямъ; тогда прославляется въ нихъ имя Божіе. Изъ сего можно видѣть, почему созданіемъ міра, какъ говорятъ, прославлено имя Божіе.

§ 309. Попеченіе Божіе о тваряхъ называется *Божественнымъ провидѣніемъ*. Желающій имѣть правильное понятіе о провидѣніи, долженъ знать, что въ семъ попеченіи заключаются *сохраненіе, содѣйствіе и управленіе*.

§ 310. Всѣ творенія существуютъ единственно по волѣ Божіей [§ 292]: слѣдовательно и впредь существованіе оныхъ зависитъ отъ воли Божіей. Таковое продолженіе воли Божіей, касательно существованія твореній, называется *сохраненіемъ*.

Разсматривая существа, мы должны обращать вниманіе 1] на самое существо сохраняемое; 2] на его предѣлы.—Самое существо сохраняется Богомъ, но предѣлы его зависятъ отъ другихъ обстоятельствъ и не подлежатъ Божіему сохраненію. На прим. способность мыслить есть предметъ, сохраняемый Богомъ; но что касается до понятій темныхъ и смѣшенныхъ, которыя часто вводятъ человѣка въ заблужденіе; сіе зависитъ отъ предѣловъ, которыми ограниченъ умъ человѣческій.

§ 311. Изъ сего понять можно, что значитъ *содѣйствіе Божіе*. Дѣйствіе воли Божіей, сохраняющей все

существенное въ твореніяхъ, называется *содѣйствіемъ* (concursus) *Божіимъ*.

Но спрашивается: содѣйствуетъ ли Богъ движенію руки вора, похищающаго собственность другаго? На сіе отвѣтствую: Богъ сохраняетъ силу движенія въ рукѣ вора: въ чемъ и состоитъ содѣйствіе Божіе. Но предѣлы движенія, составляющаго сіе, а не другое дѣйствіе, не зависятъ отъ Божіяго содѣйствія.

§ 312. *Управленіе Божіе* есть соображеніе средствъ и дѣйствій съ извѣстною цѣлію. Богъ, по безконечной своей премудрости, такъ соединяетъ мудро средства съ цѣлями, что всегда происходитъ отъ того все самое лучшее [295]: слѣдовательно *Богъ всемъ управляетъ*.

§ 313. И такъ если Богъ сохраняетъ все и всемъ управляетъ [§ 313 и 312); то Онъ имѣетъ попеченіе обо всемъ; и потому промышляетъ о всѣхъ твореніяхъ [§ 309].

Сенека пространно опровергаетъ въ своемъ сочиненіи о провидѣніи все то, что по видимому противорѣчитъ Божіему промыслу. Особливо кажется противорѣчущимъ Божественному промыслу то, что въ мірѣ семъ есть много зла, отъ котораго не можетъ Богъ не отвращаться по причинѣ своей безконечной святости. И такъ трудные вопросы касательно сего предмета, я постараюсь здѣсь рѣшить, слѣдуя мнѣнію Лейбница.

I. Лейбницъ называетъ иное зло *Метафизическимъ*, иное *Нравственнымъ*, иное *Физическимъ*. *Ме-*

тафизическое зло состоитъ въ ограниченіи тварей; *Нравственное* происходитъ отъ преступленія закона; *Физическое* проистекаетъ отъ претерпѣваемой боли и по большей части раждается отъ зла нравственнаго.

II. Зло *Метафизическое* Богъ не могъ уничтожить; ибо оно состоитъ въ ограниченіи твореній, составляющемъ сущность оныхъ.

III. Богъ не есть виновникъ *зла нравственнаго*, но попускаетъ быть оному ради причинъ, согласныхъ съ Его премудростію. Если бы премудрость Его требовала воспрепятствовать сему злу; то конечно Онъ воспрепятствовалъ бы оному.

§ 314. Имѣя понятіе о Божіемъ провидѣніи, можемъ разумѣть, въ чемъ состоитъ *вездѣсущность Божія*, которая требуетъ: 1] дабы Богъ все вѣдалъ, 2] дабы вездѣ и во всемъ дѣйствовалъ.

§ 315. Богъ постигаетъ все возможное со всею подробностію [§ 288. пол. II]; сохраняетъ всѣ вещи и всѣмъ тварямъ содѣйствуетъ [§ 310]: слѣдовательно Божіе присутствіе объемлетъ все созданное.

§ 316. Изъ вышесказаннаго проистекаютъ слѣдующія положенія:

I. Богъ есть существо вседѣйствующее.

Сіе доказывается Его сохраненіемъ и управленіемъ всего созданнаго, объемлемаго его вездѣсущимъ присутствіемъ.

II. Богу подобаетъ высочайшее величіе и слава.

Богъ имѣетъ всѣ возможныя совершенства въ высочайшей степени, по причинѣ своей безпредѣльности.

III. Богъ преблаженъ и совершенно ничего не требуетъ.

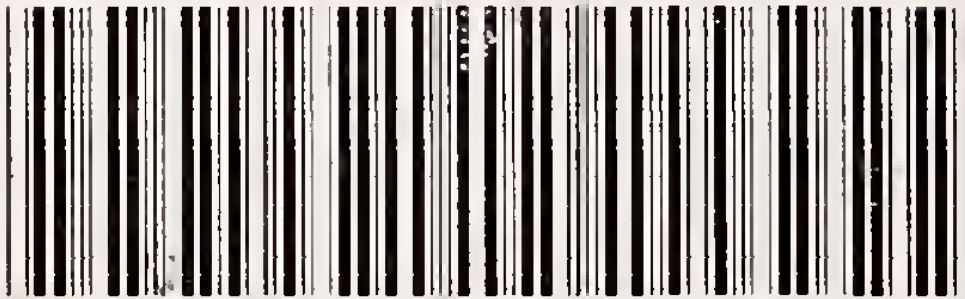
Богъ имѣетъ всѣ возможныя совершенства [§ 287. пол. IX]; и потому имѣетъ все потребное для высочайшаго блаженства

IV. Богъ есть властитель всѣхъ тварей.

Богу подвластны всѣ твари [§ 287. пол. IV], но самъ онъ ни отъ кого не зависитъ: слѣдовательно всѣ творенія подвластны волѣ Его такимъ образомъ, что Онъ не обязанъ никому давать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

БУКИНИСТЪ В.КЛОЧКОВЪ
С.П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55.
LIBRAIRE V.KLOTSCHKOFF.
St PETERSBOURG LITEINAJA 55.

LIBRARY OF CONGRESS



0 017 663 687 7